

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 (16) 2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адигезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохаров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 28.06.2024. Дата выхода в свет: 05.07.2024.

Усл. печ. л. 11,2. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2024.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 2 (16) 2024

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubSU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Alexander N. Shitov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law of Chiang Mai University of the Kingdom of Thailand

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 28.06.2024. Release date: 05.07.2024.

Usl. pech. l. 11,2. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Адыгезалова Г.Э.</i> Постулаты школы критических правовых исследований (на примере социально-правовой теории Р.М. Унгера).....	7
<i>Таранюк Ю.В.</i> Толкование и интерпретация права: отличие понятий и правила осуществления в современной Индии.....	17

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Баринов Э.Э.</i> Конституционная культура россиян на этапе перехода от либерализации конституционно-правового пространства к защите традиционных ценностей.....	24
<i>Жеребцов А.Н., Шапиро И.В.</i> Политика народосбережения и ее реализация в полицейском праве Российской Империи.....	35
<i>Позднышов А.Н., Непранов Р.Г.</i> Искусственный интеллект и цифровые технологии как факторы формирования нового поколения прав человека и гражданина: теоретико-правовой анализ.....	42

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю.</i> Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ в интернет-среде.....	50
<i>Коломиец Н.Н., Слесарев В.Л.</i> Цивилистическая наука о социальной направленности гражданско-правового регулирования.....	62
<i>Потапенко Н.С.</i> Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве. Новеллы законодательства.....	69
<i>Тишкович К.С.</i> Группа работников как самостоятельный субъект трудовых отношений.....	77
<i>Чаркин С.А.</i> О понятии и юридической природе ограничений права собственности на земельную недвижимость.....	85

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Завьялов В.А.</i> Производство допроса с использованием видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования: новый вызов для криминалистической тактики.....	93
<i>Косаренко А.А.</i> Историко-правовой анализ предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру несовершеннолетних.....	98
<i>Мичурин О.В.</i> Признание подозреваемым своей вины как одно из условий для производства дознания в сокращенной форме.....	104

КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ; НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ

<i>Семенцов В.А.</i> Международная научно-практическая конференция кафедры уголовного процесса.....	110
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Gyulnaz E. Adygezalova</i> Postulates of the school of critical legal studies (based on the example of social-legal theory of R.M. Unger).....	7
<i>Yulia V. Taranyuk</i> Interpretation and construction of law: difference in concepts and implementation rules in modern India.....	17

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Emil E. Barinov</i> Constitutional culture of Russians at the stage of transition from liberalization of the constitutional and legal space to the protection of traditional values.....	24
<i>Aleksey N. Zhrebtsov, Irina V. Schapiro</i> The policy of saving people and its implementation in the police law of the Russian Empire.....	35
<i>Alexsey N. Pozdnyshov, Ruslan G. Nepranov</i> Artificial intelligence and digital technologies as factors in the formation of a new generation of human and civil rights: theoretical and legal analysis	42

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Lydia V. Zarapina, Natalia Y. Belokopytova</i> Compensation for moral damage as a way to protect violated personal non-property rights and intangible benefits in the internet environment.....	50
<i>Natalia N. Kolomiets, Vladimir L. Slesarev</i> The civil science of the social orientation of civil law regulation.....	62
<i>Nikolay S. Potapenko</i> Extraordinary appeal of an erroneous recovery in bankruptcy. Novelties of legislation.....	69
<i>Ksenia S. Tishkovich</i> Group of employees as an independent subject of labor relations.....	77
<i>Sergey A. Charkin</i> On the concept and legal nature of restrictions on ownership of land real estate.....	85

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Vladimir A. Zavyalov</i> Conducting an interrogation using video conferencing at the preliminary investigation stage: a new challenge for forensic tactics.....	93
<i>Artem A. Kosarenko</i> Historical and legal analysis of the prevention of involvement in the criminal subculture of minors.....	98
<i>Oxana V. Michurina</i> Recognition by the suspects of his guilty as one of the conditions for conducting an investigation in a short form.....	104

CONFERENCES; SYMPOSIUMS; SCIENTIFIC SEMINARS

<i>Vladimir A. Sementsov</i> International scientific-practical conference of the department of criminal procedure.....	110
---	-----

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-7-16>

ПОСТУЛАТЫ ШКОЛЫ КРИТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ Р.М. УНГЕРА)

Адыгезалова Г.Э.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Адыгезалова Г.Э. Постулаты школы критических правовых исследований (на примере социально-правовой теории Р.М. Унгера). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):7–16. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-7-16>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (928) 664-15-64
E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.04.2024

Статья принята к печати: 24.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целью* работы стало выявление и формулирование основных положений, исходных взглядов сторонников Школы критических правовых исследований, получивших развитие в США с 1970-х годов XX века, через анализ взглядов одного из активистов движения критических правовых исследований бразильского государственного деятеля и правоведа Роберто Мангабейра Унгера.

Задачи работы включают изучение условий возникновения и истоков критических правовых исследований, анализ методологической основы, исследование работ и высказываний Р. Унгера, формулирование постулатов школы критических правовых исследований и основ политико-правовой теории Р. Унгера.

Для достижения поставленной цели и решения задач автор использует такие общенаучные и частнонаучные *методы*, как анализ, синтез, исторический, системно-структурный, сравнительный методы. Кроме того, представлена авторская интерпретация взглядов Р. Унгера на основе перевода его англоязычных работ.

Результаты: определены объективные и субъективные факторы формирования Школы критических правовых исследований, выявлена связь идей сторонников школы с умеренным направлением американской социологической юриспруденции и реалистической школой права, сформулированы основные постулаты сторонников критических правовых исследований на основе положений политико-правовых взглядов Р. Унгера.

Выводы: Школа критических правовых исследований возникла на основе понимания права прежде всего в качестве социального института, призванного обеспечивать баланс индивидуальных, социальных и государственных интересов. Как и правовые реалисты, представители школы пытались демифологизировать правовые явления, анализируя правовую жизнь общества. Кроме того, Унгер, апеллируя к взглядам О. Холмса на право, как на продукт опыта, видел дальнейшее развитие

человеческого общества через внедрение новых технологий и проведение экспериментов на основе социальной солидарности и сотрудничества, когда государство и право выступают хранителями общества, а не ограничивают его прогрессивное развитие.

Ключевые слова: правовой реализм, социологическая юриспруденция, демократия, децентрализация, институализация, саморегулируемая система, сущность права, юридическое образование, идеальное общество, утилитаризм, прагматизм, утопия, принципы права.

POSTULATES OF THE SCHOOL OF CRITICAL LEGAL STUDIES (BASED ON THE EXAMPLE OF SOCIAL-LEGAL THEORY OF R.M. UNGER)

Gyulnaz E. Adygezalova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Adygezalova G.E. Postulates of the school of critical legal studies (based on the example of social-legal theory of R.M. Unger). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):7–16. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-7-16>

CONTACT INFORMATION:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 664-15-64

E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.04.2024

The article has been accepted for publication: 24.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of the work was to identify and formulate the main provisions, the initial views of supporters of the School of Critical Legal Studies, which have developed in the United States since the 1970s of the twentieth century, through an analysis of the views of one of the activists of the movement of critical legal studies, the Brazilian statesman and jurist Roberto Mangabeira Unger.

The objectives of the work include studying the conditions for the emergence and origins of critical legal research, analyzing the methodological basis, studying the works and statements of R. Unger, formulating the postulates of the school of critical legal research and the foundations of R. Unger's political and legal theory. To achieve the set goal and solve problems, the author uses such general scientific and specific scientific methods as analysis, synthesis, historical, system-structural, comparative methods. In addition, the author's interpretation of R. Unger's views is presented based on the translation of his English-language works.

Results: objective and subjective factors in the formation of the School of Critical Legal Studies have been identified, the connection between the ideas of the school's supporters and the moderate direction of American sociological jurisprudence and the realistic school of law has been identified, the main postulates of the supporters of critical legal studies have been formulated based on the provisions of the political and legal views of R. Unger.

Conclusions: The school of critical legal studies arose on the basis of an understanding of law primarily as a social institution designed to ensure a balance of individual, social and state interests. Like legal realists, representatives of the school tried to demythologize legal phenomena by analyzing the legal life of society. In addition, Unger, appealing to O. Holmes's views on law as a product of experience, saw the further development of human society through the introduction of new technologies and experiments

based on social solidarity and cooperation, when the state and law act as guardians of society and do not limit its progressive development.

Keywords: legal realism, sociological jurisprudence, democracy, decentralization, institutionalization, self-regulatory system, essence of law, legal education, ideal society, utilitarianism, pragmatism, utopia, principles of law.

Введение

На протяжении всей истории права учёные формулировали свои подходы к пониманию природы права, его сущности, пытались определить составные элементы права, выявить условия его возникновения, формирования и развития, определить основные принципы его функционирования. Отсутствие согласия авторов по многим ключевым вопросам о праве не исключает общую причину, побуждающую мыслителей вновь и вновь включаться в дискуссии о праве. Таким общим мотивом является понимание необходимости поддержания взаимодействия личности и общества, личности и государства, общества и государства. Формируя свои взгляды, складывающиеся в правовую теорию, доктрину, концепцию, авторы испытывают влияние не только со стороны ранее возникших идей, правовых школ, но и со стороны той конкретно-исторической обстановки, в которой находится учёный, окружающие его социально-экономические и политические условия, а также состояние действующего правопорядка. Ретроспективный анализ возникновения и действия права так же не остаётся вне новых концепций, обеспечивая их преемственность и логическую взаимосвязь.

В юриспруденции США в первой половине XX века стали проявляться идеи сторонников европейского социологического правопонимания, которое сложилось в эпоху революционного и постреволюционного установления и закрепления новых правовых принципов. Континентальное право с момента провозглашения идеологами просвещения принципов права частной собственности планомерно двигалось в сторону утверждения нового правового фундамента (в результате перехода к новым капиталистическим отношениям), провозглашая при этом идеи солидаризма, социализируя право частной собственности. Американское же право, в большей степени опиралось на принципы индивидуализма, стремясь создать негибкое право, которое надолго зафиксирует определённое устоявшееся положение вещей. Однако, кризис первой половины XX века, все-таки заставил не только политиков, но и правоведов США обратиться к праву, как к социальному институту, который должен служить не только отдельному индивиду, но и обществу в целом. Примером активизации социально-ориентированных правовых процессов (и правотворчества, и правоприменения, и развития правовой мысли) стала реализация Верховным судом США функции конституционного контроля, к которой суд редко обращался с момента ее утверждения в ходе судебной практики при рассмотрении известного дела Марбери против Мэдисона (1803 г.). Как наглядно иллюстрирует С.А. Хаустов, в 1920-1940-ые годы количество федеральных законов и законов штатов и местных положений, признанных Верховным судом неконституционными, в десятки раз превышало предыдущие периоды [3, с. 180]. Толчком к трансформации права стала Великая депрессия, т.е. мировой экономической кризис, длящийся с 1929 г. до 1939 г., Широкий спектр мер государственного контроля и регулирования, составивших Новый курс Рузвельта 1933–1938 гг. требовал более гибкого права и судебной практики для оформления обновления правопорядка и применения новых подходов толкования конституционных норм. Шёл процесс утверждения государственно-монополистического капитализма. Все это предопределило формирование направления социологической юриспруденции США, крайним проявлением которого стала реалистическая школа права, которая абсолютизировала роль суда в правотворчестве и в создании права, удовлетворяющего интересам общества. Именно в этот период наблюдается критика юридического позитивизма, как идейной основы для излишнего формализма, не позволяющего праву двигаться в ногу с обществом. И в самой крайней степени социально-правовые идеи воплощаются в теориях, концепциях, политических программах целого ряда авторов, составивших движение под названием Школа критических правовых исследований (ШКПИ) во второй половине XX в.

Методы исследования

Автор использует такие общенаучные и частнонаучные методы, как анализ, синтез, исторический, системно-структурный, сравнительный.

Результаты исследования

Результатом исследования условий формирования взглядов сторонников Школы критических правовых исследований и анализа идей одного из ее активистов Р.М. Унгера стало формулирование исходных общих положений сторонников школы:

– критика сложившейся юридической доктрины, как непоследовательной, противоречивой и используемой для манипулирования;

– критика сложившегося правопорядка, как «радикально несправедливого» и способствующего «легитимации репрессивного социального порядка»;

– критика существующих социальных и правовых механизмов, не позволяющих создать общество, свободное от «гегемонии» и «иерархии», господствующих в настоящее время.

Работы и высказывания Р.М. Унгера позволили обозначить основные постулаты его политико-правовой теории:

1) Конфликтность – это основа развития социума, поэтому любое сопротивление и неподчинение лучше слепого повиновения.

2) Общество должно развиваться как самоорганизующийся организм, государство и право не должны сдерживать его своими жёсткими рамками, а должны лишь определять мягкие границы правового регулирования.

3) Необходимо свести воедино противопоставляемые идеи индивидуализма и коллективизма. Право должно следовать интересу индивида, который в свою очередь свой интерес видит в удовлетворении общих, социальных интересов.

4) Государство и общество должны развиваться на основе широкого внедрения инноваций, сотрудничества, общего блага, экспериментальности.

5) Должна поощряться и обеспечиваться государством и правом частная инициатива, в обществе должно быть множество общественных объединений, движений, организаций.

6) Государство и право как социальные институты не должны довлеть над обществом и стоять на страже жёсткой иерархии. Общество должно быть децентрализованным и непосредственно (а не только через представителей) участвовать в принятии решений.

Идеи Р.М. Унгера, несомненно, носят позитивный и прогрессивный характер, но строятся на основе идеалистических представлений о человеческом обществе, состоящим в основном из высокоорганизованных, сознательных, заботящихся об общем благе индивидов.

Научная дискуссия

Школа критических правовых исследований в США начинает развиваться под влиянием идеологов американской социологической юриспруденции и правового реализма, которые повернули государство к обществу, повысив ценность социальной составляющей действующего права в его выражении в конкретных правоотношениях.

Вопрос о социальной обусловленности права, о соответствии правовых норм социальным потребностям (интересам, ценностям) занимает центральное место в социологической теории права, исходящей из того, что право появляется в результате повседневного взаимодействия индивидов и социальных групп. Норма права должна отвечать социальным потребностям и быть максимально социально обусловленной, но правообразующий интерес не должен сводиться только к социальному интересу (ведь, существуют ещё государственные и индивидуальные интересы).

Рассуждая о проблемах взаимодействия личности и государства, некоторые авторы выделяют так называемую прагматическую (рационально-правовую) модель соотношения интересов государства и личности, которая «подразумевает отказ от монистического подхода к проблеме приоритета социальных интересов (личности или государства). В рамках данной модели на первое место выходит принцип взаимного уважения интересов личности и государства, что должно способствовать формированию сбалансированной системы взаимных прав и обязанностей государства и личности. При этом, с одной стороны, индивиды обязуются выполнять требования, исходящие от государства властных предписаний, а с другой – государство принимает на себя ответственность за обеспечение достойного образа жизни всем членам сообщества, а также гарантирует определённую свободу поведения субъектов при условии, что свобода одних не нарушает прав и законных интересов других (современные государства западной демократии)». При этом «принцип взаимного уважения интересов личности и государства определяется закономерностями взаимодействия личности и социума» [2, с. 182].

Разработанная американским правоведом Р. Паундом юриспруденция интересов, по сути, представляет собой пример такой прагматической модели. При этом автор под правообразующим интересом понимал притязания и требования, подлежащие признанию, учёту и защите со стороны законодателей и судов, т.е. те реально существующие интересы, которые оцениваются как разумные [8, р. 65].

Как известно, в своей социально-правовой теории Р. Паунд разделил интересы, подлежащие обеспечению и защите государством, на три основные группы: а) публичные интересы; б) индивидуальные интересы; в) общественные (социальные) интересы. Публичные интересы – это интересы государства, в том числе в качестве гаранта общественных интересов. Индивидуальные состоят из интересов личности; интересов семейных отношений; интересов материальных отношений. К общественным относятся «интересы безопасности, безопасности социальных институтов, общей морали, защиты общественных ресурсов от расточительства, общего прогресса и защиты человеческой жизни» [7, р. 6].

При этом, если разобраться, в целом идеи социологической и реалистической школ права не были категоричны и радикальны, они лишь стали последствием излишнего правового формализма, который в конкретно-исторический период уже не позволял гибко реагировать на быстро меняющиеся общественные отношения, связанные не только с технологическими, промышленными процессами, но и с необходимостью стабилизации экономики, в том числе посредством мер Нового курса Рузвельта. Когда была провозглашена и поддержана правовыми реалистами (которые были в основном практикующими юристами) ориентация права на интересы социума, на социально-экономические интересы, когда сформировались эффективные механизмы управления общественным мнением, стабилизировалось экономическое положение страны в середине XX века, к концу XX века – началу XXI века возник новый запрос от общества. Нестабильная политическая обстановка внутри страны и на международной арене, потребности развития экономики и реализации социальных гарантий, отсутствие в XXI веке в США харизматичного лидера, поддерживаемого народом, неизбежно привели к нарастанию радикальных идеологий, в том числе леворадикальных настроений. Таким образом, появление движения критических правовых исследований, направленного на переосмысление теорий права, на построение новых моделей общества и государства, можно считать вполне закономерным. В отличие от социолого-правовых теорий и правового реализма основу нового движения составили политические взгляды.

Школа критических правовых исследований (далее ШКПИ) представляет собой концепции разных авторов, которые, как и правовые реалисты, не всегда связаны в единую концепцию, но представляют собой политико-правовое движение, опирающееся на общие постулаты, аналогичные тем, которые сформулировал К. Левеллин для реалистической школы права. По мнению Дж. Фрэнка, правовые реалисты – это «скептики в отношении норм» и «скептики в отношении фактов». А в новом движении речь уже идёт о категоричной критике сложившегося правопорядка, сопровождающейся позитивными и несколько утопичными идеями построения новой модели государства. Прежде чем пытаться сформулировать постулаты школы обратимся ко взглядам одного из видных основоположников критических правовых исследований, представляющего Гарвардскую школу права. Это политический и государственный деятель Бразилии, учёный Роберто Мангабейра Унгер (род. 24 марта 1947).

Роберто Унгер получил образование на юридическом факультете Гарварда, в 23 года начал преподавательскую деятельность, став в 29 лет самым молодым постоянным профессором за всю историю Гарвардской школы права. Он преподавал у многих представителей североамериканской элиты, включая Барака Обаму, которого Унгер обучал основам права и демократии. В политическую жизнь Бразилии он был активно вовлечён с 1970 г. Участвуя в разного рода социальных и политических движениях, он выступал против диктатуры в Бразилии, пытался переосмыслить порядок взаимодействия личности, общества и государства с целью не только избежать диктата со стороны государства, этатизации, но и не допускать формальное декларирование либеральных ценностей, которые обусловлены западной традицией провозглашения таких идеалов, как право частной собственности, а также неолиберальное государственное регулирование рыночной экономики.

В 2007–2009 гг. Роберто Унгер занимал пост Министра стратегического развития Бразилии в администрации Президента Луиса Инасиу Лулы да Силва, который представлял социалистическую партию трудящихся. Он участвовал в разработке законодательных и политических программ в сферах экономического развития, образования, становления гражданского общества, институционального развития; провёл реформы образовательной системы и трудового законодательства Бразилии. В трудовых отношениях Унгер защищал положение временных работников в различных сферах.

Особый интерес вызывают прогрессивные взгляды Унгера на образование, которые актуальны в условиях кризиса образования, выражающегося в двух основных формах: образование

пытаются свести либо к формальному получению диплома («гонка за дипломами») либо к формированию лишь прикладных навыков и умений, снижая ценность формирования отталкивающегося от социального опыта критического мышления у новых поколений. Унгер акцентировал внимание на развитии познавательных и аналитических навыков человека в противовес формированию набора рабочих умений, пользующихся спросом на рынке. По мнению автора, «в образовании должно быть два основных приоритета: увязать качество управления учебными заведениями на местах с национальными стандартами качества и инвестиций, а также заменить способ образования, основанный на запоминании, предоставлении большого объёма информации, приобретении энциклопедических знаний, способом, который нацелен на развитие аналитических способностей и решение проблем, который учит использовать информацию избирательно с целью анализа, который развивает сотрудничество, а не различные формы индивидуализма и авторитаризма, который использует диалектический подход к получению запаса знаний»¹.

Идеи Унгера направлены на поиск альтернативных путей развития общества, государства и права, они связаны с концепцией гибкости общества, которое изменяется само, непрерывно и постепенно, путём экспериментов в отдельных областях, что позволяет провести аналогию с пониманием общества как самоорганизующейся системы.

Опираясь на представления о социуме, как о творении человечества, порождённом его воображением, Унгер видит в экономике сферу постоянного поиска и инноваций, в которой непрерывно возникают разнообразные комбинации человеческих и материальных ресурсов, а право он рассматривает как проекцию институционального мышления.

У. Эвалд отмечал, что начало критическим идеям Унгера было положено в работе «Знание и политика» (Knowledge and Politics, 1975) [4]. Другая его книга «Право в современном обществе» (Law in Modern Society, 1976) стала вехой в истории юридической науки, так как продемонстрировала глубину анализа автора. В своих работах он попытался сформулировать альтернативу марксизму и социал-демократическим взглядам.

Необходимо подчеркнуть, что Унгер особое внимание уделял аналитической деятельности. Он выступал за программу, которая позволила бы осознать и уяснить развитие мышления, а также исследовать общество так, чтобы прошлое не могло доминировать над будущим. При этом он выступал за радикализм, считая, что эффект от неподчинения гораздо больше, чем от повиновения [9, р. 8].

Унгер развивал свои идеи в трех направлениях: философия, право и политика. В работе «Альтернатива левым» («The Left Alternative») Унгер видит главную проблему в отсутствии альтернативной программы выведения большинства людей из условий нищеты, тяжёлого труда и унижения. Он предлагает сформировать и систематизировать идеи, которые направлены на практические достижения экономического роста, сопровождаемого социальной интеграцией. Унгер отмечает универсальность таких идей, возможность их применения во всем мире, подчеркивая отсутствие продвижения реальной, убедительной альтернативы неолиберализму, который доминирует в богатых западных странах. В рамках этой альтернативы должна быть решена задача эффективного сочетания социальной сплочённости, солидарности и расширения прав отдельного человека в политической, экономической и социальной сферах. Это позволило бы отвлечься при развитии производства и политики от жёсткого давления и канонизации уже устоявшихся представлений о форме рыночной экономики, представительной демократии и свободном гражданском обществе. Необходимо уйти от противопоставления методов рыночной и командной экономики и сосредоточиться на построении равенства (не путём перераспределения налогов и др.) и интеграции в условиях экономического роста и технологических инноваций. Унгер пытался сформулировать программу инновационного сотрудничества, которую могут продвигать рабочие с целью повышения своего благосостояния. Такое сотрудничество формируется из технологических инноваций, внедряемых и распространяемых во всем мире. От гуманизации общества, по Унгеру, необходимо перейти к «обожествлению человечества».

«Я следовал этой интеллектуальной программе, создавая радикальную альтернативу марксизму в социальной теории, превращая юридическую мысль в инструмент институционального воображения, предлагая определенные институциональные альтернативы для организации

---

¹ Оверченко Михаил. Роберто Мангабейра Унгер: Интервью – Роберто Мангабейра Унгер, философ [сайт]. Ведомости; 2013 [обновлено 29 января 2013; процитировано 01 марта 2024]. Доступно: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/01/29/prorochestvo_vazhnee_pamyati_roberto_mangabejra_unger.

экономики и государства и разрабатывая философскую концепцию, концепцию природы и человечества, в рамках которой история открыта, возможна новизна, и обожествление человечества — значит больше, чем гуманизация общества» [9, р. 187–188].

Как подчёркивает Унгер, такая программа может применяться всеми нациями, обеспечивая не «фальшивый эгалитаризм» консервативных левых партий, а реальное равенство путём совмещения идей индивидуализма и коллективизма, обеспечивая практику институциональных экспериментов с целью демократизации рынка, углубления демократии и расширения прав и возможностей отдельных лиц. Это будет способствовать глобализации с сохранением плюрализма демократий в мире.

К основным постулатам Унгера, которые стали характерны для всех сторонников ШКПИ можно отнести следующие:

- критика сложившейся юридической доктрины, как непоследовательной, противоречивой и используемой для манипулирования;
- критика сложившегося правопорядка, как «радикально несправедливого» и способствующего «легитимации репрессивного социального порядка»;
- критика существующих социальных и правовых механизмов, не позволяющих создать общество, свободное от «гегемонии» и «иерархии», господствующих в настоящее время.

Школа критических правовых исследований критикует традиционную юридическую науку и юридическое образование за то, что они рассматривают уже существующие концепции и взгляды как нечто, не подлежащее трансформации, как данность, с которой необходимо мириться. Новая школа призвана продемонстрировать степень идеологизации юриспруденции. Следует понимать, что если признать, что правовая школа идеологизирована, то из этого сразу неизбежен вывод о том, что идеологизировано юридическое образование, а значит преподаватели учат не тому, создают неправильное представление о том, что есть право, о том, что является правовыми навыками, о том, что такое жизнь юриста. Существующей моделью организации, утверждаемой посредством права, является иерархия, отношения власти и подчинения и это требует пересмотра.

Нельзя не согласиться с тем, что право содержит в себе противоречия, что правовая система и правопорядок часто оказываются несправедливыми, что богатые имеют больше возможностей добиться справедливого результата, чем бедные, что юридическое образование несовершенно. Представители ШКПИ пытаются переосмыслить фундаментальные правовые постулаты, выявляют конкретные примеры несправедливости права, предлагают новые методы и способы разрешения споров. Унгер утверждал, что через конкретные примеры можно убедить человека в истинности своих идей и повести за собой. При этом идеи сторонников школы не всегда так радикальны, как представляется их риторика. Примером является программа стратегического развития Унгера, построенная на идее построения «общества всеобщего благоденствия», где право и государство играют второстепенную роль, расширяя границы для свободных экспериментов и гражданского активизма.

Сторонники ШКПИ предлагают освободиться от иллюзии о необходимости жёсткого подчинения социальным механизмам. Здесь они апеллируют к О. Холмсу, который отмечал, что право – это не математика, право – это прежде всего опыт, подчёркивая таким образом, некоторую непредсказуемость, неопределённость права, реагирующего на окружающие его социальные трансформации. Но при этом Унгер и другие авторы забывают о том, что Холмс настаивал на обращении к истории права, так как только через понимание вечной исторической борьбы целесообразности с традиционностью, можно понять эволюцию права. Это позволило нам отнести его теорию к историко-реалистическим [1, с. 83–90]. Преклоняясь перед учёными, способными абстрагироваться от реальности и погрузиться в историю, О. Холмс писал: «Сомневаюсь, что есть более благородная форма жизни, чем жизнь великого абстрактного мыслителя, поглощённого успешным изучением проблемы, которой он себя посвящает, ради цели, не являющейся ни бескорыстной, ни эгоистичной в общепринятом смысле этих слов, а просто для того, чтобы утолить свой голод и использовать великие таланты своей души» [6, р. 191]. Унгер же призывает к экспериментам, к активной проверке идей на практике, к азарту внедрения инноваций вопреки осторожности и нерешительности.

Подобно правовым реалистам сторонники ШКПИ критически анализируют конкретные правовые нормы (как например, анализ Унгера, посвящённый договорному праву [5, р. 34–35]), основной задачей такой критики является реформирование правового регулирования. И в этом нет ничего необычного. Так, например, существующая доктрина договорного права и правовое регулирование широко опираются на моральные принципы, на идеи справедливости и

добросовестности, что позволяет сужать и расширять правовые рамки, не вступая в противоречие с общей концепцией договорного права. В процессе правового регулирования и реализации права возникают неразрешаемые посредством простого логического анализа и дедукции сомнения в том, какие интересы приоритетны, чья позиция правильнее, кто допускает ошибку, так как все это опирается на неопределенность понятия «справедливости». Унгер, понимая это, выступает против необходимости выбора между готовым, но «грубым» юридическим обобщением, сформулированным в строго определенных рамках, и кропотливыми, аккуратными, не дающими уверенность определениями, заставляющими нащупывать правила поведения, учитывая разного рода моральные нюансы и внешние объективные факторы. Унгер утверждает, что нормы и обязательства могут быть оправданы или объяснены простым указанием на факты настоящего или прошлого. Обязательства, утверждает Унгер, «возникают главным образом из отношений взаимной зависимости, которые лишь частично были сформированы установленными государством обязанностями или явными и совершенными сделками».

По Унгеру нельзя считать одностороннее возложение обязательств государством и неопределённые, неустойчивые по своему содержанию принципы общего блага и справедливости исчерпывающими основаниями обязательств. Это позиция либо волонтаристов, либо позитивистов. Его критический анализ опирался на учет объективных факторов, которые позволяют выстроить программу правовой регламентации и реализации. Суть в том, что помимо формализма и справедливости, которая должна быть присуща правовому процессу и обеспечивать равную защиту правом, речь должна идти о системной целостности, которая включает в себя набор принципов и правил, распространяющихся на сходные отношения, а также набор взаимосвязанных, взаимозависимых институтов (как, например, иерархичная судебная система, тесно связанная с законодателем).

Анализ взглядов Унгера, позволяет сделать вывод о том, что, как истинный представитель школы критических правовых исследований, он строит свою социально-правовую теорию на критике не только идей, взглядов и школ прошлого, но и на скептическом отношении к действительности уже сложившихся социальных институтов. Унгер предлагает концепцию общества, которое существует в рамках государства, но на основе следующих принципов:

1) Принцип социальной экономики, то есть открытой экономика, которая не повторяет ни американскую модель, когда государство не срастается с бизнесом, а регулирует его, ни азиатскую модель, когда бюрократический аппарат формирует экономическую политику и поглощает бизнес. Социальная экономика в перспективе должна представлять собой децентрализованную экспериментальную модель, позволяющую развивать личную инициативу и максимально реализовывать способности человека.

2) Принцип революционного переустройства образования, которое должно быть ориентировано на формирование аналитических способностей у обучающихся.

3) Принцип единства и социальной солидарности не через продвижение государством социальных программ, увеличение налогов и перераспределение доходов, а через проявление заботы со стороны индивидов в отношении других членов общества за пределами семьи.

4) Принцип высокоактивной демократии не путём внедрения авторитарных методов управления, а через активизацию разнообразных социальных движений, внедрению экспериментальных режимов на местах.

5) Принцип межгосударственного сотрудничества, в том числе в сфере новых технологий, и расширения доступа к ним.

Государство и право в рамках такой модели общества должны максимально расширять возможности для развития децентрализованного и экспериментирующего социума, внедряющего инновационные технологии и методом проб и ошибок нащупывающего «реальные» нормы, позволяющие поддерживать «свободный правопорядок». Автор считал, что Россия и Бразилия имеют все возможности для формирования новой модели государства. При этом, Унгер, доказывая жизнеспособность своих утилитаристских идей, приводит конкретные примеры из практики правового регулирования, когда одни и те же принципы права имели разные варианты воплощения, подстраиваясь под внешние условия, под влиянием субъективных и объективных факторов. Но от этого его идеи не становятся более реализуемыми, несмотря на увеличение числа сторонников.

Современное развитие права в странах Западной Европы, американского континента и России наглядно продемонстрировало зависимость права от многочисленных внешних факторов. Такие западные и либеральные ценности, как равенство и запрет дискриминации по любому признаку

(цвету кожи, расы, национальности, социальному положению и др.), принципы свободы и неприкосновенности частной собственности, свободы и обязательности договора и т.п., на которых строился западный правопорядок XX века, оказались зыбкими, декларативными, в значительной степени зависимыми от политических и экономических факторов. Однако, программа Унгера представляется утопичной в существующих условиях, хотя его идеи о необходимости создания новой социально-экономической модели, о необходимости реформирования государственных и правовых институтов в условиях нового функционального измерения, о необходимости формирования общества на основе органической солидарности, о которой рассуждал ещё Э. Дюркгейм, обосновывая важность разделения общественного труда, несомненно, вызывают интерес и имеют обоснование.

Список использованной литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс»; 2012.
2. Государство, общество, личность: проблемы совместности: монография / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. М.: Юристъ; 2005.
3. Хаустов С.А. Роль Верховного суда в системе государственной власти США. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010;3(12):179–186. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-179-186>.
4. Ewald W. Unger's Philosophy: A Critical Legal Study (1988). Faculty Scholarship at Penn Law. 1284 [сайт]. Penn Carey Law. University of Pennsylvania; 2024 [обновлено 24 февраля 2024; процитировано 14 марта 2024]. Доступно: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/1284/.
5. Finnis John M. On "The Critical Legal Studies Movement". 30 Am. J. Juris. 21 (1985) [сайт]. Notre Dame Law School; 2024 [обновлено 24 февраля 2024; процитировано 14 марта 2024]. Доступно: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/1099.
6. Holmes O.W. Law in Science and Science in Law (Harvard Law Review 443 (1899)). *The Holmes reader. The life, writings, speeches, constitutional decisions, etc., of the late O.W. Holmes, associate Justice of the Supreme Court of the United States, as well as an evaluation of his work and achievements authorities. Selected and ed. by Julius J. Marke*. New York; 1995.
7. Pound R. Criminal justice in America. Cambridge; Massachusetts: Harvard Univ. Press; 1945.
8. Pound R. Social control through law. New Haven: Yale Univ. Press; Oxford Univ. Press; 1942.
9. Unger R.M. The Left Alternative. Second Edition. New York: Verso; 2009.

References:

1. Adygezalova G.E. [Sociological jurisprudence of the USA in the twentieth century: formation of doctrine, development and improvement of law and order]. St. Petersburg: Publishing house "Law Center-Press"; 2012. (In Russ.)]
2. [State, society, personality: problems of compatibility] / under the general editorship of R.A. Romashov, N.S. Nizhnik. M.: Jurist; 2005. (In Russ.)]
3. Khaustov S.A. [The role of the Supreme Court in the US government system]. *Bulletin of MGIMO University*. 2010;3(12):179–186. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-179-186>. (In Russ.)]
4. Ewald W. [Unger's Philosophy: a Critical Legal Study (1988)]. Scholarship for faculty of the University of Pennsylvania Law School. 1284 [website]. Carey University of Pennsylvania School of Law. University of Pennsylvania; 2024 [published February 24, 2024; published March 14, 2024]. Additionally: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/1284/.
5. John M. Finnis. [About the "Movement of Critical Legal Research"]. 30 a.m. J. Juris. 21 (1985) [website]. Notre Dame Law School; 2024 [published February 24, 2024; published March 14, 2024]. Really: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/1099.
6. Holmes O.W. [Law in Science and science in jurisprudence (Harvard Law Review, 443 (1899))]. *The Holmes reader. About the life, writings, speeches, constitutional decisions, etc. of the late O. W. Holmes, a member of the Supreme Court of the United States, as well as about the assessment of his work and achievements by the authorities. Selected and edited by Julius J. Mark*. New York; 1995.
7. Pound R. [Criminal justice in America]. Cambridge, Massachusetts: Harvard University. Publishing House; 1945.
8. Pound R. [Social control through the law]. New Haven: Yale University. Publishing House, Oxford University. The press; 1942.
9. Unger R.M. [The left alternative]. Second edition. New York: Verso; 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна

доктор юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>

Author ID: 57193223437

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gyulnaz E. Adygezalova

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the
Department of Theory and History of State and Law of the
FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>

Author ID: 57193223437

Researcher ID: O-8549-2015

ТОЛКОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВА: ОТЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ И ПРАВИЛА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Таранюк Ю.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
(Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044)

Ссылка для цитирования: Таранюк Ю.В. Толкование и интерпретация права: отличие понятий и правила осуществления в современной Индии. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):17–23. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-17-23>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Таранюк Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

Адрес: Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044

Тел.: +7 (918) 011-77-08

E-mail: FiorOrienta@bk.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.05.2024

Статья принята к печати: 14.06.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Целью настоящей статьи является анализ понятий интерпретации и толкования норм права в современной Индии, а также правил их осуществления.

Для достижения данной цели автор ставит перед собой задачи определить и соотнести понятия интерпретации и толкования права, а также дать характеристику общим правилам их осуществления.

Для решения данных задач автор применяет сравнительно-правовой и логический методы, а также системно-структурный анализ.

В результате исследования показано, что в индийской юридической науке и правоприменительной деятельности разница между понятиями «интерпретация» и «толкование» действительно имеет место, и связано такое разграничение главным образом с широкими полномочиями судебных органов по изданию судебных прецедентов.

Вывод. Понятия «интерпретация» и «толкование» права в Индии следует отождествлять не с понятиями с уяснения и разъяснения. Интерпретация предполагает теоретическую деятельность, направленную на определение смысла нормы права и связанную рядом правил, а толкование связано с процессом реализации права посредством его адаптации к существующим общественным отношениям.

Ключевые слова: интерпретация права, толкование права, правовая система Индии, англо-саксонская правовая семья, судебный прецедент.

INTERPRETATION AND CONSTRUCTION OF LAW: DIFFERENCE IN CONCEPTS AND IMPLEMENTATION RULES IN MODERN INDIA

Yulia V. Taranyuk

FGBOU VO "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin"
(Kalinina str., 13, Krasnodar, Russia, 350044)

Link for citation: Taranyuk Y.V. Interpretation and construction of law: difference in concepts and implementation rules in modern India. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):17–23. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-17-23>

CONTACT INFORMATION:

Yulia V. Taranyuk, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor Department of Theory and the history of state and law of the FGBOU VO "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin"

Address: Kalinina st., 13, Krasnodar, Russia, 350044

Tel.: +7 (918) 011-77-08

E-mail: FiorOrienta@bk.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.05.2024

The article has been accepted for publication: 14.06.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The *purpose* of this article is to analyze the concepts of interpretation and construction of legal norms in modern India, as well as the rules for their implementation.

To achieve this goal, the author sets himself the *objectives* of defining and correlating the concepts of interpretation and interpretation of law, as well as characterizing the general rules for their implementation.

To solve these objectives, the author uses comparative legal and logical *methods*, as well as systemic and structural analysis.

As a *result* of the research, it is shown that in Indian legal science and law enforcement, the difference between the concepts of «interpretation» and «construction» does exist, and this is connected differentiation mainly with the broad powers of the judiciary to issue judicial precedents.

Conclusion. The concepts of «interpretation» and «construction» of law in India should not be identified with the concepts of clarification and clarification. Interpretation involves theoretical activity aimed at determining the meaning of a rule of law, and interpretation is associated with the process of implementing the law through its adaptation to existing social relations.

Keywords: interpretation of law, construction of law, Indian legal system, Anglo-Saxon legal family, judicial precedent.

Введение

Вопросы толкования права неоднократно становились предметом научных исследований, однако в большинстве случаев они касались теоретических и практических аспектов толкования, принятых в нашей стране. Особенности толкования норм права в зарубежных странах в отечественной юридической литературе затрагивались нечасто. Но, поскольку в современный период переосмысляются вопросы взаимодействия национального законодательства различных государств и совершенствования норм международного права, изучение и понимание особенностей толкования правовых норм в государствах различных правовых систем представляется актуальным.

Настоящая статья будет посвящена особенностям толкования правовых норм в Индии, которая относится к странам англо-саксонской правовой семьи. Следует отметить, что между Российской Федерацией и указанными государствами существуют различия в понимании самого смысла термина «толкование права».

Так, в РФ понятия «толкование права» и интерпретация права» являются идентичными. Чаще всего под ними понимается сложный волевой процесс, направленный на установление точного смысла правила поведения, закрепленного в юридической норме. Данный процесс имеет как одну (уяснение – для себя), так и две стадии (уяснение и разъяснение – для себя и для других) – в зависимости от полномочий и целей лица, осуществляющего толкование. Некоторые исследователи (но не все) выделяют также третью стадию – толкование-применение.

Юридическая теория стран англо-саксонской правовой семьи, напротив, различает термины «интерпретация» и «толкование» и обозначает их соответственно по-разному: «interpretation» – «интерпретация» и «construction» – «конструкция», «толкование». Под интерпретацией в англо-саксонской правовой семье предполагается понимание и определение смысла текста. Толкование

(«construction») означает применение результата толкования нормативного акта в конкретных общественных отношениях посредством адаптации к ним текста нормативного акта и определения правил его применения в конкретных случаях.

Методология исследования основана на сравнительно-правовом методе, системно-структурном анализе и логических методах.

Результаты исследования

В процессе разрешения споров индийские суды должны действовать не только в рамках границ, установленных законодательством, но и прецедентами. Интерпретация права в таких условиях сложна и многоступенчата, но именно она обеспечивает справедливое и единообразное применение законов.

И толкование, и интерпретация формируют основные принципы анализа нормативных актов, которые способствуют эффективному применению правовых норм и обеспечению реализации принципа верховенства права.

Интерпретация в Индии и других странах англо-саксонской правовой семьи направлена на понимание и определение смысла текста нормативного акта, сформулированного при помощи слов, фраз и предложений, устанавливающих определенные правила в соответствии с намерениями законодателя.

Интерпретация производится для того, чтобы действующий закон достиг цели, которую поставил законодатель, поэтому в данном процессе исследуются контекст, цели и задачи нормативного акта. Данные цели и задачи сводятся к следующему.

В первую очередь, необходимо понимание, что именно имел в виду субъект правотворчества, принимая тот или иной нормативно-правовой документ. Это налагает необходимость грамматического толкования, т.е. анализа самого текста нормативного акта с точки зрения лингвистических правил. Однако при этом нельзя выпускать из внимания и контекст закона, и обстоятельства его создания. Консолидация данных усилий позволит с максимальной точностью понять намерения законодателя.

После того, как данные намерения станут ясны, необходимо определиться с тем, как интерпретируемый нормативный акт может достичь своей цели. Поэтому словам и выражениям, используемым в документе, следует придавать именно то значение, которое максимально приблизит закон к достижению целей, поставленных законодателем.

При интерпретации также нельзя игнорировать тот факт, что законодательство должно стоять на страже прав и свобод личности, поэтому норму права следует понимать именно в том значении, которое направлено на достижение данной цели.

Кроме того, законодатель, помимо общих, может ставить перед законом и частные цели, например, повышение благосостояния населения или сведение к минимуму влияния конкретного нормативного акта на экономику.

Принимая во внимание тот факт, что правовая интерпретация может осложняться такими факторами, как существование двусмысленных формулировок в законе или противоречие различных целей законодателя, субъекты правоприменения, в том числе и судебные органы, должны обращать внимание и на так называемые вспомогательные средства интерпретации. Индийская юридическая наука делит их на обязательные и не обязательные.

К обязательным относятся: дополнительная информация, представленная в самом законе, такая, как определения, пояснения, графики и другие положения; преамбулы и заявления, которые предшествуют нормативному акту, облегчая понимание его целей, контекста и необходимости принятия; примечания к нормативному акту.

Необязательные средства интерпретации включают в себя, прежде всего, исторические документы, предшествующие принятию нормативного документа. К таковым относятся, например, отчеты комитетов по разработке проекта нормативного акта, стенограммы дебатов, выступлений на заседаниях правотворческого органа и иные материалы. Далее, к необязательным средствам интерпретации относят словарные определения, т.е. для определения значения терминов, понятия которых не даны в законодательстве, возможно использование различных словарей.

Но, вследствие определенных лингвистических моментов, не всегда в законодательстве удастся четко выразить мысль субъекта правотворчества. В данном случае на помощь призваны прийти судебные органы, раскрывающие в процессе своей деятельности всю суть намерений законодателя. Понимание судом смысла интерпретируемого нормативного акта является ступенью,

за которой затем следует его применение в конкретной ситуации. Это свидетельствует о начале стадии толкования («construction»).

Данная стадия означает придание закону действия в конкретных общественных отношениях. Это достигается посредством адаптации текста нормативного акта к определенным обстоятельствам и определения правил его применения в конкретных случаях. На стадии толкования («construction») происходит разрешения судами вопросов об адаптации текста закона к конкретным жизненным ситуациям, чтобы благодаря его применению регулировались общественные отношения, разрешались юридические споры защищались права и законные интересы участников правоотношений и обеспечивалось действие принципа справедливости.

Обращение к необязательным средствам интерпретации по фату является переходом к толкованию – «construction», которое осуществляется судами. Нельзя забывать о том, что специфической чертой англо-саксонской правовой семьи является огромная роль прецедентного регулирования, и Индия в данном случае не является исключением.

Посредством прецедентов судебная власть в Индии не только регулирует общественные отношения, но и также толкует действующие нормативные акты. Следует отметить, что на индийское право и практику его применения оказывают влияние и английские судебные прецеденты. [1, с. 180].

Предшествующие судебные акты призваны обеспечить руководство по толкованию норм права, обеспечивая единообразное их применение. Так, именно предыдущие судебные решения способствовали выработке единообразного понимания термина «табак» в Индии и закреплению его в решении Верховного Суда Индии от 14 сентября 1988 г. по делу Махалакшми Ойлс Миллс против штата Андхра-Прадеш. В нем Верховный Суд пришел к выводу, что в понятие «табак» входят все его виды, включая также стебли и листья растения, вне зависимости от того, является ли табак обработанным или нет, за исключением семян¹. В качестве вспомогательного средства интерпретации Закона штата Андхра-Прадеш «Об общем налоге с продаж» 1957 г. здесь использовались решения Высокого Суда штата Андхра-Прадеш.

Различие между интерпретацией и толкованием ученые стран англо-саксонской правовой семьи видят в их объеме и акцентах. Так, интерпретация, прежде всего, направлена на понимание и раскрытие смыслового содержания нормативного акта, а толкование – на применение этого смыслового содержания к конкретным жизненным ситуациям. Интерпретация формулирует руководящие принципы и границы, в рамках которых возможно применение конкретного нормативного акта и влияет на содержание структуры судебного акта. Таким образом, формулировки судебных прецедентов будут играть важную роль в интерпретации не только существующих статутов, но и тех, что будут приняты в будущем.

Научная дискуссия

Теоретико-правовая наука государств англо-саксонской правовой семьи, в отличие от отечественной, различает термины «интерпретация» и «толкование». Причем для стадии интерпретации юридическая наука государств англо-саксонской правовой системы выработала определенные правила, позволяющие обеспечить единообразное и правильное применение нормативного акта. Им безусловно следуют и индийские правоприменители. [6, с. 880]. К данным правилам относятся:

1) правило буквального толкования. Согласно данному правилу, слова и выражения, используемые в тексте нормативного акта следует понимать в их обычном, естественном или популярном и грамматическом значении, если это не приведет к абсурдному или бессмысленному результату или если закон не предполагает иного значения. При этом слова «обычный», «естественный», «популярный» расцениваются как синонимы, означающие грамматическое или буквальное значение, за исключением случаев наличия в тексте нормативного акта технических терминов. Принципами буквального правила толкования являются, во-первых, принцип придания значения каждому слову в законе, поскольку ни одно слово не используется без необходимости, а во-вторых, принцип недопущения упущений, согласно которому отсутствие какого-либо слова в тексте закона исключает придание ему какого-либо значения. Таким образом, ничего не может быть добавлено или исключено из закона без достаточных оснований, оправдывающих такое вмешательство;

¹ Mahalakshmi Oil Mills Etc. Etc vs State Of Andhra Pradesh & Ors on 14 September, 1988 [сайт]. Верховный суд Индии; 2024 [обновлено 01 мая 2024; процитировано 17 мая 2024]. Доступно: <https://indiankanoon.org/doc/1087556/>.

2) золотое правило интерпретации, допускающее судам изменять смысл закона, если в результате буквального толкования его положения обретают абсурдное или бессмысленное значение. Фактически оно означает допустимость применения расширительного или ограничительного толкования. Данное правило обязывает суд принять меры к реализации нормативного акта, если выяснится, что буквальное толкование приведет к абсурдному значению положений закона или противоречит его целям. [4, с. 63]. При этом судебные органы также должны стремиться к тому, чтобы избранное ими толкование соответствовало общественным интересам. [3, с. 70]. В данном случае допускается изменение грамматического смысла слов, используемых в тексте нормативного акта. Вместе с тем, суд должен проявлять осторожность и следовать тем положениям закона, смысл которых ясен. Если словосочетания нормативного акта не имеют абсурдного или двусмысленного значения, отклоняться от них недопустимо;

3) презумпция последовательности означает, что законы и правовые документы предполагаются согласующимися друг с другом. Она предполагает такую интерпретацию положений законодательства, в результате которой различные нормативные акты были бы согласованы между собой и не допускали противоречий. Следовательно, данная презумпция применяется в случае коллизии между правовыми нормами. Согласно золотому правилу толкования, изложенному выше, между законами не должно быть противоречий и закон должен толковаться систематически: не каждая норма в отдельности, а во взаимосвязи с другими нормами. Суды обязаны избирать такое толкование правовых предписаний, которое не допускает конфликта между различными нормами закона, а если два или несколько из них кажутся противоречащими друг другу – сгармонизировать их посредством толкования. Если в нормативном акте присутствуют положения, которые не согласуются друг с другом, необходимо истолковать закон так, чтобы действовали оба этих положения;

4) правило исключения вреда является одним из старейших правил толкования права в англосаксонской правовой семье. Оно было установлено еще в 1584 г. в деле Хейдона [7, с. 737] и может применяться только в случаях обнаружения двусмысленных положений в законе. Согласно этому правилу предполагается, что правоприменитель обязан таким образом интерпретировать закон, чтобы не допустить причинение им вредных последствий и при этом сохранить действия закона в соответствии с его целью и первоначальным намерением законодателя. Согласно данному правилу, необходимо установить, каково было право, действовавшее до принятия толкуемого закона, в чем заключался вред, наносимый предписаниями ранее существовавшего права и каким образом законодатель решил нивелировать данный вред;

5) целенаправленный подход к интерпретации предполагает придание закону такого смысла, который бы соответствовал его целям. Нормативный акт в целом или отдельные его положения должны истолковываться так, чтобы они были эффективными и действенными. Задача суда состоит в том, чтобы максимально сохранить смысл толкуемого положения в соответствии с намерениями законодателя. В соответствии с данным подходом, судебные органы не должны отдавать предпочтение толкованию, противоречащему намерениям законодателя. Предпочтение отдается такому толкованию, которое обеспечивает последовательность, определенность и обеспечивает нормальное функционирование законодательной системы государства. Все слова, применяемые в тексте закона, должны приниматься во внимание интерпретатором, и не должны толковаться как лишние или незначительные;

б) правило «того же вида» гласит, что если общие слова следуют за списком, их смысл ограничивается категорией или видом слов, входящих в этот список. Данное правило применяется, если:

- нормативный акт содержит определенный перечень слов, которые могут быть отнесены к одному виду или классу, но данный вид или класс не ограничивается теми отдельными понятиями, которые представлены в законодательном перечне;
- за данным перечнем должен следовать определенный термин;
- законодатель не изъявил четко выраженного намерения придать термину более широкое значение, чем требуется.

Рассматриваемое правило предполагает отступления от буквального правила толкования с целью реализации определенного намерения и цели субъекта правотворчества.

7) правило «Noscitur a Sociis» гласит, что значение слова или фразы, применяемых в законе, может определяться контекстом, обеспечиваемым окружающими словами или фразами. Исходя из

него, каждое слово в законе следует понимать в сочетании с сопутствующими ему словами. Если два и более слов, имеющих аналогичное значение, стоят вместе, они должны пониматься в родственном смысле, при этом значение более общего ограничивается менее общим;

8) правило «*Expressio Unius Est Exclusio Alterius*» предполагает, что признание за определенным термином одного смысла подразумевает исключение другого [8, с. 191]. Если определённые понятия включены законом в конкретный перечень, это означает, что остальные в него не входят по умолчанию. Однако существуют случаи, когда такой перечень не является исчерпывающим, а носит иллюстрирующий характер. Тогда в законе содержатся такие формулировки, как «включает» и «такой как», и суд в данном случае вправе делать самостоятельные выводы. Данное правило еще известно под названием правила отрицательной импликации [9].

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что интерпретация и толкование нормативных актов в Индии представляет собой сложное явление, обусловленное правилами, обязательными для субъектов, применяющих право. Правила и принципы интерпретации направлены на обеспечение точного применения закона, адекватности его восприятия всеми субъектами и эффективности правового регулирования. Помимо общих правил, индийские юристы также используют вспомогательные средства интерпретации, которые способствуют пониманию смысла и целей закона.

Некоторые исследователи англо-саксонской правовой семьи считают, что термины «интерпретация» и «толкование» соответствуют стадиям толкования права. При этом интерпретация раскрывает смысл и содержание нормативного акта, а толкование разъясняет его неопределенные и двусмысленные положения. [3, с. 62]. Однако здесь считаем необходимым возразить, что понимание смысла и содержания нормативного акта невозможно осуществить без прояснения двусмысленных и неясных положений, поэтому указанное мнение не позволяет четко определить разницу между интерпретацией и толкованием права в Индии и других государствах англо-саксонской правовой семьи.

Также ряд ученых отождествляет интерпретацию с уяснением и считают ее внутренней мыслительной активностью, а толкование – с разъяснением, т.е. внешней деятельностью, направленной на доведение собственной точки зрения по поводу смысле нормативного акта до иных лиц. [3, с. 62].

Позволим себе усомниться в таком разграничении. Выше мы определили, что «interpretation» – «интерпретация» в англо-саксонской правовой семье означает понимание и определение смысла текста. Толкование («construction») означает применение результата толкования нормативного акта в конкретных общественных отношениях посредством адаптации к ним текста нормативного акта и определения правил его применения в конкретных случаях. Поэтому, по нашему мнению, разница между указанными терминами проявляется в том, что интерпретация является теоретической деятельностью, а толкование – практической и, в отличие от интерпретации, оно предполагает сам процесс применения конкретной нормы права в соответствии с установленным в ходе интерпретации ее значением.

Следует отметить, что не все исследователи считают важным выделение интерпретации и толкования как двух самостоятельных стадий. Их мнение основывается на том, что данные стадии очень трудно отделить друг от друга. Так, Р. Кросс полагает, что разница между ними состоит лишь в источниках, к которым суд прибегает с целью понимания смысла правовой нормы: для интерпретации он обращается только к тексту нормативного акта, а если его недостаточно, чтобы разрешить неясности и противоречия – к иным материалам [5, с. 18].

В данном случае согласимся с исследователем, что отграничение интерпретации от толкования подчас бывает очень сложным, поскольку применение права неотделимо от понимания его смысла: ведь действия правоприменителя непосредственно зависят от того, какое значение он придал тому или иному правовому предписанию.

Список использованной литературы:

1. Бегичева К.Ю. Значение судебного прецедента как источника налогового права Индии. *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020;(13):180–182.
2. Краюшкин А.Б. Верховный Суд Индии и права человека: расширительное толкование статьи 21 индийской Конституции. *Право и управление: XXI век*. 2011;(3):68–75.

References:

1. Begicheva K.Yu. [The importance of judicial precedent as a source of Indian tax law]. *Scientific electronic journal Meridian*. 2020;(13):180–182. (In Russ.)]
2. Krayushkin A.B. [The Supreme Court of India and Human Rights: an extended interpretation of Article 21 of the Indian Constitution]. *Law and Management: XXI century*. 2011;(3):68–75. (In Russ.)]

3. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография. СПб.: Алетейя; 2013.
4. Aniket Ojha. Critical analysis of golden rule of interpretation. *Jus Corpus Law Journal*. 2020;1(1):62–67.
5. Cross R. Statutory interpretation. London: Butterworths; 1995.
6. Khushboo Nagendra Yadav. An Overview on Rules of Interpretation with special reference to Golden Rule. *International Journal of Law Management and Humanities*. 2021;6(5):878–884. DOI: <https://doi.org/10.10000/IJLMH.115836/>.
7. Ramanasubramanian G & Sneha Muthukumar. Decoding The Significance Of The Mischief Rule In Legal Interpretation. *Indian Journal of Law and legal research*. 2023;5(6):737–747.
8. Williams C. Expressio Unius Est Exclusio Alterius. *Marquette Law Revier*. 1931;15(4):191–196.
9. Gayathri M.A. Critical analysis on the literal rule of statutory interpretation. *Indian Legal Solution Journal of Criminal and Constitutional Law*. 2020;1(1). [сайт]. ILSJCCL; 2020 [обновлено 15 января 2020; процитировано 20 мая 2024]. Доступно: <https://journal.indianlegalsolution.com/2020/01/15/a-critical-analysis-on-the-literal-rule-of-statutory-interpretation-m-gayathri/>.
3. Tonkov E.N. [Interpretation of the law in England]. St. Petersburg: Aleteya; 2013. (In Russ.)
4. Aniket Ojha. [Critical analysis of golden rule of interpretation]. *Jus Corpus Law Journal*. 2020;1(1):62–67.
5. Cross R. [Interpretation of legislation]. London: Butterworths; 1995.
6. Khushboo Nagendra Yadav. [An Overview on Rules of Interpretation with special reference to Golden Rule]. *International Journal of Law Management and Humanities*. 2021;6(5):878–884. DOI: <https://doi.org/10.10000/IJLMH.115836/>.
7. Ramanasubramanian G & Sneha Muthukumar. [Decoding The Significance Of The Mischief Rule In Legal Interpretation]. *Indian Journal of Law and legal research*. 2023;5(6):737–747.
8. Williams C. [Expressio Unius Est Exclusio Alterius]. *Marquette Law Revier*. 1931;15(4):191–196.
9. Gayathri M.A. [Critical analysis on the literal rule of statutory interpretation]. *Indian Legal Solution Journal of Criminal and Constitutional Law*. 2020;1(1) [сайт]. ILSJCCL; 2020 [обновлено 15 января 2020; процитировано 20 мая 2024]. Доступно: <https://journal.indianlegalsolution.com/2020/01/15/a-critical-analysis-on-the-literal-rule-of-statutory-interpretation-m-gayathri/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Таранюк Юлия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Taranyuk

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor Department of Theory and the history of state and law of the FGBOU VO "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЯН НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ОТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА К ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Баринов Э.Э.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(М. Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010)

Ссылка для цитирования: Баринов Э.Э. Конституционная культура россиян на этапе перехода от либерализации конституционно-правового пространства к защите традиционных ценностей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):24–34. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Баринов Эмиль Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

Адрес: М. Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010

Тел.: + 7 (928) 708-64-4

E-mail: emil.barinov@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 25.04.2024

Статья принята к печати: 23.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целью* исследования является анализ состояния современной конституционной культуры в эпоху смены политических и идеологических ориентиров, перехода от либерально-универсальной модели конституционного развития к национально-ориентированной.

Задачами исследования выступают следующие: определить основные характеристики состояния конституционной культуры в эпоху излишнего увлечения универсальными либеральными ценностями в конце прошлого века; проанализировать основные тенденции процессов конституционно-правового реформирования в свете идей защиты конституционной идентичности, обеспечения конституционного суверенитета и защиты традиционных ценностей; рассмотреть влияние конституционной реформы 2020 года на качественное изменение конституционной культуры россиян, ее значение для определения дальнейших путей конституционно-правового развития России, обозначить положительные и наиболее спорные моменты реформы.

В работе использовались общенаучные, частнонаучные и специальные *методы исследования*.

По результатам проведенного исследования автор делает вывод о том, что на сегодняшний день сформировалась устойчивая тенденция к реформированию конституционно-правового пространства – идеям либеральной универсализации противопоставляются идеи конституционной идентичности и защиты традиционных ценностей. В свое время новая российская Конституция была призвана учесть все недостатки десятилетий социалистического строительства и выступить не как документ политико-декларативного характера, а как основа для создания государства и общества принципиально нового типа. По мнению автора, излишнее увлечение заимствованными ценностями универсального характера самым негативным образом сказалось на состоянии конституционной культуры россиян. Однако, и сегодня очевидно, что проработанной теоретической конструкции,

которая относительно точно и юридически определенно очертила бы основные направления дальнейшего конституционного развития, в русле развития идеи защиты традиционных ценностей, на сегодняшний день не существует, что особенно хорошо заметно на примере документов программно-политического характера. Конституционная реформа 2020 года, по мнению автора, стала отражением новых тенденций и подходов к идее обеспечения конституционной идентичности и символизировала значительные изменения в конституционной культуре, в том числе и на уровне обыденного сознания рядовых россиян, которые непосредственно были вовлечены в процесс конституционной реформы. Однако, автор делает *вывод* о незаконченности конституционной реформы, что в целом и характеризует состояние отечественной конституционной культуры.

Ключевые слова: конституционализм, конституционная идентичность, конституционная культура, конституционная реформа 2020 года, конституционное правосознание, конституционное правотворчество, конституционное судебное правотворчество, Конституция РФ, правовая культура, традиционные ценности.

CONSTITUTIONAL CULTURE OF RUSSIANS AT THE STAGE OF TRANSITION FROM LIBERALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL SPACE TO THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

Emil E. Barinov

FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
(M. Gorky str., 149, Rostov-on-Don., Russia, 344010)

Link for citation: Barinov E.E. Constitutional culture of Russians at the stage of transition from liberalization of the constitutional and legal space to the protection of traditional values. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):24–34. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-24-34>

CONTACT INFORMATION:

Emil E. Barinov, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)", member of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation

Address: M. Gorky str., 149, Rostov-on-Don., Russia, 344010

Tel.: + 7 (928) 708-64-4

E-mail: emil.barinov@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 25.04.2024

The article has been accepted for publication: 23.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of the study is to analyze the state of modern constitutional culture in the era of changing political and ideological guidelines, the transition from a liberal-universal model of constitutional development to a nationally oriented one. The objectives of the study are the following: to determine the main characteristics of the state of constitutional culture in the era of excessive enthusiasm for universal liberal values at the end of the last century; analyze the main trends in the processes of constitutional and legal reform in the light of the ideas of protecting constitutional identity, ensuring constitutional sovereignty and protecting traditional values; consider the impact of the constitutional reform of 2020 on the qualitative change in the constitutional culture of Russians, its significance for determining the future paths of constitutional and legal development of Russia, and identify the positive and most controversial aspects of the reform. The work used general scientific, special scientific and special research methods. Based on the results of the study, the author concludes that today a steady trend has formed towards reforming the constitutional and legal space – the ideas of liberal universalization are opposed to the ideas of constitutional identity and the protection of traditional values. At one time, the new Russian

Constitution was designed to take into account all the shortcomings of decades of socialist construction and act not as a document of a political-declaratory nature, but as a basis for the creation of a state and society of a fundamentally new type. According to the author, excessive passion for borrowed values of a universal nature has had the most negative impact on the state of the constitutional culture of Russians. However, even today it is obvious that a well-developed theoretical structure that would relatively accurately and legally definitely outline the main directions of further constitutional development, in line with the development of the idea of protecting traditional values, does not exist today, which is especially noticeable in the example of documents of a programmatic and political nature. The constitutional reform of 2020, according to the author, reflected new trends and approaches to the idea of ensuring constitutional identity and symbolized significant changes in constitutional culture, including at the level of ordinary consciousness of ordinary Russians who were directly involved in the process of constitutional reform. However, the author concludes that the constitutional reform is incomplete, which generally characterizes the state of domestic constitutional culture.

Keywords: constitutional culture, constitutional identity, constitutional judicial law-making, constitutional law-making, constitutional legal consciousness, constitutional reform of 2020, constitutionalism, legal culture, the Constitution of the Russian Federation, traditional values.

Введение

Масштабы перемен, происходивших в России в последнее десятилетие прошлого века, невозможно переоценить, как с точки зрения их влияния на общественное сознание граждан, изменения их быта и жизненного уклада, так и с точки зрения их влияния на национальную правовую систему. Отказ от традиционных идеологических и политических ценностей и установок, на протяжении почти семидесяти лет, выступавших основой для всей системы политико-правового регулирования общественных отношений, поставило политическую элиту страны перед необходимостью выработки новых политико-правовых ориентиров. Признавая важность учета изменений в правовой сфере, произошедших до декабря 1993 года, отметим, что переход к принципиально новому этапу конституционно-правового развития Российской Федерации не без оснований связывался именно с появлением на свет новой российской Конституции. Именно таким, одновременно традиционным и достаточно радикальным способом, предполагалось учредить принципиально новую систему политико-правовых отношений, которая бы в максимальной степени соответствовала основным целям и задачам дальнейшего конституционно-правового развития. Одновременно, исходя из понимания Конституции как важнейшего политико-идеологического документа, предполагалось выстроить новую систему взаимоотношений между человеком и государством, стимулировать развитие политической активности граждан, сделав их полноценными и полноправными участниками конституционно-правовых процессов. Тем самым предполагалось стимулировать развитие конституционной культуры граждан, как с точки зрения увеличения конституционно-правовых знаний, так и с точки зрения формирования, принципиально новых конституционно-правовых установок общественного сознания. Однако, как показало время, излишне идеализированное и либерализированное представление создателей основного закона страны о содержании будущей Конституции не дало в полной мере подготовить документ, который действительно отвечал бы задачам сохранения национальной идентичности, обеспечения главенства традиционных ценностей и защиты конституционного суверенитета. Изменение представлений о необходимом содержании основного закона происходило поэтапно. Идея первостепенной необходимости обеспечения правовой и конституционной идентичности начало наиболее активно формироваться в начале второго десятилетия двадцать первого века. Именно тогда наиболее остро стал вопрос о соотношении национальных и наднациональных стандартов в области защиты прав человека и возрастании «активизма межгосударственных судебных органов» [7, с. 2]. Не секрет, что необходимость разрешения «конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов» в свое время актуализировала проблему защиты и обеспечения конституционной идентичности [6, с. 54–59]. Сегодня, когда Россия не является членом Совета Европы, содержательная часть проблемы конвенционно-конституционных коллизий перешла в несколько иную плоскость, однако, нельзя не признать, что на определенном этапе именно на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ была заложена основа «новой» концепции национальной конституционно-правовой идентичности. И именно это стало необходимым конституционно-правовым базисом для формирования нового типа конституционной культуры. При этом, как отмечают исследователи, несмотря ни на что «после распада СССР Российской Федерации удалость сохранить идентичность,

связанную с традициями, языком, самобытной культурой и обычаями», что позволило «сохранить и защитить национальные интересы страны» [10, с. 7]. Последнее утверждение не исключает необходимости комплексного подхода к разработке механизма обеспечения конституционной идентичности и защиты от соответствующих рисков.

Методы исследования

При написании статьи использовались общенаучные (логический, системный, функциональный и системно-структурный), частнонаучные (культурологический, исторический, социологический и аксиологический) и специальные (формально-юридический, юридико-технический, герменевтический) методы. Нормативной правовой базой настоящего исследования выступили Конституция РФ, федеральные законы и подзаконные акты программно-стратегического характера. В качестве объекта исследования также использовались правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Результаты исследования

1. Современная Россия находится в процессе выработки новой политической, идеологической и правовой модели национальной конституционной идентичности. Излишняя идеализация универсальной либеральной модели конституционного развития, получившей свое оформление на этапе подготовки и принятия Конституции РФ 1993 года стала следствием попытки радикального отхода от советской системы публичного управления, которая к концу прошлого века продемонстрировала свою уязвимость перед вызовами новой эпохи как в экономическом, так и в идеологическом аспектах. Продолжавшийся долгие десятилетия эксперимент по созданию общества нового типа, предполагавший также особый тип социалистического правосознания, был признан неудачным. Новая российская Конституция была призвана учесть все недостатки прошлых лет и выступить не как документ политико-декларативного характера, а как основа для создания государства и общества принципиально нового типа. Однако, как показало время, излишнее увлечение заимствованными ценностями, не получившими необходимой поддержки на уровне обыденного правосознания, самым негативным образом сказалось на состоянии конституционной культуры россиян.

2. На сегодняшний день сформировалась устойчивая тенденция к реформированию конституционно-правового пространства. Идеям либеральной универсализации противопоставляются идеи конституционной идентичности и защиты традиционных ценностей. Однако, очевидно, что цельной теоретической конструкции, которая относительно точно и юридически определено очертила бы основные направления дальнейшего конституционного развития, в том числе, с точки зрения конституционной аксиологии, у современной политической элиты нет. Базовое положение, касающееся необходимости защиты конституционного суверенитета и обеспечения конституционной безопасности, не вызывает возражений и уже давно реализуется на уровне судебного конституционного судопроизводства. Однако, необходимые для обоснования цивилизационной идентичности элементы ценностного характера и, в частности, их конституционно-правовой эквивалент, все еще находятся на стадии научной разработки. Особенно хорошо это заметно на примере документов программно-политического характера, в задачи которых входит юридическая легитимизация набора национальных традиционных ценностей, перечень которых выглядит так, будто его формировали во времена преобладания идей либерализма в конце прошлого века.

3. Долгое время в отечественной юридической науке была актуальна точка зрения о том, что современная российская Конституция, если и нуждается в некоторой коррекции, то исключительно точечной и по большей части технической, затрагивая в необходимых случаях организацию и порядок публичного управления, а не основные ценностные самобытные характеристики нашего государства и правовой системы. Собственно такие поправки в текст Конституции и вносились: сроки полномочий Президента РФ и Государственной Думы, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ, уточнение порядка формирования Совета Федерации. В остальных случаях было вполне достаточно правовых позиций Конституционного Суда РФ. Таким образом поддерживалась модель «живой» Конституции, и одновременно сохранялась достаточная стабильность конституционного текста. Однако объективно наметившийся на уровне конституционно-правовой культуры кризис национальной ценностной идентичности, потребовал достаточно масштабного вмешательства в содержание действующей Конституции РФ. Необходимость масштабной реформы все чаще обсуждалась отечественными учеными. Конституционная реформа 2020 года стала отражением новых тенденций и подходов к идее обеспечения конституционной идентичности и символизировала значительные изменения в конституционной культуре, в том числе и на уровне обыденного сознания

рядовых россиян, которые непосредственно были вовлечены в процесс конституционной реформы. Однако, реформа затронула не все главы Конституции РФ. Такая «незаконченность» конституционной реформы, на наш взгляд, олицетворяет современное состояние отечественной конституционной культуры. И если тактические успехи в деле защиты традиционных ценностей и охраны конституционного суверенитета неоспоримы, то вопросы, касающиеся стратегических целей конституционной реформы 2020 года, все еще остаются. В юридической науке сложилось устойчивое мнение, что любое конституционное реформирование должно исходить из теоретико-правовых моделей конституционного правопорядка, которые могут быть идеальными, фактическими и прогрессивными [2, с. 77–78]. Как долго будет сохраняться положительный эффект конституционной реформы покажет время. Однако уже сейчас очевидно, что полноценная и научно-теоретически обоснованная модель дальнейшего конституционно-правового развития на уровне конституционной культуры в современной России не сформировалась. Россия все еще в поиске своей конституционной идентичности и основная задача конституционно-правовой науки в этой связи помочь в выработке ее оптимальной модели, исходя из потребностей не только политической элиты, но и всех граждан России.

Научная дискуссия

Конституция не только важнейший юридический, но и главный политико-идеологический документ государства. На сегодняшний день такое понимание основного закона страны уже ни у кого не вызывает возражений. Особое внимание, которое уделялось и уделяется в этой связи политико-идеологическим свойствам Конституции не случайно. Общеизвестно, что знание конституционно-правовых предписаний – еще не гарантия их принятия, исполнения и внутреннего согласия с ними. С другой стороны, именно Конституция в отличие от остальных нормативных правовых актов государства, выступает не только в качестве документа обладающего высшей юридической силой, но и представляется документом сакральным, наделяемым в общественном сознании характеристиками далекими от исключительно формально-юридических, и, в целом, определяющими правовой дух гражданской нации, ее культурный код и традиционную систему морально-нравственных принципов и ориентиров. Не случайно в юридической науке даже получила развитие идея Конституции, как «культурного артефакта», как основы «для ее популяризации, которая является составной частью формирования прочного конституционного строя, конституционного правосознания граждан и соответствующей правовой культуры... формирования соответствующего конституционного культурного кода, который выражается в узнаваемости текста конституции» [1, с. 18–25]. Именно так подчеркивается особая сакральная значимость данного правового документа.

В этой связи согласимся с тем, что формальный подход к редактированию конституционного документа не применим. Все без исключения положения Конституции должны находиться в тесной взаимосвязи не только между собой, но и соответствовать сложившемуся уровню конституционной культуры. В истории нашего государства уже был пример не самой удачной попытки формального редактирования текста конституционных актов. Речь идет о последних конституциях СССР и РСФСР, из которых были изъяты основные идеологические и политические основы функционирования общества и государства, оставшиеся со времен строительства социализма. Однако такая формальная редакция абсолютно не соответствовала сложившимся на тот момент политическим и историческим реалиям. В итоге мы получили два полноценных конституционных кризиса. Один из них привел к прекращению существования СССР, не смотря на все имеющиеся предпосылки сохранить большую часть территорий в границах единого государства. Да и опасность потерять Россию как единое государство на тот момент также существовала вполне объективно. Другой кризис случился в 1993 году и чуть не привел к разрушению всей системы государственного управления и риску гражданской войны. Как отмечается в этой связи в юридической литературе, «одной из причин политико-конституционного кризиса было отсутствие основного правового акта, который регулировал бы все стороны общественной и государственной жизни. Устаревшая Конституция РФ не соответствовала произошедшим изменениям в стране, несмотря на попытки внесения изменений и поправок» [15, с. 212]. Принятие новой Конституции 1993 года было обязательным условием сохранения государства и обеспечения конституционного правопорядка на всей территории России.

В этой связи обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Как отмечают отдельные ученые, новая Конституция, как правило, закрепляет некоторые ретроспективные положения, которые, по сути, являются попытками задним числом решить проблемы уже ушедшего в прошлое государственного, политического, экономического и социального устройства [14, с. 6–10]. И пусть

эти проблемы продолжают оставаться актуальными, при попытке их быстрого, или даже сиюминутного конституционно-правового решения, может потеряться стратегическая ценность производимых конституционно-правовых преобразований. При некоторой спорности и дискуссионности, данная точка зрения заслуживает своего внимания. Можно привести следующие примеры, имея ввиду оригинальный текст Конституции 1993 года. Свобода экономической деятельности – чтобы люди были сытыми и одетыми, отсутствие государственной идеологии – чтобы сделать невозможной ситуацию преследования «несогласных», республики-государства – чтобы свести на нет сепаратистские настроения, тщательно проработанный механизм законодательной деятельности – от желания избежать характерных для советского государства двух систем правового регулирования, ведомственной и партийной и т. д. На самом же деле Конституция должна в первую очередь ориентироваться на будущее. Кроме того, в процессе государственного строительства должны четко осознаваться и пониматься реалии дня сегодняшнего. В противном случае можно столкнуться ситуацией, когда «работа над ошибками» придется на уже сильно изменившуюся или на откровенно чужеродную почву.

Именно в этом ключе следует воспринимать оригинальный вариант Конституции РФ 1993 года. Попытка с нуля построить либеральное, демократическое, правовое государство в четком соответствии с конституционно-правовой западноевропейской традицией (по формальным признакам хорошо себя зарекомендовавшей), по сути, происходила от желания решить старые проблемы задним числом, а не заняться разработкой сколько-нибудь новой оригинальной модели молодой российской государственности. Однако, как показало время, такой подход оказался, мягко говоря, не идеальным, а новая российская Конституция, в конечном итоге, не устроила всех. Консерваторы ругали ее за излишний либерализм, а либералы – за то, что положения Конституции не реализуются на практике. В свою очередь население России, или как минимум, большая его часть так и не смогло встроиться в достаточно жесткие рамки либеральной западноевропейской доктрины государственного строительства. И если с формальной точки зрения базовые конституционные положения особых претензий у людей не вызывали (возможно, по причине банальной конституционно-правовой неграмотности), то складывающаяся на их основе реальная система общественных отношений так и не получила своего одобрения на уровне конституционной культуры.

Отметим также, что соответствующий либеральный радикализм новой российской Конституции проявился буквально во всем. В самом названии Конституции РФ даже отсутствовало ее дополнительное определение как «Основного закона», которое присутствовало во всех без исключения советских конституциях (в 1923 году термин «Основной закон» даже стоял на первом месте, а термин Конституция приводился в скобках). Это, правда, создавало некоторые дополнительные сложности в понимании сути категории, так как термин «основные законы», например, о труде, также мог использоваться в тексте. Однако, на наш взгляд, отказ от использования в названии Конституции РФ 1993 года термина «Основной закон» символизировал именно отход от традиционного для легистской советской науки традиционного понимания Конституции исключительно как закона, что было свидетельством активного внедрения в отечественную науку естественно-правовых подходов.

В своей политико-идеологической части Конституция 1993 года также не избежала отдельных элементов либерального радикализма. Так, до сих пор не утихают споры по поводу содержания ст. 13, которая запрещает государственную идеологию. Однако, на наш взгляд, именно в этом случае следует вести речь о несовершенстве юридической техники. Ведь отказ от государственной идеологии значительным образом нивелируется категоричными конституционными положениями о том, что Россия – правовое, демократическое, республиканское и светское государство (ст. 1, 2, 14 Конституции РФ). Да и в целом, что есть глава первая Конституции РФ, если не полноценная идеологическая декларация? Как отмечается в этой связи в юридической науке, «конституция провозглашает набор ценностей, из которых складывается определенная идеология», которую можно наблюдать «в осуществляемой государством политике, сплачивающей общество и формирующей политико-культурную идентичность» [13, с. 61–69]. Таким образом, основная задача, которую ставили в этой связи авторы Конституции – не допустить преследования по исключительно политико-идеологическим мотивам, чем зачастую грешила советская правовая система. Речь идет, например, о ст. 7 «Анτισоветская агитация и пропаганда» Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (в оригинальной редакции). Лишить новое российское государство идеологии – такую задачу данное конституционное положение себе явно не ставило. Однако споры по поводу ст. 13 Конституции РФ в современной

юридической науке все еще продолжают, причем учувствуют в ней не только ученые, но и представители высшей политической элиты. И если по поводу «неуместности» формулировок самой статьи определенный консенсус найден, то по поводу вопроса о том, что именно следует закрепить в качестве государственной идеологии, сложилось несколько настолько отличающихся друг от друга точек зрения (зачастую не выдерживающих сколько-нибудь серьезной критики), что говорить о каком-либо едином понимании проблемы крайне преждевременно.

Не менее активные и страстные споры сложились и вокруг ст. 2 Конституции, определяющей права и свободы человека в качестве высшей ценности. За долгое время существования данной статьи от различных ученых и представителей политической элиты можно было услышать совершенно различные теории по поводу того, что же в современной России должно выступать в качестве высшей ценности. Надо сказать, что представители науки конституционного права относятся к комментированию возможности изменения данной статьи достаточно сдержанно. И это не случайно, ведь «права и свободы как высшая ценность» – это одна из системообразующих основ конституционного правосудия, а поиск баланса между частными и публичными интересами – его основная функция. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь «поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений... определяют само содержание и основные характеристики судебного конституционализма». «Конституционный Суд РФ является уникальным публично-властным субъектом, призванным находить оптимальный баланс между высшими социальными ценностями – властью и свободой, публичными и частными интересами, защищать личность, общество и государство» [3, с. 16, 37]. При этом представители политической элиты, в том числе законодатели, не сдерживая себя соображениями юридического характера, могут предлагать в качестве высшей ценности обозначить знаменитую «уваровскую триаду» – православие, самодержавие, народность, тем самым игнорируя ряд системообразующих положений конституционного текста и сложившуюся систему публичной власти в России. Отметим в этой связи, что граф С.С. Уваров был активным сторонником идей национальной самобытности и, как сегодня принято говорить – цивилизационной идентичности, указывая на то, что Россия является особым государством, отличным от «Восточных и Западных стран» [8, с. 33]. Однако, нельзя не признать, что сегодня воззрения графа С.С. Уварова в контексте современных конституционно-правовых реалий следует признать несколько устаревшими.

Рассматривая проблему обозначения «высшей ценности» современного российского общества, нельзя не затронуть вопрос о традиционных ценностях, который сегодня является одним из наиболее обсуждаемых. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400, последние представлены путем их перечисления, без обобщающей содержательной характеристики и без какого-либо разделения на группы. В документе, который прямо заявлен, как «конкретизирующий» по отношению к данной стратегии, а именно в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809¹, содержится дословно аналогичный перечень, который в самом тексте документа обозначен сокращенно уже как «традиционные ценности». Это позволяет говорить о наличии условно «устоявшегося» и дважды легитимизованного на формально-правовом уровне перечне традиционных ценностей, а также дает возможность рассматривать заявленную «модель традиционных ценностей» как соответствующую подсистему государственного политико-правового механизма.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что если рассматривать данную систему в иерархическом аспекте, то первое место, как и в прежние времена отдается жизни, достоинству и правам и свободам человека. Несмотря на многочисленные, а в отдельных случаях и достаточно радикальные претензии к содержательному наполнению ст. 2 Конституции, данное положение остается неизменным, что находит свое подтверждение в обозначенных нами стратегических программных документах. Таким образом, современная отечественная концепция сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, даже в том виде, в каком она сформулирована на уровне программно-политических документов, содержит в себе очевидное внутренне противоречие. С одной стороны, предлагается избегать «абсолютизации свободы личности», с другой – «жизнь,

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

достоинство, права и свободы человека» поставлены на первое место в «перечне» традиционных духовно-нравственных ценностей россиян, и только потом упоминаются «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству». Признавая некоторую искусственность проблемы ценностного дисбаланса и излишней либеральности базовых положений Конституции РФ, выразившейся в том, что на уровне текста Основного Закона получила свое закрепление несколько идеализированная и в чем-то архаичная модель естественных и неотчуждаемых прав и свобод, которая была призвана подчеркнуть переход к новой системе взаимоотношений между государством и личностью на конкретном этапе исторического различия общества, а также учитывая тот факт, что практика Конституционного Суда РФ наглядно демонстрирует приверженность национальным культурным ценностям и традициям [4, с. 11–12], все-же отметим, что в настоящее время подходы к нормативно-правовому обеспечению идеи сохранения традиционных ценностей, на наш взгляд, должны быть несколько иными.

Таким образом, в современном правовом пространстве России традиционные ценности представлены в максимально абстрактном виде, как часть феномена национальной (цивилизационной) идентичности, без каких-либо уточнений и адекватной конкретизации, что существенным образом затрудняет понимание государственной политики в данной сфере. Не вызывает сомнения тот факт, что категория «традиционные духовно-нравственные ценности» постепенно «осваивает» современное правовое пространство России. В качестве примера также приведем «новую» Концепцию внешней политики Российской Федерации¹, образца 2023 года. В данном документе категория «традиционные духовно-нравственные ценности» используется десять раз. Для сравнения, в «прошлой» Концепции внешней политики такая формулировка не использовалась ни разу. Однако то каким образом и в каком контексте используется данная категория в обозначенной Концепции, особенно исходя из ее представления на уровне других программно-политических документов, вызывает очень много вопросов, которые заслуживают своего отдельного осмысления.

Обращаясь к предпосылкам конституционной реформы 2020 года, можно сказать, что с подачи представителей политической элиты и средств массовой информации произошло эмоциональное вовлечение в процессы конституционного реформирования большей части представителей российского общества. Актуализация проблем делиберализации конституционно-правового пространства происходила на фоне масштабного геополитического кризиса. В этой связи отсутствие в конституционном тексте вопросов защиты исторической памяти, традиционных ценностей в условиях все более обостряющихся геополитических реалий, также вызывало непонимание у большей части общества. Можно сказать, что масштабная конституционная реформа назревала, причем она заранее была легитимизирована, как на уровне конституционной культуры политической элиты так, и на уровне конституционной культуры населения. В обществе сформировался объективный запрос на приведение конституционного текста в соответствие с истинным конституционно-правовым кодом населения, причем как на уровне основополагающих ценностных установок, так и на уровне частичной реорганизации функционирования системы публичной власти. Во главу угла предполагалось поставить «культурологическое» понимание Конституции, предполагающее ценностный подход и историческую преемственность.

Об итогах и результатах конституционной реформы 2020 года, несмотря на сравнительно небольшое время, прошедшее с ее окончания написано достаточно много. Вспоминая о процедурных особенностях ее проведения, в частности не указанной в главе девятой Конституции и соответствующем законе процедуре «общероссийского голосования по поправкам», нельзя не признать данную конституционно-правовую новеллу с политико-идеологической точки зрения удачной, значительным образом поспособствовавшей дополнительной легитимизации конституционных поправок и повышению уровню конституционной культуры россиян. Однако вопросы, касающиеся данной процедуры, остались. В частности, почему законодатель упорно отказывается ее закреплять, как минимум, на уровне соответствующего федерального закона и возможно ли это в принципе, в свете положений главы девятой конституционного текста. Кроме того, не все авторы столь благожелательно относятся к технической части конституционной реформы 2020 года, отмечая отсутствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств, выступающих основанием для изменения традиционного порядка внесения конституционных поправок [12, с. 9–12].

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

Что же касается содержательной части реформы, то соответствующие изменения были положительно приняты большей частью населения и получили свое дальнейшее развитие на уровне отраслевого законодательства, как в части дополнения и развития ценностных основ Конституции, так и в части новелл в сфере организации и функционирования публичной власти. Как отмечается в юридической литературе наиболее важными направлениями конституционной реформы, помимо значительной реорганизации системы функционирования публичной власти в России, стали дальнейшая реализация идеи социального государства [11, с. 21–32] и защита (конституционализация) традиционных национальных ценностей [9, с. 17–19]. Однако, признавая положительный эффект, который оказала конституционная реформа на формирование стратегических направлений дальнейшего государственного развития, не теряет актуальности вопрос – возможно ли, не обращаясь к изменению содержания глав первой и второй Конституции РФ, действительно изменить расстановку приоритетов и окончательно отойти от излишне либерализованной конституционно-правовой модели. На страницах данной работы мы обозначили лишь некоторые «проблемные» статьи первой главы Конституции РФ, однако на деле их значительно больше. И они все еще вызывают активные дискуссии не только у представителей научного и политического сообщества, но и у обычных граждан.

В целом складывается ощущение, что единого ценностного представления о том как должна выглядеть юридическая модель современной российской конституционно-правовой идентичности у современной политической элиты нет. Показательным в этом отношении является вопрос о моратории на применение смертной казни в России, в контексте особенностей его юридического оформления. Не случайно Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы»¹ получился весьма двусмысленным. С одной стороны, Правительству РФ ставилась задача в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу проект федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С другой стороны, палатам Федерального Собрания рекомендовалось обсудить при рассмотрении проекта нового Уголовного кодекса вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь. Подчеркнем не полностью исключить смертную казнь из видов наказания, а лишь сократить количество составов преступлений, за которые она назначается. За последующие почти уже тридцать лет отечественный законодатель, так и не взяв на себя ответственность за полную отмену смертной казни в России, по сути, переложив ее на Конституционный Суд РФ, которому пришлось и вводить², и продлевать³ мораторий на ее применение. Сегодня, когда Россия окончательно разорвала свои отношения с Советом Европы и денонсировала весь блок соответствующих документов⁴, вопрос о ратификации шестого дополнительного протокола уже не стоит. Тем самым некоторую часть аргументов Конституционного Суда РФ, используемых при решении вопроса, о продолжении моратория на применение смертной казни можно признать потерявшими свою актуальность. Однако возвращение

¹ О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы: Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

³ О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

⁴ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

смертной казни в России, на сегодняшний день, так и не состоялось. Никто из субъектов права обращения в Конституционный Суд с запросом о толковании, несмотря на огромное количество политических высказываний, своим правом так и не воспользовался. Т.е. соответствующих призывов, например, со стороны парламентариев мы слышим много, а реальных действий пока не наблюдаем. Вместе с тем, сам по себе вопрос о том, является ли в общественном сознании такая мера наказания как смертная казнь обязательным элементом конституционной идентичности россиян, является достаточно дискуссионным, а часть авторов дают на этот вопрос отрицательный ответ [5, с. 22–47].

Отметим, что даже на уровне концептуального обобщения соответствующей проблематики каких-либо видимых перспектив не наблюдается. Интересным представляется в этой связи резкое изменение отношения к категории «либерализм», отчетливо наблюдаемое на примере политического и юридического сообщества. Если в конце прошлого века данная категория употреблялась в положительном или нейтральном значении, то сегодня, как правило, в негативном. Однако и это не вполне соответствует действительности. Достаточно посмотреть на формулировки, используемые в «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы», в частности, такие как, «либерализация законодательства Российской Федерации в отношении женщин, в том числе женщин, имеющих детей, находящихся в местах лишения свободы»¹. Обращает на себя внимание и само содержание данного документа, в свете обсуждения проблемы традиционных ценностей, однако, это уже тема для отдельной дискуссии.

Список использованной литературы:

1. Андреева Г.Н. Национальная конституция как историко-культурный артефакт. *Конституционное и муниципальное право*. 2023;(9):18–25. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-18-25>.
2. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования. *Журнал российского права*. 2021;(1):77–88. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.010>.
3. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия: монография. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп. М.: Юрист; 2014.
4. Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(12):3–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-3-12>.
5. Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь: против и... против. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022;(1):22–47. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>.
6. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов. *Журнал российского права*. 2018;(9):52–64. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_9_5.

References:

1. Andreeva G.N. [The national constitution as a historical and cultural artifact]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2023;(9):18–25. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-9-18-25>. (In Russ.)
2. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. [Modern model of constitutional legal order: contours of formation]. *Journal of Russian Law*. 2021;(1):77–88. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.010>. (In Russ.)
3. Bondar' N.S. [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Series «Library of Judicial Constitutionalism». Vol. 2. 2nd ed., additional. M.: Yurist; 2014. (In Russ.)
4. Bondar' N.S., Barinov E.E. [Axiology of constitutional worldview. Part I. Constitutional worldview in the value dimension of the updated Constitution of Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021;(12):3–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-3-12>. (In Russ.)
5. Vinogradova E.V. [Russian constitutional identity. The death penalty: against and... against]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2022;(1):22–47. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>. (In Russ.)
6. Gracheva S.A. [Development of the concept of constitutional identity in connection with the search for approaches to resolving conventional constitutional collisions and conflicts]. *Journal of Russian Law*. 2018;(9):52–64. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_9_5. (In Russ.)

¹ Об утверждении национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-п // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 477.

7. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. *Журнал конституционного правосудия*. 2017;4(58):1–12.
8. Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность». *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы*. 2018;(16):33–35.
9. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства. *Конституционное и муниципальное право*. 2023;(12):17–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>.
10. Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2019;(9):7–10.
11. Курданова М.Х. Конституционные основы социального государства в контексте конституционной реформы 2020 года. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(5):21–32. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032>.
12. Луценко Е.С. К вопросу о процедуре конституционной реформы 2020 г. *Конституционное и муниципальное право*. 2022;(11):9–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-9-12>.
13. Нарутто С.В. Функции Конституции Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;(10):61–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069>.
14. Осинцев Д.В. Культурный код российской Конституции. *Конституционное и муниципальное право*. 2022;(4):6–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-4-6-10>.
15. Поняев И.М. К вопросу о перспективах создания единой теории конфликта в российской политологической литературе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2017;(5):206–215. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-215>.
7. Zor'kin V.D. [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosuדיya*. 2017;4(58):1–12. (In Russ.)
8. Il'in V.N. [Triad S.S. Uvarov «Orthodoxy – autocracy – nationality»]. *Altaiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby*. 2018;(16):33–35. (In Russ.)
9. Koneva N.S. [Constitutionalization of traditional values: dialogue between society and state]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2023;(12):17–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>. (In Russ.)
10. Koryakin K.D. [Formation of the doctrine of legal identity in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2019;(9):7–10. (In Russ.)
11. Kurdanova M.Kh. [Constitutional foundations of the welfare state in the context of the constitutional reform of 2020]. *Actual problems of Russian law*. 2022;(5):21–32. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032>. (In Russ.)
12. Lutsenko E.S. [On the issue of the procedure for constitutional reform in 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;(11):9–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-11-9-12>. (In Russ.)
13. Narutto S.V. [Functions of the Constitution of the Russian Federation]. *Actual problems of Russian law*. 2023;(10):61–69. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069>. (In Russ.)
14. Osintsev D.V. [Cultural code of the Russian Constitution]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022;(4):6–10. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-4-6-10>. (In Russ.)
15. Ponyaev I.M. [To the question of the prospects for creating a unified theory of conflict in Russian political science literature]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 2017;(5):206–215. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-215>. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баринов Эмиль Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emil E. Barinov

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)", member of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-35-41>

ПОЛИТИКА НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИЦЕЙСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Жеребцов А.Н.*¹, Шапиро И.В.²

¹ ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н., Шапиро И.В. Политика народосбережения и ее реализация в полицейском праве Российской Империи. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):35–41. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-35-41>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005

Тел.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.04.2024

Статья принята к печати: 23.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Целью настоящего исследования является определение сложившейся в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. политико-правовой идеологии в области народосбережения и его обеспечение посредством полицейского права.

В результате исследования было выявлено, что в процессе эволюции становления полицейского права в России и трансформации данной отрасли в право государственного управления в рамках предмета правового регулирования выделялось право благоустройства, где важное место занимало право народонаселения и право народосбережения, берущее свое политико-правовое начало от идей М.В. Ломоносова и сформировавшееся первоначально в концепцию демографического популяционизма, трансформировавшегося к концу XIX – началу XX вв. в идеологию демографического меркантилизма.

Вывод: в результате имеющихся подходов к построению системы предмета и системы полицейского права во второй половине XIX – начале XX вв. определяется, что в рамках полицейской (догматической) доктрины данной отрасли проблемы народосбережения утрачивали свое значение, в то время как представители либерального (политико-экономического) течения отстаивали подход к расширению формирования административно-правовых основ полиции народосбережения.

Ключевые слова: полицейское право, административное право, народосбережение, народонаселение, демография, популяционизм, меркантилизм.

THE POLICY OF SAVING PEOPLE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE POLICE LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE

Aleksey N. Zherebtsov*¹, Irina V. Schapiro²

¹ FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

(Yaroslavskaya str., 128, Krasnodar, Russia, 350005)
² FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Zherebtsov A.N., Shapiro I.V. The policy of saving people and its implementation in the police law of the Russian Empire. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):35–41. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-35-41>

CONTACT INFORMATION:

Alexey N. Zherebtsov*, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Address: Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.04.2024

The article has been accepted for publication: 23.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The *purpose* of this study is to determine the political and legal ideology that developed in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in the field of people's preservation and its provision by means of police law.

As a *result* of the study, it was revealed that in the process of evolution of the formation of police law in Russia and the transformation of this branch into the law of public administration, within the framework of the subject of legal regulation, the right of improvement was singled out, where an important place was occupied by the law of population and the right to preserve the population, which took its political and legal origin from the ideas of M.V. Lomonosov and was initially formed into the concept of demographic populationism, which was transformed by the end of the 19th century. at the beginning of the 20th century into the ideology of demographic mercantilism.

Conclusion: as a result of the existing approaches to the construction of the system of the subject and the system of police law in the second half of the 19th – early 20th centuries, it is determined that within the framework of the police (dogmatic) doctrine of this branch, the problems of people's preservation lost their significance, while representatives of the liberal (political and economic) trend defended the approach to expanding the formation of the administrative and legal foundations of the people's preservation police.

Keywords: police law, administrative law, population conservation, population, demography, populationism, mercantilism.

Введение

Проведение политики народосбережения приобретает актуальность с момента ранних форм государственных образований. Известны государственно-политические подходы к народосбережению предлагаемые еще римскими императорами Ю. Цезарем (44 г. до н.э.), Августом (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Потребность в зарождении новых государственно-управленческих подходов к формированию механизмов народосбережения предопределялась развитием экономических отношений в феодальную и капиталистическую эпохи эволюции общества, что в конечном счете формировало политико-правовые демографические концепции популяционизма (приверженность росту населения) (Т. Мор, Т. Кампанелла), меркантилизма (рост населения влечет обогащение нации) (Т. Мен, А. Серра). В противовес приведенным политико-правовым идеологиям на рубеже XVIII–XIX вв. возникла политико-правовая концепция мальтузианства (Т. Мальтус, П. Ралейх, Р. Уолес, Р. Тауксенд, Д. Стюарт)¹. Все эти политико-идеологические концепты не могли не влиять на

¹ Из истории демографической политики: от древних времен до наших дней о мировой политике и о советском и российском опыте / В.В. Елизаров [сайт]. Учебники Экономического факультета МГУ; 2023 [обновлено 17 декабря 2023; процитировано 03 января 2024]. Доступно: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap18/18.1/18.1.1/>.

российскую политическую и научную элиту XVIII-XIX вв., что в конечном счете было первоначально сформулировано еще М.В. Ломоносовым в его трактате «О сохранении и размножении Российского народа» [5]. Он отмечал, что потребность в народосбережении обусловлена «... сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [5, с. 16]. Фактически М.В. Ломоносов сформировал меркантилистскую концепцию народосбережения, которая в Российской Империи на достаточно длительный период стала господствующей демографической идеологией. Она сформировала не только политико-культурный нарратив будущего развития демографической идеологии в российском обществе, но и послужило основой для формирования административно-правовых подходов к государственному обеспечению народосбережения. Это наглядно вытекает из структуры самой работы М.В. Ломоносова.

Формирование административно-правового подхода к решению проблем народосбережения осуществлялось в процессе становления науки административного права и восприятия прогрессивных западноевропейских тенденций развития отрасли полицейского права. Ю.Н. Старилов в этой связи отмечает, что в XIX в. развитие учения об управлении достигло апогея под воздействием научных представлений о предмете управления выдающихся ученых Р. фон Моля и Л. Штейна. В рамках данных идей начали возникать не только полицейско-тоталитарные подходы к публичному управлению, но и формироваться институты регулирующие отношения государство – гражданин, которые образовывали либеральный концепт в идеологии полицейской деятельности российского государства¹. В рамках приведенного полицейского подхода к обоснованию права государственного управления начала формироваться идеология, характеризующаяся заботой государства о подданных в деле их благоустройства и обеспечения благочиния и безопасности общества². Не обошла стороной потребность обеспечения народосбережения и у представителей политико-экономического направления учения о праве государственного управления. Так, профессор Московского университета В.Н. Лешков, который в 1858 году издал книгу «Русский народ и государство», отмечал, что предметом регулирования общественного права (которое он противопоставлял праву полицейскому), в числе прочего, являются вопросы народонаселения и народосбережения Российской Империи³. Все это, в конечном счете, не может не иметь исследовательского значения для современного изучения проблем демографического развития Российской Федерации, где современная ситуация с численностью населения имеет устойчивую тенденцию к депопуляции его численности. Так, по официальным данным Росстата России численность населения 2018 г. снизилась на 99712 чел.; 2019 г. на 32130 чел.; 2020 г. на 577575 чел.; 2021 г. на 613439 чел.; 2022 г. на 532637 чел.⁴. Между тем опыт применения административно-правовых мер, направленных на решение демографических (народосбереженческих) проблем, сформированных в рамках доктрины полицейского права Российской Империи, в настоящее время, по нашему мнению, приобретает особое значение.

Методы исследования

В основе проведенного исследования положен метод исторического анализа литературных источников XIX – XX вв. и синтеза, полученных сведений, в результате которых сформулированы выводы о трансформации политико-правовой идеологии демографического популяционизма в демографический меркантилизм и их реализация в рамках полицейского (административного) права во второй половине XIX – начале XX вв.

Результаты исследования

В основе анализа идей народосбережения в Российской Империи лежит процесс активного развития учения о полицейской деятельности во второй половине XIX – начале XX вв. с его последующей трансформацией в деятельность государственно-управленческую, административную. И все это происходило на фоне насущной потребности государства в политическом, экономическом и догматическом (юридическом) осмыслении потребности взаимодействия государства и общества в

¹ Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 123–124.

² Жеребцов А.Н. Очерки истории науки российского административного права: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Общий прирост постоянного населения [сайт]. Витрина статистических данных; 2022 [обновлено 19 декабря 2022; процитировано 04 января 2024]. Доступно: <https://showdata.gks.ru/report/278934/>.

целом, включая вопросы народосбережения. В рамках представленных подходов к определению предмета полицейского (административного) права во второй половине XIX – начале XX вв. обеспечивалась политико-правовая идеология популяционизма, заключающейся в объективной потребности поддержания численности населения государства, с последующей трансформацией в идеологию меркантилизма, рассматривающего население как средство обогащения государства. Все это, в конечном счете, было обусловлено развитием экономических отношений, сломом (переходом от феодализма к капитализму) формационной парадигмы существования Российского государства.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской Империи вопросам правового обеспечения народосбережения уделялось достаточно большое внимание, которое имело два направления: во-первых, культурно-просветительское и, во-вторых, административно-правовое (полицейское). Степень значимости решения проблем народосбережения в рамках полицейского права зависело от интерпретации содержания данной отрасли права. В рамках приведенной интерпретации в рассматриваемый период наметился дуализм, во-первых, обусловленный политико-экономической характеристикой полицейской деятельности, во-вторых, догматической (юридической) потребностью обеспечения данной деятельности. В этой связи в первом случае проблемам народосбережения уделялось большее значение (А.Я. Антонович, В.Н. Лешков), чем в рамках догматики полицейского права (И.Т. Тарасов, М.М. Шпилевский). Это, на наш взгляд, было обусловлено трансформацией предмета полицейского (административного) права от права благоустройства в право государственного управления к началу XX в.

Научная дискуссия

Во второй половине XIX в. можно признать сформировавшейся доктрину предмета полицейского права, где ключевыми сферами полицейской деятельности стали отношения по полицейскому благоустройству общества и его благочинию. Такой подход хотя и основывался на дуализме консервативных и либеральных тенденциях в развитии полицейской науки, между тем, по нашему мнению, принципиальное различие указанных тенденций лежало в признании первичности полицейского благоустройства для либералов и первичности полицейского обеспечения безопасности для консерваторов. Так, еще в 1840 г. Н.В. Рождественский в своем труде «Основания государственного благоустройства с применением к российским законам» отмечал, что только в рамках государства общество может «гарантировано получить безопасность и благосостояние», причем все это зависит от правительства, а благосостояние еще и от самих подданных. Впрочем, правительство посредством положительных постановлений имеет великое влияние на благоденствие народа¹. Н.Х. Бунге отмечал, что приведенный выше предмет полицейского права в процессе эволюционирования системы государственной власти также начал уточняться. Это предопределялось широкой и узкой трактовкой полиции как государственного институционального образования. В широком смысле полицейская деятельность есть деятельность по обеспечению благосостояния (законы благоустройства) и безопасности (законы благочиния), а в узком смысле – как деятельность по «охранению безопасности» [2, с. 1–2]. Подчеркивая значимость идей немецких полицейстов, профессор Московского университета В.Н. Лешков признавал, что предмет регулирования полицейским правом благоустройства и благочиния, в конечном счете сводится к обеспечению функционирования промышленности и росте народного богатства, о народонаселении и его образовании, о сохранении народа от действия голода, болезней, бедности и т. д.; «следовательно, вообще о вещественном и духовном народном благосостоянии» [4, с. 51; 8]. В.Н. Лешков, как представитель, зарождающейся в то время естественно-правовой идеологии, противопоставлял право общественное праву полицейскому, отмечая, что последнему присущ исключительно предмет обеспечения безопасности государства и общества. В то время как праву общественному свойственен предмет обеспечения права личности на его развитие, посредством государственных установлений. В рамках данных идей в тот период формируется популяционистская идеология народонаселения, которая, в конечном счете, с развитием капиталистических общественных отношений в последствии трансформировалась в идеологию меркантилизма². На это обстоятельство обращает внимание И.Т. Тарасов [7, с. 44] и М.М. Шпилевский [8]. А.Я. Антонович, определяя полицейское право, как совокупность норм, регулирующих охрану существующего благосостояния и содействие дальнейшему развитию народного блага [1, с. 18], выделял в его системе (первой части): полицию населения; гражданское состояние; место жительства и место пребывания; численный состав

¹ Жеребцов А.Н. Указ. соч. С. 48.

² Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. СПб.: типография «Север», 1907–1908. С. 6.

населения; содействие развитию населения в физическом и духовном отношении; союзный строй населения [1, с. 25]. Рассматривая систему полицейского права В.Ф. Дерюжинский во второй его части выделяет отрасли полицейской деятельности, преследующие цель духовно-интеллектуального развития общества¹. Приведенные ученые, характеризуя деятельность исполнительной власти Российской Империи, рассматривали эту деятельность с точки зрения ее политического и экономического значения, минимизируя тем самым догматику данной деятельности, т.е. юридический аспект деятельности публичной власти. Ситуация начала меняться в начале XX в. Так, Н.Н. Белявский, отмечая суть полицейской деятельности в осуществлении задач внутреннего управления, основанной на нормах права, приобретает характер административной деятельности. Он признавал, что, реализуя культурную задачу государства, администрация должна решать ее по двум направлениям (функциям управления). Во-первых, направленных на развитие и преумножение физических, интеллектуальных и экономических сил населения. Во-вторых, направленную на удержание народом благ, добытых современной цивилизацией (т.е. деятельности охранительной)².

Обосновывая в рамках предмета полицейского (административного) права концепцию демографического популяционизма и в последующем меркантилизма, полицейисты во второй половине XIX – начале XX вв. признавали, что «вопрос о количестве населения в стране принадлежит к одному из важнейших вопросов в науке благосостояния. На данной территории может быть слишком мало населения, и это кладет отпечаток на весь строй ее, представляя собой тормоз к развитию ее благосостояния. ... Недостаточный численный состав населения, таким образом, может быть причиной бедственного положения всей страны, и для поднятия благосостояния необходимо принятие мер к увеличению количественного состава населения» [1, с. 107]. А.Я. Антонович считал, что рост численности населения государство может обеспечить следующими основными публично-правовыми мерами:

во-первых, интенсификацией производства, повышением производительности государства, т.е. посредством обеспечения экономического роста;

во-вторых, посредством переселенческой политики, т.е. посредством миграционного привлечения на территорию страны иностранных граждан и их расселения на менее заселенных территориях, а также расселением собственного населения на необжитых территориях;

в-третьих, «заботой о физическом составе населения», например, Н.Ф. Рождественский писал, что «даже нравственная обязанность побуждает к сему попечению, как для сохранения необходимого числа жителей, так и для того, что люди слабые и дети вредят богатству и силе государства: только люди в полной силе и здравии своими трудами и службой могут быть полезны отечеству. С каждым человеком, прежде времени умершим, пропадает без пользы капитал, употребленный на его воспитание» [6, с. 51];

в-четвертых, противодействием наследственным и инфекционным болезням. Как отмечал А.Я. Антонович «предупреждение распространения наследственных болезней в современных законодательствах достигается главным образом определением возраста вступления в брак и запрещением браков между родственниками» [1, с. 120];

в-пятых, «обеспечением условий физического воспитания», которое охватывает период до рождения ребенка и его воспитание в общественных учреждениях (иначе обеспечение деторождения, формирование приютов, предупреждение и пресечение неблагоприятных условий, вредных здоровью детей в общественных местах, и прежде всего в школе);

в-шестых, «сохранением безвредных жизненных припасов», т.е. надзор за приготовлением пищи в публичных учреждениях и торговлей;

в-седьмых, контролем за оборотом ядов и сильнодействующих вещества;

в-восьмых, обеспечением санитарно-эпидемиологических стандартов и нормативов;

в-девятых, градостроительным планированием и надзором.

Представленный подход к реализации в рамках полицейского права концепции народосбережения следует признать весьма широким и состоятельным для указанного исторического периода.

¹ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Сенатская типография, 1908. С. 16.

² Белявский Н.Н. Полицейское право (Административное право): конспект лекций. 3-е изд., доп. Петроград: типография Екатеринбургское печатное дело, 1915. С. 12.

В.Ф. Дерюжинский в анализе отраслей полицейской деятельности, преследующие цель духовно-интеллектуального развития общества, выделяет следующие направления деятельности в сфере народосбережения: полиция передвижения; полиция нравов; санитарная и медицинская полиция; общественное призвание и благотворительность. В рамках данного подхода имеет место сужение сферы публично-правового воздействия, ограничивающегося мерами обеспечения общественной безопасности.

В.Н. Лешков в своем труде «Русский народ и государство», рассматривая историю развития населения России отмечал, что «по мере умножения членов семья усиливает свою энергию, община увеличивает свои средства, государство возрастает материально и морально. Возрастание населения само по себе служит залогом человеческого прогресса» [4, с. 299]. Он подчеркивает, что вмешательство государства Древней Руси в рамках исторического процесса в вопросы народосбережения были минимальны, поддержание численности населения обеспечивалось естественными законами даже в период монголо-татарского нашествия. После эпохи Петра Великого ситуация меняется. Начинается формироваться законодательная основа для обеспечения народосбережения. Такими направлениями стали:

- 1) законы о браке и брачные установления;
- 2) сокращение эмиграции населения с территории Империи;
- 3) поощрение иммиграции иностранных граждан в Империю;
- 4) осуществления контроля за численностью населения посредством осуществления его переписи [1, с. 300–310].

Все это должно осуществляться вне рамок полицейской деятельности и полицейского права, а в рамках права общественного, на обоснование которого В.Н. Лешков направил приведенный научный труд.

Следует признать, что в рамках концепции полицейского права И.Т. Тарасова проблемам народосбережения вообще не уделяется внимание. Данный ученый исходит из классического подхода разделения властей (хотя об этом не упоминает по известным политическим причинам), где исполнительная власть (администрация) есть государственная власть, созданная для реализации закона, а полиция, как институт исполнительной власти (администрации), обеспечивает принудительное обеспечение функционирования исполнительной власти (администрации) [7, с. 66]. В рамках данного подхода полиция выступает органом принуждения и для такой интерпретации проблемам народосбережения нет места, за исключением лишь положений, направленных на обеспечение общей безопасности общества. Аналогичный подход имеет место в трудах А.Д. Градовского [3].

Представленные научные подходы в целом свидетельствовали о пристальном внимании как Российского государства (начиная с после Петровской эпохи), так и в трудах ученых-полицистов второй половине XIX – начале XX вв. проблемам права народосбережения. Причем это происходило в процессе эволюции экономических отношений, трансформацией государственного устройства империи, духовно-интеллектуального роста общества.

Список использованной литературы:

1. Антонович А.Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Часть первая. Киев: типография В.И. Завадского; 1890.
2. Бунге Н.Х. Полицейское право. Введение и государственное благоустройство. Киев: Университетская типография; 1873.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Тома III. СПб.: типография М. Стасюлевича; 1883.
4. Лешков В.Н. Русский народ и государство / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; 2010.
5. Ломоносов М.В. О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; 2011.
6. Рождественский Н.Ф. Основания государственного благоустройства, с применением к российским

References:

1. Antonovich A.Ya. [Course of state improvement (police law). Part one]. Kiev: printing house of V.I. Zavadsky; 1890. (In Russ.)]
2. Bunge N.H. [Police law. Introduction and state improvement]. Kiev: University Printing House; 1873. (In Russ.)]
3. Gradovsky A.D. The beginnings of Russian state law. Volumes III. St. Petersburg: printing house of M. Stasyulevich; 1883.
4. Leshkov V.N. [The Russian people and the State / ed. by O.A. Platonov]. M.: The Institute of Russian Civilization; 2010. (In Russ.)]
5. Lomonosov M.V. [On the preservation of the Russian people / comp. and ed. O.A. Platonov]. M.: Institute of Russian Civilization; 2011. (In Russ.)]
6. Rozhdestvensky N.F. [The foundations of state improvement, with application to Russian laws].

законам. СПб.: типография Н. Греча; 1840.

7. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М.: типография «Печатня С.П. Яковлева»; 1897.

8. Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: типография Ульриха и Шульце; 1875.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жеребцов Алексей Николаевич*

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

Шапиро Ирина Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

St. Petersburg: printing house of N. Grech; 1840. (In Russ.)]

7. Tarasov I.T. [An essay on the science of police law]. M.: printing house "Printing house of S.P. Yakovlev"; 1897. (In Russ.)]

8. Shpilevsky M.M. [Police law as an independent branch law studies]. Odessa: printing house of Ulrich and Schulze; 1875. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey N. Zherebtsov*

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
ORCID: 0000-0002-7392-279X
Author ID: 681537

Irina V. Shapiro

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-42-49>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Позднышов А.Н.*, Непранов Р.Г.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(Большая Садовая ул., д. 69, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002)

Ссылка для цитирования: Позднышов А.Н., Непранов Р.Г. Искусственный интеллект и цифровые технологии как факторы формирования нового поколения прав человека и гражданина: теоретико-правовой анализ. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):42–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-42-49>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Позднышов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес: М. Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010

Тел.: +7 (928) 296-30-10

E-mail: diana.rasulova-d@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.05.2024

Статья принята к печати: 04.06.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Данная статья посвящается изучению возможностей искусственного интеллекта в сфере обеспечения, защиты прав и свобод человека. Рассматриваются основные угрозы и риски цифровизации, возникающие в процессе защиты прав и свобод человека. В частности, права на доступ в Интернет, права конфиденциальности, права на защиту персональных данных и т.д. Анализируются имеющиеся возможности использования искусственного интеллекта в сфере защиты прав человека и определяются возможные пути их развития. В рамках данной статьи предлагается рассматривать цифровые права как новое поколение прав человека, нуждающееся в теоретико-правовом конструировании и конституционно-правовом закреплении. Соответственно, авторы данной статьи ставят целью анализ юридической конструкции «цифровые права» в публично-правовом измерении в контексте влияния на них искусственного интеллекта и цифровых технологий. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Для анализа современного состояния правового статуса личности и перспектив его совершенствования в условиях цифровой реальности большое значение имеет применяемый авторами аксиологический подход. Анализ значительного массива международно-правовых документов и российских нормативно-правовых актов позволяет авторам обосновать появление новой категории прав человека и гражданина – цифровых, нуждающихся в конституционно-правовом закреплении.

Ключевые слова: цифровые права человека и гражданина, новое поколение прав человека, защита прав человека, право на доступ в Интернет, право на защиту персональных данных, цифровые технологии, риски и угрозы использования генеративного искусственного интеллекта в защите прав человека.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES AS FACTORS IN THE FORMATION OF A NEW GENERATION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Alexsey N. Pozdnyshov*, Ruslan G. Nepranov
FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
(Bolshaya Sadovaya str., 69, Rostov-on-Don, Russia, 344002)

Link for citation: Pozdnyshov A.N., Nepranov R.G. Artificial Intelligence and Digital Technologies as factors in the formation of a new generation of human and civil rights: Theoretical and Legal Analysis. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):42–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-42-49>

CONTACT INFORMATION:

Alexsey N. Pozdnyshov*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
Address: M. Gorky str., 149, Rostov-on-Don., Russia, 344010
Tel.: +7 (928) 296-30-10
E-mail: diana.rasulova-d@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.05.2024

The article has been accepted for publication: 04.06.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: This article is devoted to the study of the possibilities of artificial intelligence in the field of ensuring and protecting human rights and freedoms. The main threats and risks of digitalization arising in the process of protecting human rights and freedoms are considered. In particular, the rights to Internet access, privacy rights, rights to personal data protection, etc. The available possibilities of using artificial intelligence in the field of human rights protection are analyzed and possible ways of their development are determined. Within the framework of this article, it is proposed to consider digital rights as a new generation of human rights that needs theoretical and legal construction and constitutional legal consolidation. Accordingly, the authors of this article aim to analyze the legal structure of «digital rights» in the public legal dimension in the context of the influence of artificial intelligence and digital technologies on them. The methodological basis consists of formal legal, systemic and comparative legal methods. The axiological approach used by the authors is of great importance for the analysis of the current state of the legal status of a person and the prospects for its improvement in the conditions of digital reality. The analysis of a significant array of international legal documents and Russian normative legal acts allows the authors to substantiate the emergence of a new category of human and civil rights – digital, in need of constitutional and legal consolidation.

Keywords: digital human and civil rights, a new generation of human rights, protection of human rights, the right to access the Internet, the right to personal data protection, digital technologies, risks and threats of using generative artificial intelligence in the protection of human rights.

Введение

Проблематика цифровых технологий и искусственного интеллекта являются новеллой для современной юридической мысли. Ажиотаж в сфере цифровых технологий обусловлен открывающимися возможностями повышения эффективности экономики, интенсификации финансовых процессов, ускорения социальных коммуникаций, качественного изменения государственного управления и алгоритмизации права. Уже сейчас, когда под влиянием цифровизации происходит тотальная трансформация общественных отношений, а генеративный ИИ получает возможность руководить этими процессами, необходимо просчитывать риски с целью их минимизации. В частности, не приведет ли алгоритмизация и передача рутинных функций искусственному интеллекту к чрезмерной технократизации государства и дегуманизации права?

Сможет ли государство в полной мере выполнять правозащитную функцию, а право обеспечивать идеалы справедливости и человеческого достоинства?

Применительно к тематике данной статьи можно утверждать, что запущенные цифровизацией тектонические процессы кардинально меняют принципы и способы социальных коммуникаций, что требует конструирования новой правовой реальности – «Права будущего». В связи с чем ключевой задачей становится теоретико-правовое осмысление понятия «человек» в цифровом пространстве. Соответственно, авторы данного исследования ставят целью анализ юридической конструкции «цифровые права» в публично-правовом измерении в контексте влияния на них искусственного интеллекта и цифровых технологий.

Методы исследования

Исследование цифровых прав в данной статье носит теоретико-правовой характер, поэтому ее методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Для анализа современного состояния правового статуса личности и перспектив его совершенствования в условиях цифровой реальности большое значение имеет применяемый авторами аксиологический подход.

Результаты исследования

Анализ значительного массива международно-правовых документов и российских нормативно-правовых актов позволяет авторам обосновать появление новой категории прав человека и гражданина – цифровых. При этом предлагается рассматривать их именно как права гражданина, нуждающиеся в конституционно-правовом закреплении.

Научная дискуссия

В современном мире технологические новинки появляются и интегрируются в жизнь человека с немыслимой скоростью. В средствах массовой информации, медийных ресурсах и научных источниках практически ежедневно можно встретить словосочетания «научный прорыв», «научная революция», «научное открытие», что отражает высокую динамику всех научных процессов. Причем использование технологий искусственного интеллекта и больших данных позволяют ставить вопрос о достижении суперэффективности в различных сферах жизнедеятельности.

Компании, использующие цифровые технологии, отчитываются о рекордных прибылях. Например, чистая прибыль ПАО «Сбер» – крупнейшего банка Восточной Европы – в 2023 году составила один триллион пятьсот десять миллиардов рублей, что соответствует показателю четыре миллиарда сто тридцать семь миллионов рублей чистой прибыли в день¹. Такие достижения стали возможными только лишь благодаря использованию электронных приложений, таких как, сбербанк онлайн, и, конечно же, искусственного интеллекта. Сегодня он решает огромное количество организационных, экономических, финансовых и даже стратегических задач. По свидетельству главы ПАО «Сбер» Германа Грефа цифровое будущее уже наступило: «Когда-то мы говорили, что два качества всегда останутся за человеком – креативность и эмерджентность, то есть способность создавать нечто новое на основе имеющейся информации. Считалось, что ИИ никогда не сможет сам создавать новое. <...> Сегодня искусственный интеллект в полной мере обладает этими функциями, а значит, все мы сильно недооценили данную технологию»².

За последние годы использование ИИ выросло на 150% (по нашему мнению, этот рост будет только увеличиваться). И сегодня эта технология является не только сквозной и универсальной, но и революционной. Она меняет не только содержание, но и смысл общественных отношений. Налицо эволюция и совершенствование технологий, которые сравнительно недавно выполняли лишь роль алгоритма по поставленным задачам, а сегодня генеративный ИИ уже фактически представляет собой партнера человека во всех сферах деятельности. Поэтому для государства сегодня ИИ – ключевой ресурс. Конкурентные преимущества современных технологий экономике и сфере финансов очевидны, и соответственно, возникает вопрос: каким образом и в каком объеме можно экстраполировать имеющийся опыт в государственную и правовую сферы.

¹ Сбербанк заработал рекордные ₽1,5 трлн чистой прибыли в 2023 году [сайт]. РБК; 2023 [обновлено 17 января 2024; процитировано 30 апреля 2024]. Доступно: <https://www.rbc.ru/finances/17/01/2024/65a780099a79476780128c10>.

² «Мы сильно недооценивали искусственный интеллект»: Герман Греф на марафоне Знание. Первые [сайт]. Российское общество знание; 2024 [обновлено 05 марта 2024; процитировано 30 апреля 2024]. Доступно: <https://znaniyerussia.ru/news/my-silno-nedoocenivali-iskusstvennyj-intellekt-german-gref-na-marafone-znaniyepervye>.

ИИ полностью универсален, что определяет бесконечную удобность его использования практически во всех сферах, но одновременно продуцирует такие же риски. Илон Маск предрекает, что уже к концу 2025 года ИИ будет «умнее» чем все суммарное человечество¹. Идеологи трансгуманизма предрекают появление в скором времени «постчеловека», наделенного сверхспособностями, как результата конвергенции цифровых и биотехнологий, геной инженерии и искусственного интеллекта [2]. Как справедливо отмечают Ю.В. Воронцова и Е. Постиго Солана, кратное увеличение информационных потоков превращает человека в объект информации и биотехнологических экспериментов в информационном (цифровом) трансформированном обществе, не связанном этическими нормами. [3, с. 62].

Воплощение «постчеловеческого» сценария меняет биосоциальную природу человека и, в конечном итоге, потребует переосмысление самого понятия «человек». В условиях утраты связанности социальных отношений морально-этическими нормами, именно юридические механизмы должны защитить саму сущность человека.

Цифровая трансформация актуализирует обсуждение проблемы формирования цифровых прав как прав человека четвертого поколения. Здесь следует отметить, что объем и содержание прав нового поколения вызывают дискуссии в правовой теории [5, с. 117], поскольку на роль четвертого поколения прав претендуют также соматические, коммуникативные, биотехнологические и тому подобные права.

Сам термин «цифровые права» не устоялся в юридической литературе, поскольку наряду с ним фигурируют термины «информационные права», «виртуальные права», «права человека в цифровой среде». Понятие же «цифровых прав» отличается дуалистичностью, ибо рассматривается в публично-правовом и частно-правовом аспекте. Очевидно, что такая терминологическая рассогласованность не способствует их законодательному закреплению. В связи с чем возникает необходимость теоретико-правового анализа юридической категории «цифровые права человека».

В настоящее время российское законодательство относит цифровые права к сфере гражданско-правового регулирования [4, с. 11] и понимает под ними «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы» (п. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ).

Между тем, такой подход не может быть признан адекватным формирующейся цифровой реальности, поскольку она ставит вопросы онтологического характера: о переосмыслении юридического концепта «человек» и конструировании прав человека в реалиях тотальной цифровизации и искусственного интеллекта, что затрагивает аксиологические основания национальных правовых систем.

В юридической литературе разворачивается обсуждение публично-правовой природы цифровых прав и их возможного конституционно-правового закрепления [1]. Анализ юридической литературы позволяет выделить две ключевые позиции по данному вопросу.

Одни авторы полагают, что технологические инновации придают новое содержание универсальным правам человека, что требует их конкретизации применительно к цифровой реальности. Квинтэссенцию такого подхода выразил В.Д. Зорькин: «Цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»².

Соответственно, цифровые права, понимаемые как проекция общепризнанных прав в пространстве цифровой реальности, больших данных и искусственного интеллекта, нуждаются в конституционно-правовой защите. Очевидно, что в условиях тотальной цифровизации иное звучание приобретают право на поиск, получение и передачу информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ), на защиту достоинства личности (ст. 21

¹ Маск предрек появление к концу 2025 года ИИ, который превзойдет человека [сайт]. РБК; 2024 [обновлено 09 апреля 2024; процитировано 30 апреля 2024]. Доступно: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2024/66149e5f9a79472ae07d661d.

² Зорькин В.Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. *Российская газета*. 2018; 29 мая; Столичный выпуск; № 115 (7578). Доступно: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html>.

Конституции РФ), право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ). Существенно расширение сферы их реализации не меняет их сути, но влияет на содержание.

Однако смещение прав человека в цифровую среду порождает беспрецедентные риски. Суть «развилки», перед которой оказалось человечество, выразил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш: «Цифровые технологии дают новые средства для поддержки, защиты и осуществления прав человека, но они также могут использоваться для подавления, ограничения или нарушения этих прав»¹. Получив, с одной стороны, безграничные возможности для коммуникации, самовыражения, передачи и получения информации, человечество, с другой стороны, столкнулось с угрозами глобального контроля и вмешательства в частную жизнь, манипулирования общественным мнением, цифровой дискриминации, использования персональных данных, фильтрации и блокировки контента. Сегодня программы с использованием искусственного интеллекта способны генерировать видео, изображения, тексты, музыкальные произведения. Эксперты отмечают сложность аудита принятия решений в системах, построенных на нейросетях, возможность искажения параметров обучения нейронных сетей на определенных массивах, позволяющая закладывать в них «невидимые» объекты, обходящие ее правила. Обезличенность искусственного интеллекта по сути позволяет снять ответственность, узаконив при этом любые решения. И это лишь малая часть рисков.

Крайне высокая и постоянно возрастающая сложность цифровых технологий, по сути устранившая человека из алгоритма принятия решений и зачастую образующая разрыв с аксиологическим осмыслением происходящих изменений обществом, открывает безграничные возможности воздействия на личность, общество и государство. Причем спектр бенефициаров такого воздействия достаточно широк – от государственных спецслужб до террористических и криминальных структур. При этом даже в экспертной среде не определились с позицией относительно использования цифровых технологий в контексте защиты прав человека. Одновременно указывается на возможность повышения качества соблюдения и обеспечения защиты прав человека с помощью искусственного интеллекта и на правозащитные риски, ставящие под угрозу их реализацию как таковых. Допускается даже возможность наделения искусственного интеллекта субъектностью и правами [6, с. 36]. На наш взгляд, такое допущение является крайне дискуссионным.

В 2021 году на уровне ООН была инициирована разработка Глобального цифрового договора, охватывающего вопросы прав человека в цифровой среде². Проект договора³, представленный в апреле 2024 года, содержит общие формулировки об обеспечении прав человека как фундамента безопасного цифрового будущего, в то время как экзистенциальной задачей, с нашей точки зрения, является разработка и принятие международно-правового акта, конкретизирующего права человека в цифровой среде, подлежащие международно-правовой и внутригосударственной защите.

В рамках другого подхода цифровые права рассматриваются в публично-правовом измерении как принципиально новое поколение прав человека, что влечет за собой выработку соответствующих международных и национальных стандартов их закрепления и защиты [11]. Более того, ставится вопрос о признании цифровых прав неотъемлемыми правами человека [7, с. 342], что неизбежно повлечет за собой ревизию фундаментальных прав.

В данном контексте возникает правовая дилемма: являются ли «цифровые права» принципиально новым видом прав человека или же производными от универсальных прав?

В первом случае требуется теоретическое обоснование и законодательное закрепление каталога «цифровых прав», но в юридической среде до сих пор отсутствует хотя бы относительное единство в понимании того, какие права должны войти в этот перечень.

Во втором – конституционно закрепленные права человека должны быть спроецированы в цифровое пространство с одновременным решением проблемы баланса между правами человека и

¹ Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству. Доклад Генерального секретаря ООН [сайт]. Организация Объединенных Наций; 2020 [обновлено 29 мая 2020; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://www.un.org/ru/content/digital-cooperation-roadmap/>.

² Наша общая повестка дня. Доклад Генерального секретаря ООН [сайт]. Организация Объединенных Наций; 2021 [обновлено 29 мая 2021; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://www.un.org/ru/content/common-agenda-report/>.

³ Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact). Проект [сайт]. Организация Объединенных Наций; 2024 [Обновлено 28 февраля 2024; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact>.

обеспечением национальной безопасности в киберпространстве. Соответственно, в таком ключе вполне уместной, на наш взгляд, является постановка вопроса о признании, наряду с «цифровыми правами человека», «цифровых прав гражданина» и «цифровых обязанностей» как атрибутивных элементов правового статуса личности. В таком случае более точной представляется конструкция «права человека и гражданина в цифровой среде».

Многие исследователи полагают, что происходящее расширение каталога прав человека обусловлено естественной эволюцией правового статуса личности под воздействием техногенного фактора. Так, право на защиту персональных данных, право на забвение или на «цифровую смерть» (права физического лица потребовать закрытия доступа к информации о себе в сети) порождены проецированием права на уважение частной жизни в цифровую среду.

В рамках такого подхода цифровые права понимаются как специфические права человека, имеющие публично-правовой генезис [10, с. 129, 134].

В концептуальном документе, представленном в 2021 году Советом по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Президенту Российской Федерации, «цифровые права» определяются как «цифровые проекции» конституционных прав и свобод человека и гражданина в цифровой сфере, а их конгломерат образует «цифровой суверенитет» личности¹. Изложенная СПЧ концепция, на наш взгляд, страдает некоторыми противоречиями. С одной стороны, ее авторы предлагают исходить из посыла, что весь объем конституционных прав и свобод может быть реализован в цифровом мире, т.е. имеет свои «цифровые проекции», а, значит, «цифровые права» не выделяются в особый вид. С другой стороны, в ней присутствует перечень «специфических прав», среди которых право на защиту цифровой идентичности, на обеспечение цифрового суверенитета, на доступ к цифровым технологиям, на защиту ментальной неприкосновенности личности, на защиту от цифровой дискриминации, персональных данных, на забвение в цифровом пространстве, на защиту от передачи образовательной и воспитательной функций автономным системам искусственного интеллекта и ряд других².

Очевидно, что приведенный перечень прав не может оцениваться исключительно как «производный» от универсальных прав человека, поскольку отражает особый характер социального взаимодействия в цифровой среде. В то же время далеко не все из приведенных прав, на наш взгляд, могут претендовать на включение в каталог конституционных прав человека. Одновременно следует определить какие права должны быть отнесены к категории «прав гражданина».

Следует отметить отсутствие единства мнений относительно того, какие права должны войти в конституционно признанный каталог цифровых прав.

В настоящее время на международном уровне и в национальном законодательстве (включая российское) закреплены право на доступ к Интернету³, право на конфиденциальность в Интернете или право на защиту персональных данных, право на забвение в цифровой среде⁴, право на информационную безопасность или защиту от нежелательной информации⁵.

Тем не менее могут ли данные права однозначно быть отнесены к правам человека? Очевидно, что их реализация напрямую зависит от целенаправленных усилий государственных органов (в том числе не правового, а финансово-экономического и материально-технического характера). Можно ли говорить, к примеру, что неотъемлемым правом человека (наравне с правом на жизнь, достоинство и неприкосновенность) является общепризнанное право на доступ к безопасному, широкополосному Интернету?

По мнению Э.В. Талапиной, доступ в Интернет должен рассматриваться как элемент категории «свобода человека», а лишение его – как вмешательство в эту свободу [10, с. 130].

¹ Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 01.12.2021 «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact). Проект [сайт]. Официальный сайт ООН; 2024 [обновлено 28 февраля 2024; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact>.

⁴ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

С нашей точки зрения, подобный подход размывает понятие фундаментальных прав человека и границы между правами человека и правами гражданина. Классический подход к пониманию прав человека рассматривает их как принадлежащие ему от рождения в качестве представителя человеческого рода, как воплощение личной свободы, огражденной от чьих-либо посягательств и, прежде всего, государственного вмешательства. Права гражданина, напротив, складываются в системе координат личность-государство и предполагают государственное участие [8, с. 35, 62].

Обеспечение доступа в Интернет прямо увязано с деятельностью государства. Тунисская программа для информационного общества 2005 года прямо указывает, что вопросы государственной политики относительно Всемирной сети относятся к суверенным правам государств¹. Фактически же управление Всемирной сетью осуществляется даже не международными институтами, а американской корпорацией ICANN, управляющей доменными именами и IP-адресами². В России обеспечение доступа к информационно-телекоммуникационным системам предусматривается финансируемой государством программой «Цифровая экономика»³. В связи с чем постулирование Интернета как территории свободы личности представляется сомнительным.

Следует констатировать, что использование цифровых технологий стало неотъемлемой частью нашей жизни, и сфера их применения неуклонно расширяется. Под влиянием беспрецедентных технологических инноваций переживает кардинальную онтологическую и аксиологическую трансформацию институт прав человека. Безопасность этого перехода должен обеспечить действенный сбалансированный юридический механизм обеспечения и защиты прав человека и национальной безопасности.

На наш взгляд, цифровые права должны быть выделены не только в качестве нового поколения, но и новой категории прав граждан, что накладывает на государство обязанность не только признавать и обеспечивать их правовую защиту, но и создавать разного рода условия для их реализации.

Под цифровыми правами следует понимать систему прав человека и гражданина, возникающих в цифровой сфере и определяющих его положение в области использования цифровых технологий.

Думается, что законодательное оформление цифровых прав должно происходить по двум векторам.

Первый связан с конституционно-правовым уточнением содержания и реализации фундаментальных прав человека в цифровой среде. В данном контексте принципиально важным является сохранение гуманистического потенциала права, обеспечивающего не математически-усредненный режим правовой защиты некой «цифровой личности», а уважительное отношение к достоинству и ценности каждого человека.

Второй – с конституционно-правовым признанием новой категории «цифровых прав» человека и гражданина, к которым следует отнести уже общепризнанные права: права на доступ в Интернет, права на конфиденциальность, права на забвение, права на информационную безопасность в цифровом пространстве. Вероятно, этот перечень не является исчерпывающим и в перспективе будет дополняться.

Список использованной литературы:

1. Баринов Э.Э., Берлявский Л.Г. Права человека в цифровую эпоху. *Правопонимание в цифровую эпоху: искусственный интеллект в реализации права и правоприменительной деятельности: сборник статей*. М.: РГ-Пресс; 2019.
2. Васенкин А.В., Васильева Н.А. Трансгуманизм как

References:

1. Barinov E.E., Berlyavsky L.G. [Human rights in the digital age]. *Legal understanding in the digital age: artificial intelligence in the implementation of law and law enforcement: a collection of articles*. М.: RG-Press; 2019. (In Russ.)
2. Vasenkin A.V., Vasilyeva N.A. [Transhumanism as a

¹ Тунисская программа для информационного общества, принята на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества 15 ноября 2005 года [сайт]. Официальный сайт ООН; 2005 [обновлено 15 ноября 2005; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf.

² Мельникова О. Глобальный цифровой договор: на грани фолла [сайт]. *Международная жизнь*; 2024 [обновлено 24 марта 2005; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2962>.

³ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [сайт]. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации; 2019 [обновлено 01 марта 2023; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>.

- проявление постчеловеческого в современном обществе. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2018;7(1A):69–75.
3. Воронцова Ю.В., Постиго Солана Е. Природа человека, трансгуманизм и цифровая трансформация. *E-Management*. 2019;(3):58–63.
4. Гольцов В.Б., Голованов Н.М. Цифровые права: понятие и проблемы использования. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2020;(1):10–15.
5. Карнаушенко Л.В. Четвертое поколение прав человека: теория и практика. *Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: материалы XXV Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21–22 мая 2021 г.)*. Краснодар: Краснодарский университет МВД России; 2021.
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект и права человека: теоретико-правовое исследование. *Право и образование*. 2018;(3):35–44.
7. Понкин И.В., Редькина А.И. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав. *Пермский юридический альманах*. 2021;(4):340–351.
8. Права человека и процессы глобализации современного мира: монография / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма; 2007.
9. Савенков А.Н., Колотова Н.В. Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека. *Государство и право*. 2023;(11):108–123.
10. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху. *Труды Института государства и права РАН*. 2019;14(3):122–146.
11. Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н. Права человека в эпоху интернета. Публично-правовой аспект: монография. М.: Проспект; 2023.
12. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;(9):5–16.
- manifestation of the posthuman in modern society]. *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2018;7(1A):69–75. (In Russ.)]
3. Vorontsova Yu. V., Postigo Solana E. [Human nature, transhumanism and digital transformation]. *E-Management*. 2019;(3):58–63. (In Russ.)]
4. Goltsov V.B., Golovanov N.M. [Digital rights: the concept and problems of use]. *Journal of Legal and Economic Research*. 2020;(1):10–15. (In Russ.)]
5. Karnaushenko L.V. [The fourth generation of human rights: theory and practice]. *Effective counteraction to crime in the context of globalization: problems and prospects: materials of the XXV International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, May 21-22, 2021)*. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. (In Russ.)]
6. Morkhat P.M. [Artificial intelligence and human rights: a theoretical and legal study]. *Law and education*. 2018;(3):35–44. (In Russ.)]
7. Ponkin I.V., Redkina A.I. [On the concept and ontology of digital rights]. *Perm Law Almanac*. 2021;(4):340–351. (In Russ.)]
8. [Human rights and the processes of globalization of the modern world] / ed. by E.A. Lukashova. M.: Norm; 2007. (In Russ.)]
9. Savenkov A.N., Kolotova N.V. [Civilizational approach to human rights: to the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights]. *State and law*. 2023;(11):108–123. (In Russ.)]
10. Talapina E.V. [The evolution of human rights in the digital age]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;14(3):122–146. (In Russ.)]
11. Talapina E.V., Antopolsky A.A., Monakhov V.N. [Human rights in the Internet era. Public law aspect]. M.: Prospect; 2023. (In Russ.)]
12. Khabrieva T.Ya. [Law before the challenges of digital reality]. *Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднышов Алексей Николаевич*

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

ORSID: 0000-0003-1019-0410

Author ID: 57207890463

Непранов Руслан Григорьевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

ORSID: 00 00-0002-8368-6663

Author ID: 57211181169

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexsey N. Pozdnyshov*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"

ORSID: 0000-0003-1019-0410

Author ID: 57207890463

Ruslan G. Nepranov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"

ORSID: 00 00-0002-8368-6663

Author ID: 57211181169

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-50-61>

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Зарапина Л.В.*¹, Белокопытова Н.Ю.²

¹ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418)

² Пятигорский институт (филиал) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
(пр. 40 лет Октября, д. 56, г. Пятигорск, Россия, 357500)

Ссылка для цитирования: Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ в интернет-среде. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2024;16(2):50–61. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-50-61>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Зарапина Лидия Владимировна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418

Тел.: +7 (915) 410-68-75

E-mail: zarapinalv@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.04.2024

Статья принята к печати: 17.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Целью данной статьи является исследование теоретических и правовых аспектов компенсации морального вреда как механизма превенции правонарушений в среде Интернет. Для достижения указанной цели ставятся такие задачи, как анализ содержания понятия «моральный вред», исследование критериев систематизации личных неимущественных прав, анализ проблемы отслеживания и фиксации фактов правонарушений в Интернет-среде; исследование проблемы определения величины и уплаты компенсации причиненного морального вреда в Интернет-среде. В статье использованы современные методы научного познания такие, как общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые в совокупности позволили охарактеризовать компенсацию морального вреда как механизм превенции правонарушений в среде Интернет.

К результатам исследования можно отнести формулирование научно-практических предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования компенсации морального вреда в Интернет-среде в России с учетом сложившейся юридической практики в зарубежных странах. Юридическая сущность морального вреда как оценочного понятия и правовой категории раскрывается в том, что при определении величины последнего учитывается судебная дискреция в той степени, в которой она допускается российским законом, моделью цивилистического процесса, существующей судебной системой и сформировавшейся практикой в судах. В статье также затронута теоретическая дилемма относительно идентификации человека в цифровом пространстве через освещение вопросов корректности использования персональных данных в среде Интернет. В результате предложено законодательно определить понятие «персональные данные» как – «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано». Последовательно дан анализ проблемы отслеживания и

фиксирования фактов правонарушений в среде Интернет, проблемы определения величины и уплаты компенсации причиненного морального вреда в пространстве сети Интернет.

Исследование сопровождается *выводами*, вытекающими из анализа законодательного регулирования компенсации причиненного морального вреда в пространстве сети Интернет. В результате авторы приходят к выводу о том, что компенсация морального вреда имеет определенные особенности проявления в сети интернет. Дела данной категории имеют определенные сложности (неопределенность ответчика, большой объем сайта распространения информации, возможность ответчика удаления информации, больших затрат на обеспечение досудебной фиксации доказательств), что способствует повышению маргинальной обстановки среды Интернет. Сформулировано предложение о необходимости каталогизировать суммы за причинение нравственных страданий и предоставить правоприминителю широкие рамки усмотрения с учетом новых подходов определения суммы компенсации морального вреда в сети интернет.

Ключевые слова: моральный вред, личные неимущественные права, Интернет, персональные данные, фиксация доказательств.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AS A WAY TO PROTECT VIOLATED PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS AND INTANGIBLE BENEFITS IN THE INTERNET ENVIRONMENT

Lydia V. Zarapina*¹, Natalia Y. Belokopytova²

¹ FGBOU VO "Russian State University of Justice"

(Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418)

² Pyatigorsk Institute (branch) of the FGAO VO "North Caucasus Federal University"

(ave. 40 let Oktyabrya, 56, Pyatigorsk, Russia, 357500)

Link for citation: Zarapina L.V., Belokopytova N.Y. Compensation for moral damage as a way to protect violated personal non-property rights and intangible benefits in the internet environment. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):50–61. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-50-61>

CONTACT INFORMATION:

Lydia V. Zarapina*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Russian State University of Justice"

Address: Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418

Tel.: +7 (915) 410-68-75

E-mail: zarapinalv@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.04.2024

The article has been accepted for publication: 17.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of this article is to study the theoretical and legal aspects of compensation for moral damage as a mechanism for the prevention of offenses in the Internet environment. To achieve this goal, tasks such as the analysis of the content of the concept of «moral harm», the study of criteria for the systematization of personal non-property rights are set. The article uses modern methods of scientific cognition such as general scientific and private scientific research methods, which together made it possible to characterize compensation for moral damage as a mechanism for preventing offenses in the Internet environment.

The results of the study include the formulation of scientific and practical proposals to improve the legal regulation of compensation for moral damage in the Internet environment in Russia, taking into account the established legal practice in foreign countries. The legal essence of moral damage as an evaluative concept and legal category is revealed in the fact that when determining the amount of the latter, judicial discretion is taken into account to the extent that it is allowed by Russian law, the model of civil procedure,

the existing judicial system and established practice in courts. The article also touches upon the theoretical dilemma regarding the identification of a person in the digital space through the coverage of issues of the correctness of the use of personal data in the Internet environment. As a result, it is proposed to legislatively define the concept of «personal data» as «any information related to an identified individual or an individual who can be identified.» The analysis of the problem of tracking and recording the facts of offenses in the Internet environment, the problem of determining the amount and payment of compensation for moral damage caused in the Internet space is consistently given.

The study is accompanied by conclusions arising from the analysis of the legislative regulation of compensation for moral damage caused on the Internet. As a result, the authors come to the conclusion that compensation for moral damage has certain features of manifestation on the Internet. Cases in this category have certain difficulties (the uncertainty of the defendant, the large volume of the information dissemination site, the defendant's ability to delete information, high costs for ensuring pre-trial fixation of evidence), which contributes to an increase in the marginal environment of the Internet environment. A proposal has been formulated on the need to catalog the amounts for causing moral suffering and provide the perpetrator with a wide margin of discretion, taking into account new approaches to determining the amount of compensation for moral harm on the Internet.

Keywords: moral damage, personal non-property rights, the Internet, personal data, fixation of evidence.

Введение

Современная действительность развития человечества с учетом глобализации и стремительное развитие цифровых технологий, при возрастающем количестве нарушений в Интернет-среде (ставшее одним из характерных признаков современности), несет в себе не меньшее количество вызовов для всех сфер человеческого существования, в том числе – правовой системы каждого государства, имеющего более или менее развитую технологическую и цифровую среду.

Несмотря на высокую степень научной разработанности и наличие устойчивой системы правового регулирования, необходимость рассмотрения отдельных дискуссионных проблем института компенсации морального вреда не только не отпала, но и напротив стала еще более своевременной и актуальной: не в последнюю очередь благодаря развитию и повсеместному распространению цифровых и информационных технологий (в том числе, сети Интернет).

Статья 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) постулирует правило о порядке определения судом размера компенсации морального вреда. Компенсация морального вреда как механизм превенции правонарушений должна осуществляться исходя из условий конкретного дела (включая тяжесть причиненного вреда) с учетом степени вины нарушителя, степени нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями пострадавшего гражданина. Размер компенсации морального вреда определяется судом на основе доказательств и иных заслуживающих внимания обстоятельств [11, с. 46]. Верное понимание таких оценочных понятий позволяет воздержаться от «механического применения норм» и «повысить эффективность права как социального регулятора» содействуя целям компенсации морального вреда [10, с. 8].

Однако законодатель не указал какие конкретно индивидуальные особенности лица и какие «иные обстоятельства» принимаются во внимание и учитываются впоследствии судом. С учетом правоположений статьи 151 ГК РФ можно утверждать, что вопросы об обоснованности величины компенсации за причиненный моральный вред в случае нарушения личных неимущественных прав в Интернет-среде, критерии выбора и фиксации обстоятельств, имеющих значение для дела, не были в достаточной степени решены.

Анализ научных публикаций, связанных с порядком применения института и определения размера компенсации морального вреда как механизма защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ в Интернет-среде, позволил сделать вывод о недостаточном количестве исследований по данному вопросу. Вышеуказанные научные публикации затрагивают проблему определения морального вреда [19, с. 21; 18, с. 74], условия возложения ответственности и доказательственные презумпции [27, с. 1154–1155], правила возмещения морального вреда [13, с. 16], уплаты присужденного размера компенсации [24, с. 5], возмещение морального вреда работодателем за вред, причиненный работником в нестандартных ситуациях – удаленный режим работы, в случае совершения преступления [25, с. 39–40]. Однако открытым остается вопрос об определении подходов к стандарту доказывания причинно-следственной связи между определением заслуживающих

внимания для дела обстоятельств и размером компенсации морального вреда. На сегодняшний день решение данного вопроса остается на уровне общих правоположений статьи 151 ГК РФ.

Например, В. Алистархов [1, с. 55], основываясь на результатах анализа судебной практики по исследуемой категории дел, рекомендует с привлечением научных сотрудников, специалистов-психологов разработать четкие критерии и процедуру, указывающих на нравственные страдания потерпевшего, которые влияют на сумму компенсации морального вреда.

Ряд авторов по искам о компенсации морального вреда предлагают проведение судебной медико-психологической экспертизы в качестве факультативного компонента [23, с. 22], перевод части споров в административные схемы компенсации [26, 28], создание системы защиты прав и интересов медицинских работников [15, с. 16]. По мнению И.К. Пискарева «наиболее сложным является вопрос о размере денежной компенсации морального вреда, которую необходимо определить при вынесении судом решения. Размеры этих сумм зависят от очень многих конкретных обстоятельств, требуют разумного и взвешенного подхода суда к их оценке, не допускающего определения как неоправданно незначительных, а по существу издевательских сумм, так и необоснованно завышенных по тем делам, где степень страданий, перенесенных истцом, невелика» [16, с. 75]. По мнению С.Л. Дегтярева [7, с. 45] определение морального вреда в ст. 151 ГК РФ является недостаточным и требует дифференциации в связи с появлением новых правовых терминов и правовых категорий («репетиционные потери», «цифровой след» и т. д.).

В своем исследовании З.В. Вешкурцева [5, с. 20] предлагает дифференцировать сумму компенсации морального вреда на базовую и квалифицированную, раскрывает перечень «иных заслуживающих внимания обстоятельств» при определении размера компенсации морального вреда. Автор не учитывает опыт мировой юриспруденции относительно стандартизации оценки величины суммы компенсации морального вреда.

Актуальность исследования обусловлена существенным значением института компенсации морального вреда как механизма превенции правонарушений и восстановления справедливости в системе российского права. При этом способы защиты нарушенных прав не могут обойтись без учета принципиальных особенностей, существующих в сфере информационной коммуникации. Перечисленные факторы обуславливают целесообразность и актуальность нового исследования, которое без обращения к ранее сформулированным позициям невозможно в полной мере провести.

Целью настоящего исследования выступает рассмотрение ряда актуальных проблем современного института компенсации морального вреда как механизма превенции правонарушений в Российской Федерации.

Методы исследования

Методология исследования включает прежде всего комплекс логических методов (описание, определение, доказывание и др.). Основу исследования составили как общенаучные, так и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, использованный для определения термина «моральный вред». Затронут сравнительно-правовой аспект, позволяющий рассмотреть компенсационный механизм морального вреда в России и зарубежных странах и др. В совокупности указанные методы позволили охарактеризовать компенсацию морального вреда как механизм превенции правонарушений в среде Интернет.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило установить, что появление интернет-пространства не служит причиной для существенной доработки или пересмотра института компенсации морального вреда. Сеть «Интернет» является лишь местом или способом посягательства на нематериальные блага вместе с тем, появление цифрового пространства подчеркнуло существующие недостатки регулирования общего характера, таких как: 1) отсутствие легального определения персональная информация; 2) несоблюдение судами принципов горизонтальной и вертикальной справедливости при определении суммы компенсации морального вреда; 3) дороговизна и сложность фиксации факта правонарушения в сети интернет.

Авторами было рассмотрено место компенсации морального вреда как одного из способа защиты прав и как механизм превенции правонарушений в среде Интернет. Исследованы актуальные вопросы, как спорность содержания законодательной дефиниции «персональные данные», «согласие на обработку персональных данных». Следует отметить сформировавшуюся положительную практику судов относительно интерпретации правовых норм института компенсации морального вреда. Генерализируя сложившиеся узкие подходы к пониманию морального вреда Верховный суд

позволяет нижестоящим судам справедливо разрешать дела, вытекающие из коммуникации в сети интернет.

Также была представлена на обозрение одна из концепций систематизации судебных актов, содержащих решения по определению размера компенсации морального вреда. В заключении предложено каталогизировать суммы за причинение нравственных страданий, при этом подходе обязательно учитываются такие факторы как: репетиционные потери, количество просмотров порочащей публикации, невозможность удаления цифрового следа.

Научная дискуссия

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в статье 12 наряду с признанием права, возмещением убытков, взысканием неустойки и прочими способами защиты предусматривает право гражданина на компенсацию морального вреда. Имея многовековую историю становления и развития, данный институт гражданского права, выполняя превентивную и восстановительную функции, основывается на принципах эквивалентности и справедливости компенсации причиненного потерпевшему гражданину физических или нравственных страданий.

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда России от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ (далее – ППВС №33) дано следующее понятие морального вреда – нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина. Нематериальное благо, неимущественное право и имущественное право – это три группы прав (благ), (согласно правоположениям статьи 151 ГК РФ и ППВС №33) при нарушении которых у потерпевшего возникает право на компенсацию морального вреда. Наличие нравственных страданий гражданина в случае нарушения его личных неимущественных прав либо при посягательстве на его нематериальные блага презюмируется (пункт 2 ППВС №33)².

В доктрине гражданского права господствуют несколько критериев систематизации личных неимущественных прав [22, с. 180]. Для задач данного исследования более разумным руководствоваться критерием дифференциации личных неимущественных прав в зависимости от их цели. Так, к первой группе относят права, связанные с физическим здоровьем человека; ко второй группе относят права, обеспечивающие индивидуализацию личности; к третьей группе относят права, обеспечивающие автономию личности.

Конечно, компенсация морального вреда в сети возможна по двум последним группам прав: обеспечивающим индивидуализацию личности, обеспечивающим автономию личности. В связи с отсутствием реального контакта при коммуникации людей в сети интернет, следует учесть, что в цифровой среде основанием причинения морального вреда является только понесенные нравственные страдания потерпевшего, вследствие нарушения следующих прав: достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право на использование своего имени, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др. Конечно, нанесенные нравственные страдания в сети интернет могут быть причиной расстройства здоровья, стресса, переживаний, плохого самочувствия. Наличие физического проявления страданий человека должно компенсироваться большей суммой. Но при этом необходимо доказать причинно-следственную связь между деликтом в интернете и конечными физическими страданиями. На данное обстоятельство обратил внимание и Кировский районный суд г. Самары. Так в своем постановлении суд указал, что факт угрозы убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью сам по себе не означает, что у гражданина насупило стрессовое заболевание, нужны доказательства взаимосвязи двух событий³.

¹ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // Российская газета. 2022. 25 нояб.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2021 № 33-КГ20-6-К3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Кировского районного суда г. Самары Самарской области от 15 февраля 2021 г. по делу № 2-340/2021 [сайт]. Кировский районный суд г. Самары; 2021 [обновлено 01 марта января 2021; процитировано 18 марта 2024]. Доступно: kirovsky.sam.sudrf.ru.

В доктрине встречается мнение о том, что Интернет стал проявлять признаки источника повышенной опасности [6, с. 39]. Так, позиция ученых основывается на том, что для нарушений прав в Интернет-среде характерно мгновенное распространение на неподконтрольное число пользователей на обширную территорию и могут нанести серьезный вред [5, с. 21]. При этом представляется крайне сложным определить конечный вред и проконтролировать дальнейшие события. Что характеризует нарушения в сети Интернет как непредсказуемые, массовые, незащищенные. При этом в случае признания судом того, что вред причинен безвинно, причинитель такого вреда не будет освобожден от компенсации морального вреда – статья 1064, абзац 2 статьи 1100 ГК РФ. По своей природе относящиеся к электронным источникам информации, Интернет-ресурсы, исходя из содержания приведенных норм, фактически приравнены к источникам повышенной опасности. Судебная практика относительно признания Интернет-пространства в качестве источника повышенной опасности не сложилась. Но исходя из отсутствия каких-либо барьеров существующей доктрины можно говорить о постепенной имплементации интернета в списки источников повышенной опасности.

Проблема, связанная с утверждением о том, что Интернет-среда приобретает черты источника повышенной опасности, более сложная, не может быть рассмотрена в рамках темы представленной статьи и заслуживает отдельного научного исследования.

Хотелось бы затронуть понятие «Интернет» и сказать, какую он представляет опасность для новых пользователей. Итак, интернет – это глобальная сеть, которая дает возможность получения доступа к информационным ресурсам. Пользователи интернета получают широкую возможность в использовании информационных ресурсов, в чем и заключается опасность интернета. На сегодняшний день люди переходят в так называемую «новую реальность», в которой есть изобилие всего и можно найти почти все что требуется, однако начали появляться и источники пагубного воздействия, такие как источники сбыта наркотических средств и их аналогов [12, с. 53], пропагандистские и религиозные источники (далее – сайты), паблики и каналы, посвященные деструктивному поведению молодежи [21, с. 105], фальшивые сайты (не проверенный интернет-источник), сайты для бесплатного скачивания информации, которую в обычной жизни нужно покупать (книги, музыка, фильмы и т.д.). Например, пропагандистские сайты изменяют сознание людей, те же самые террористические, расистские и религиозные организации обитают в глобальной сети, вербуя людей, ломая их жизни. Или через интернет можно прочитать книгу абсолютно бесплатно, по крайней мере так пишут на сайте. Однако есть риск вирусного заражения устройства, что нарушает его работоспособность и дает доступ к вашей личной конфиденциальной информации хакерам. Хакеры – это особый тип компьютерных специалистов, которые преодолевают систему безопасности устройства. Так называемые интернет-мошенники могут быть онлайн-тренерами по бизнесу или продавцами товаров, которые выманивают деньги у пользователей. Нередко хакерам удается преодолеть системы безопасности банков или компаний и произвести крупные списания денежных средств со счетов [9, с. 610]. Следует внимательно изучать информацию и ее источник, прежде чем совершать какие-либо действия, так как есть риск мошенничества в интернете.

В ходе процесса о компенсации морального вреда возникают сложности, связанные с тем, что правоприменитель не может даже точно установить основания присуждения морального вреда.

Так, до недавнего времени российское право демонстрировало достаточно ограничительный подход присуждения компенсации морального вреда. Однако ВС РФ удалось расширить круг применения данного способа защиты¹. При рассмотрении дело о краже ноутбука докассационные суды отказывали в удовлетворении гражданского иска потерпевшего в части компенсации морального вреда несмотря на то, что истец указывал на важность информации, хранившейся на устройстве. ВС РФ отменил акты нижестоящих судов и отправил дело на пересмотр. При этом отметив, что, в случае установления факта нарушения имущественных прав гражданина нельзя однозначно утверждать, что тем же противоправным деянием не мог быть нанесен вред его нематериальным благам или неимущественным правам. Считаю, что вышеуказанная тенденция является положительной и способствует справедливому разрешению гражданских дел, в том числе вытекающих из причинения морального вреда в сети интернет.

¹ Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019г. № 25 – КГ19-3 [сайт]. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации; 2019 [обновлено 11 октября 2019; процитировано 18 марта 2024]. Доступно: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-11062019-n-25-kg19-3/>.

Также стоит затронуть тему персональных данных, а также согласие на их обработку. Положения п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ (далее – Закон № 152-ФЗ) дают понятие дефиниции «персональные данные». В сущности, это прямо или косвенно относящаяся к субъекту персональных данных разнообразная информация. Таким образом, любые сведения о человеке (возраст, имя, образование и др.) по факту подпадают под категорию персональных данных. Это приводит суды к различной практике в понимании определения понятия «персональные данные».

Важно отметить, что в предмет Закона №152-ФЗ не входят способы защиты прав и их гарантий, связанных с персональными данными человека. Закон №152-ФЗ лишь отсылает к нормам иных отраслей законодательства, таких как: гражданское, уголовное, административное. А также перечисляет минимальный список конкретных способов защиты, таких как: компенсация морального вреда, возмещение убытков. По нашему мнению, этого недостаточно. Для эффективной защиты гражданских прав в данном законе должны быть отражены особенности правового механизма защиты прав, связанных с персональными данными.

А.Г. Мираев предлагает перенять частичку опыта у Европейского союза для уточнения дефиниции «персональные данные». В законодательстве Европейского Союза (далее – ЕС) под «персональными данными» понимается абсолютно любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано («субъект данных») [14, с. 78]. В предложенном варианте дефиниция «персональные данные» является тоже достаточно широкой, но при этом содержит приблизительный перечень сведений, относящийся прямо к персональным данным.

Исходя из практики использования интернет-ресурсов необходимо согласие на обработку персональных данных, с чем соглашается пользователь путем проставления отметки. К сожалению, в условиях изобилия интернет-порталов, как правило, рядовой пользователь не может себе позволить выделить время для ознакомления с большим массивом текста соглашения.

В тексте данного соглашения почти всегда содержится следующие формулировки «Предоставляя свои персональные данные Покупатель дает согласие на обработку, хранение и использование своих персональных данных», «Продавец обязуется не передавать полученные персональные данные третьим лицам, за исключением... Стратегическим партнерам», что позволяет дальнейшему распространению конфиденциальной информации.

На наш взгляд, удобным было бы утверждение перечня типовых соглашений. При этом пользователю будет удобнее определиться согласится или отказаться от условий типового соглашения.

Таким образом, можно говорить, что компенсация морального вреда имеет определенные особенности проявления в сети интернет. В частности, можно рассматривать интернет как источник повышенной опасности. Также для установления правовой определенности в сети интернет предлагаем законодательно определить понятие «персональные данные» как – «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано». Следует констатировать о положительном судебном влиянии на понимание института компенсации морального вреда. Генерализируя сложившиеся узкие подходы к пониманию морального вреда Верховный суд позволяет нижестоящим судам справедливо разрешать дела, вытекающие из коммуникации в сети интернет.

Взыскание компенсации морального вреда, в случае отсутствия консенсуса между примирителем и потерпевшим, осуществляется через судебный орган, что влечет определенные процессуальные требования к представленным доказательствам факта правонарушения, прежде всего их относимость, допустимость – ст. 59, 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Новые компьютерные программы, технологии, IT-термины не могут оказать влияние на механизм доказывания причиненных убытков и, как следствие, компенсацию морального вреда. Однако IT-технологии могут сказаться на отдельных элементах процесса доказывания. Например, при установлении такого признака доказательства, как его допустимость, на способе исследования доказательства в судебном заседании (например, исследование информации, размещенной на ресурсах в Интернет-пространстве) [8, с. 103].

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451 (Часть I).

В настоящее время судебная практика приобрела тенденцию предпочтения нотариально заверенных копий сайтов, где отображены или иным образом зафиксированы факты правонарушения в сети интернет.

Проводя отличие информации, размещенной в Интернет-среде, от письменных и вещественных доказательств, последняя может быть подвержена удалению из Интернет-пространства в кратчайшие сроки любыми заинтересованными лицами. По мнению А.В. Бегичева судьи не обладают специальными познаниями в области информатизации, подчеркивается, что суды в основном считают необходимым истребование нотариальных копий, при этом особенную важность такая форма доказательств играет в делах о распространении клеветы. В свою очередь нотариусы же совершают большое количество технической работы, освобождая от бремени технического исследования суд [3, с. 12].

По разъяснению Федеральной нотариальной палаты (далее – ФНП РФ) информация, размещенная в среде Интернет, объективно выражена только в электронном виде¹. При этом К.А. Сергеева отмечает необходимость указания подробной «трассировки маршрута доступа» [20, с. 27] во время описания того, как нотариус проложил маршрут доступа сайта, в противном случае нотариальный протокол не будет отвечать требованиям допустимости, поскольку есть существенный дефект – отсутствие источника информации.

Нотариус обеспечивает фиксацию всех переходов со страницы на страницу, при этом согласно пункт 12.6 части 1 статьи 22.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате одна страница такой фиксации стоит 3000 рублей. Учитывая требования описания пути перехода с сайта на сайт данная, сумма умножается в 2 – 5 раз. Следует отметить, что вышеназванные суммы справедливы только для доказывания факта в рамках лишь одного сайта.

С 2020 года подать заявку на обеспечение доказательств в сети интернет можно удаленно. Для этого необходимо зайти в личный кабинет на портале Федеральной Нотариальной Палаты, авторизоваться через подтвержденный аккаунт на Едином портале Госуслуг и подписать заявление усиленной квалифицированной электронной подписью. Впрочем, проблема стоимости услуг нотариуса по заверению интернет доказательств остается открытой для цивилистов. Дела, связанные с нарушениями в сети интернет, содержат в себе определенные трудности, которые выражаются в: неопределенности ответчика, большого объема сайтов распространения информации, возможность ответчика удаления информации. Например, конфиденциальная информация гражданина может быть опубликована на различных сайтах путем ссылки или репоста. Такая распространенность информации требует больших затрат на обеспечение досудебной фиксации доказательств. Истец несет огромные досудебные издержки, что, по нашему мнению, несправедливо перераспределяет процессуальные обязанности и вызывает у потерпевшего нежелание защищать свои нарушенные права, что безусловно является отрицательной тенденцией, поскольку такое положение вещей способствует повышению маргинальной обстановки в сети Интернет.

Вопрос об определении суммы компенсации морального вреда вызывает множество дискуссий в мировой юриспруденции. В разных странах размер компенсации за один и тот же деликт может отличаться в сотни раз. Желание достигнуть общей справедливости побудило международные сообщества создать единые принципы, цели, задачи, которыми должны руководствоваться национальные правоприменители при определении суммы присуждения [17, с. 139].

В целях формирования сравнительно полной стандартизации основных правил оценки и руководствуясь принципом горизонтальной справедливости, разработчики Европейских принципов деликтного права (Principles of European Tort Law (далее – PETL)) предусмотрели положение – при оценке ущерба аналогичные суммы должны присуждаться за объективно аналогичные потери (ст. 10:301(3) PETL)². В зарубежных системах юрисдикционные органы в процедурах урегулирования споров ориентируются на размеры ранее взысканных сумм компенсаций по схожим типам ущерба [2, с. 110]. Для систематизации вышеуказанных сумм создаются различные таблицы, или даже законы (например, во Франции – Loi Badinte) с указанием в них суммы за конкретный вид страдания.

¹ Об обеспечении нотариусом доказательств: Письмо ФНП от 13.01.2012 № 12/06-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Wurmnest W. Immaterieller Schaden (Nichtvermögensschaden) [сайт]. Universität Hamburg; 2024 [обновлено 11 марта 2024; процитировано 01 апреля 2024]. Доступно: [http://hwbeup2009.mpipriv.de/index.php/Immaterieller_Schaden_\(Nichtvermögensschaden\)](http://hwbeup2009.mpipriv.de/index.php/Immaterieller_Schaden_(Nichtvermögensschaden)).

По мнению С.Л. Будылина по делам о компенсации морального вреда в Англии в помощь судам периодически выпускаются систематические таблицы рекомендуемых компенсаций за разные виды травм, основанные на предшествующей практике, но отчасти систематизирующие и дополняющие эту практику [4, с. 80]. Издание аналогичных таблиц с указанием в них суммы за конкретный вид страдания позволило бы российским судам избежать нарушения принципов горизонтальной и вертикальной справедливости при присуждении сумм морального вреда. В российской практике за один и тот же вред присуждаются совершенно разные суммы.

Из отчета и анализа судебной практики, проведенной RTM GROUP видно, что самое распространенное основание нанесения морального вреда в сети интернет – нарушение чести и достоинства гражданина. Данная категория дел является крайне непопулярной. В 2021 г. – принято 281 решение, при этом 93% являются гражданскими делами, а остальные 7% – административные, уголовные)

Следует отметить, что процент удовлетворения дел данной категории достигает почти половины – в 2021 году было удовлетворено 44.5% (из 281 решения), 40.2% дел остались без удовлетворения, в остальной части сложно говорить, поскольку статистическая судебная отчетность не дает точной информации по движению данных дел. Как следует из отчета, в 2021 году по сравнению с 2020 годом общий процент удовлетворенных требований повысился, но не существенно. И в 2021 году он все еще незначительный.¹ Чаще всего суд отказывает во взыскании морального вреда или же устанавливают минимальный размер его присуждения. Данное обстоятельство связывают с такими факторами как: высокий субъективизм суда, сложность доказывания факта правонарушения, общая латентность к данной категории дел.

Ситуация осложняется отсутствием сумм присуждения компенсации морального вреда в опубликованных решениях судов, что не позволяет сделать качественную выборку для создания полной и максимально объективизированной статистической отчетности. Поэтому, считаем необходимым предоставить открытый доступ к полному содержанию судебных актов, где взыскивается сумма за причинение морального вреда.

При попытке имплементации механизма стандартизации величины размера компенсации морального вреда, следует учитывать, что во всех странах, пользующихся таблицами, как правило нормируются суммы только за причинение физических страданий. Это объясняется сравнительной простотой материализации физических страданий в денежные эквиваленты несмотря на то, что судами учитываются степень вины причинителя вреда и другие индивидуальные факторы. Также предусмотрена возможность корректирования объективно вменяемой суммы на основе определенных коэффициентов (коэффициент, зависящий от формы вины причинителя вреда; коэффициент, зависящий от индивидуальных особенностей гражданина; коэффициент, зависящий от индивидуальных особенностей гражданина; коэффициент, зависящий вины потерпевшего, коэффициент, зависящий от достатка причинителя вреда). На наш взгляд такие категории личных прав как достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, честь и доброе имя, личная и семейная тайна, право авторства, право автора на имя, можно подвергнуть экономической оценки, даже несмотря на отсутствие зарубежного опыта.

Необходимым условием нормирования личных неимущественных прав является предоставление суду возможности более свободного усмотрения, путем дифференциации коэффициента индивидуальной особенности потерпевшего. Повышение коэффициента позволит учесть суду такие факторы как: степень переживания потерпевшего, количество просмотров публикации, порочащей честь и достоинство, продолжительность нахождения информации в интернет пространстве, возможность или невозможность исключения цифрового следа.

Следует констатировать, что вопрос о нормировании сумм по делам о компенсации морального вреда остается открытым. Считаем, российский правопорядок может встроить модель каталогизации сумм за причинение нравственных страданий в сложившуюся российскую практику. Можно включить в нормирование сумм страдания нравственного характера, не связанные с физическим вредом. При внедрении новых подходов определения суммы компенсации морального вреда в сети интернет необходимо предоставить правоприминителю широкие рамки усмотрения.

¹ Защита чести и достоинства, информации в сети интернет [сайт]. RTM Group «Исследования»; 2022 [обновлено 11 марта 2022; процитировано 22 марта 2024]. Доступно: <https://rtmtech.ru/research/rtm-research-гp>.

Список использованной литературы:

1. Алистархов В. Проблемы доказывания размера компенсации за моральный вред. *Управление персоналом*. 2014;(2):55–60.
2. Артеменко Н.С. Методы расчета возмещения нематериального вреда в Италии. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;(3):99–115.
3. Бегичев А.В. Защита нотариусом прав пользователей Интернета. *Российская академия адвокатуры и нотариата*. 2012;(12):10–16.
4. Будылин С.Л. Боль и страдания в странах общего права. Прейскурант или судебная дискреция? *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;(3):78–97.
5. Вешикурцева З.В. Защита нематериальных благ и личных неимущественных прав: основные современные проблемы и пути их решения. *Юридические исследования*. 2017;(12):19–34.
6. Вешкурцева З.В. Определение «заслуживающих внимания обстоятельств» при применении ст.ст. 151, 1101 ГК РФ: дополнительные принципы и критерии. *Право и политика*. 2017;(11):35–44.
7. Дегтярев С.Л. Гражданско-правовая ответственность и способ защиты личных неимущественных прав в виде компенсации морального вреда. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;(4):40–46.
8. Дегтярев С.Л., Макеева И.С. Возмещение «цифровых убытков» и компенсация морального вреда, причиненного в «цифровой среде»: вопросы влияния оценочных категорий. *Философия права*. 2023;107(4):99–104.
9. Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР). *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019;(46):606–625.
10. Иншакова А.О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях: причины и следствия. *Правовая парадигма*. 2019;18(2):6–11.
11. Иншакова А.О., Бадышева Д.Х. Общая характеристика компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных прав. *Дневник науки*. 2020;47(11):46.
12. Князьков А.С. Соучастие в незаконном сбыте наркотических средств и их аналогов, совершаемом путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018;(30):53–66.
13. Манько Е.А. Критерии определения размера компенсации морального вреда. *Юрист*. 2006;(3):16–18.
14. Мираев А.Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе. *Юридическая наука*. 2019;(5):76–82.
15. Новокшонова Н.А. Проблемы компенсации

References:

1. Alistarkhov V. [Problems of proving the amount of compensation for moral damage]. *Personnel management*. 2014;(2):55–60. (In Russ.)]
2. Artemenko N.S. [Methods of calculating compensation for non-material damage in Italy]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2014;(2):55–60. (In Russ.)]
3. Begichev A.V. [Notary protection of the rights of Internet users]. *The Russian Academy of Advocacy and Notariate*. 2012;(12):10–16. (In Russ.)]
4. Budylin S.L. [Pain and suffering in common law countries. Price list or judicial discretion?]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(3):78–97. (In Russ.)]
5. Veshikurtseva Z.V. [Protection of intangible benefits and personal non-property rights: the main modern problems and ways to solve them]. *Legal research*. 2017;(12):19–34. (In Russ.)]
6. Veshkurtseva Z.V. [Definition of «noteworthy circumstances» in the application of Articles 151, 1101 of the Civil Code of the Russian Federation: additional principles and criteria]. *Law and Politics*. 2017;(11):35–44. (In Russ.)]
7. Degtyarev S.L. [Civil liability and a way to protect personal non-property rights in the form of compensation for moral damage]. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(4):40–46. (In Russ.)]
8. Degtyarev S.L., Makeeva I.S. [Compensation for «digital losses» and compensation for moral damage caused in the «digital environment»: issues of the influence of evaluative categories]. *Philosophy of Law*. 2023;107(4):99–104. (In Russ.)]
9. Ermakova E.P., Frolova E.E. [Legal regulation of digital banking in Russia and foreign countries (European Union, USA, China)]. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2019;(46):606–625. (In Russ.)]
10. Inshakova A.O. [Difficulties of using evaluation categories in intersectoral legal research: causes and consequences]. *The legal paradigm*. 2019;18(2):6–11. (In Russ.)]
11. Inshakova A.O., Badysheva D.H. [General characteristics of compensation for moral damage as a way to protect violated rights]. *The diary of Science*. 2020;47(11):46. (In Russ.)]
12. Knyazkov A.S. [Complicity in the illegal sale of narcotic drugs and their analogues, committed through the use of electronic and information and telecommunication networks]. *Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2018;(30):53–66. (In Russ.)]
13. Manko E.A. [Criteria for determining the amount of compensation for moral harm]. *Lawyer*. 2006;(3):16–18. (In Russ.)]
14. Miraev A.G. [The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union]. *Legal science*. 2019;(5):76–82. (In Russ.)]
15. Novokshonova N.A. [Problems of compensation for

- морального вреда медицинским работникам. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.* 2023;8(2):11–17.
16. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / под. ред. И.К. Пискарева. М.: Проспект; 2014.
17. Пастухова А.Е. Подход немецкого права к определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь и здоровье гражданина. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2020;(3):138–151.
18. Потапенко С.В., Семенцов В.А. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве как универсальный способ возмещения имущественного и морального вреда, причиненного преступлением. *Вестник Томского государственного университета. Право.* 2021;(40):64–79.
19. Редько Е.П. Соотношение понятий «моральный» и «неимущественный» вред: теоретические и практические аспекты. *Мировой судья.* 2008;(10):20–23.
20. Сергеева К.А. Обеспечение доказательств в законодательстве о нотариате. *Арбитражный и гражданский процесс.* 2012;(3):26–31.
21. Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся). *Вестник Томского государственного университета. Право.* 2022;(43):97–113.
22. Трофимова Е.В. Подходы к классификации личных неимущественных прав в гражданском праве. *Вестник Омского университета. серия «право».* 2008;16(3):179–183.
23. Филиппов Ю.Н., Абаева О.П., Филиппов А.Ю. Проблемы компенсации морального вреда, связанного с оказанием медицинской помощи. *Медицинское право.* 2014;(1):21–24.
24. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: Wolters Kluwer Russia; 2004.
25. Giliker P. Vicarious Liability or Liability for the Acts of Others in Tort: A Comparative Perspective. *JETL.* 2011;(2):31–56. DOI: 10.1515/jetl.2011.31.
26. Goldberg. R. Medical Malpractice and Compensation in the UK. *Chicago-Kent Law Review.* 2012;87(1):131–161. DOI: 10.1515/9783110270235.439.
27. Stauch M.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany. *Chicago-Kent Law Review.* 2011;86(3):1139–1168. DOI: 10.1515/9783110270235.179.
28. Watson K., Kottenhagen R. Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe. *European Journal of Health Law.* 2017;25(1):1–23. DOI: 10.1163/15718093-12460348.
- moral harm to medical workers]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2023;8(2):11–17. (In Russ.)]
16. Features of consideration and resolution of certain categories of civil cases (claim proceedings) / Edited by I.K. Piskarev. M.: Prospect; 2014. (In Russ.)]
17. Pastukhova A.E. [The approach of German law to determining the amount of compensation for moral harm in attacks on the life and health of a citizen]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2020;(3):138–151. (In Russ.)]
18. Potapenko S.V., Sementsov V.A. [Civil action in criminal proceedings as a universal way of compensation for property and moral damage caused by a crime]. *Bulletin of Tomsk State University. Right.* 2021;(40):64–79. (In Russ.)]
19. Redko E.P. [Correlation of the concepts of «moral» and «non-material» harm: theoretical and practical aspects]. *Justice of the Peace.* 2008;(10):20–23. (In Russ.)]
20. Sergeeva K.A. [Providing evidence in the legislation on notaries]. *Arbitration and civil procedure.* 2012;(3):26–31. (In Russ.)]
21. Solovyov V.S. [Threats to the security of educational organizations (criminological research based on the results of an anonymous Internet survey of students)]. *Bulletin of Tomsk State University. Right.* 2022;(43):97–113. (In Russ.)]
22. Trofimova E.V. [Approaches to the classification of personal non-property rights in civil law]. *Bulletin of Omsk University. the series «law».* 2008;16(3):179–183. (In Russ.)]
23. Filippov Yu.N., Abaeva O.P., Filippov A.Yu. [Problems of compensation for moral damage associated with the provision of medical care]. *Medical law.* 2014;(1):21–24. (In Russ.)]
24. Erdelevsky A.M. Compensation for moral harm: analysis and commentary of legislation and judicial practice. M.: Wolters Kluwer Russia; 2004. (In Russ.)]
25. Giliker P. [Vicarious Liability or Liability for the Acts of Others in Tort: A Comparative Perspective]. *JETL.* 2011;(2):31–56. DOI: 10.1515/jetl.2011.31.
26. Goldberg. R. [Medical Malpractice and Compensation in the UK]. *Chicago-Kent Law Review.* 2012;87(1):131–161. DOI: 10.1515/9783110270235.439.
27. Stauch M.S. [Medical Malpractice and Compensation in Germany]. *Chicago-Kent Law Review.* 2011;86(3):1139–1168. DOI: 10.1515/9783110270235.179.
28. Watson K., Kottenhagen R. [Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe]. *European Journal of Health Law.* 2017;25(1):1–23. DOI: 10.1163/15718093-12460348.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарапина Лидия Владимировна*

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Белокопытова Наталья Юрьевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Пятигорского института (филиала) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lydia V. Zarpina*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Russian State University of Justice"

Natalia Y. Belokopytova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure of the Pyatigorsk Institute (branch) of the FGAO VO "North Caucasus Federal University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-62-68>

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА О СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО–ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Коломиец Н.Н.*¹, Слесарев В.Л.²

¹ ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
(Ильинка ул., д. 8, стр. 2, г. Москва, Россия, 103132)

Ссылка для цитирования: Коломиец Н.Н., Слесарев В.Л. Цивилистическая наука о социальной направленности гражданско–правового регулирования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):62–68. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-62-68>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Коломиец Наталья Николаевна*, преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 298-58-25

E-mail: kolomiec-natasha28@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024

Статья принята к печати: 21.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целями* настоящего исследования являются выявление роли гражданского законодательства в реализации политики социального государства на современном этапе развития страны и выявление основных черт социальной направленности гражданско-правового регулирования.

Для достижения целей исследования, автором проведён анализ базовых понятий, необходимых для определения сущности социальной направленности права, а именно термины «социальный» и «социализация», исследованы доктринальные мнения как отечественных, так и зарубежных учёных о значении гражданского регулирования в достижении социальных задач, проведён сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства с целью определения уровня правовой регламентации социализации права.

По итогам проведённого исследования автором выявлены и аргументированы основные черты социальной направленности гражданско-правового регулирования. Определено, каким образом должно происходить согласование частно-правовых норм с политикой социального государства, регламентированной на конституционном уровне.

Ключевые слова: социализация, гражданское право, социальное государство, социальная направленность, социальная ответственность.

THE CIVIL SCIENCE OF THE SOCIAL ORIENTATION OF CIVIL LAW REGULATION

Natalia N. Kolomiets*¹, Vladimir L. Slesarev²

¹ FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

² Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
(Ilyinka str., 8, building 2, Moscow, Russia, 103132)

Link for citation: Kolomiets N.N., Slesarev V.L. The civil science of the social orientation of civil law regulation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):62–68. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-62-68>

CONTACT INFORMATION:

Natalia N. Kolomiets*, Lecturer of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 298-58-25

E-mail: kolomiec-natasha28@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.04.2024

The article has been accepted for publication: 21.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The objectives of this study are to identify the role of civil legislation in the implementation of the policy of the welfare state at the present stage of state development and to identify the main features of the social orientation of civil law regulation.

To achieve the goals of the study, the author analyzes the basic concepts necessary to determine the essence of the social orientation of law, namely "social" and "socialization", examines the doctrinal opinions of both domestic and foreign scientists on the importance of civil regulation in achieving social objectives, conducts a comparative legal analysis of domestic and foreign legislation in order to determine the level of legal regulation of the socialization of law.

Based on the results of the study, the author identifies and argues for the main features of the social orientation of civil law regulation. It is determined how private law norms should be coordinated with the policy of the welfare state, regulated at the constitutional level.

Keywords: socialization, civil law, social state, social orientation, social responsibility.

Введение

Цивилистическая наука на современном этапе развития общественных отношений требует пристального внимания к вопросам исследования социальной направленности гражданско-правового регулирования. Государство, являясь гарантом обеспечения правовой жизни индивидов, регулирует и координирует различные сферы общественных проявлений. Социальное благополучие граждан в России является приоритетным направлением государственной политики нашего государства. Ярким проявлением данного направления является закрепленная в статье 7 Конституции Российской Федерации норма о социальном государстве. При этом важно отметить роль гражданского законодательства, которое подчинено постулатам Основного закона страны и должно в своих институтах воплощать концепцию социализации, что явилось предметом исследования трудов многих цивилистов. Необходимо определить, какова сущность социализации права и в чем заключается социальная направленность гражданско-правового регулирования на современном этапе.

Методы исследования

Основу настоящего исследования составляют общенаучные и специальные методы: логический, системный, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования

Социальная направленность гражданско-правового регулирования видится в следующих чертах:

1. Социализацию гражданского права можно рассматривать закономерностью его развития, обеспечивающую необходимую меру справедливости гражданского законодательства.
2. Гражданско-правовое регулирование, в том числе в процессах его модернизации, призвано обеспечивать социальную солидарность участников гражданского оборота. Этот тезис может быть закреплён в кодифицированном гражданском Законе в качестве первоочередной цели его развития.

3. Проявлением социальной направленности гражданско-правового регулирования является государственное руководство частной экономической деятельностью для достижения цели общего блага.

4. Социальная ответственность бизнеса предполагает взаимосвязь и взаимодействие субъектов предпринимательской деятельности с обществом, согласованность и взаимозависимость их интересов. Соответственно, важнейшей задачей предпринимательской деятельности следует считать достижение социальных задач развития общества.

Научная дискуссия

Согласно философскому подходу, каждое понятие имеет свой индивидуальный, особый смысл и тем самым отличается от иных понятий. В данной связи, изучение и объяснение концепции социальной направленности видится возможным при помощи раскрытия сущности понятия «социальный». Обратившись к лингвистическому толкованию, определённого С.И. Ожеговым, отметим, что «социальный», с одной стороны, значит общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе, а с другой, производящий изменения в производственных отношениях общества¹. Явное проявление социального, как тождественного координации отношений индивида в системе «человек и общество», на законодательном уровне сегодня обеспечивается конституционной нормой нашей страны, закрепляющей социальную сущность государства.

Конституция Российской Федерации от 1993 года в ст. 7 закрепляет, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека². Обратившись к Конституциям многих иных стран постсоветского пространства можно обнаружить аналогичные положения. Так, в Республике Таджикистан закреплено, что Таджикистан – социальное государство, которое создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека³. Согласно ст. 1 Конституции, Узбекистан признан социальным государством⁴. В Киргизии, аналогично признанной социальной страной, в ст. 22 Конституции закреплено, что развитие общества и государства опирается на научные исследования, современные технологии и инновации, при этом содействуя развитию науки, научно-творческому развитию, научно-технологическим достижениям, открытиям, инновациям и изобретениям⁵.

Западноевропейские страны также закрепляют принцип социального устройства страны, например, Франция (ст. 1 Конституции)⁶, Германия (ст. 1 Конституции)⁷, Италия (ст. 20 Конституции)⁸.

Социализация гражданского права является направлением исследований кафедры гражданского права Кубанского государственного университета [11; 12; 13]. Например, проблемам социализации гражданско-правового регулирования была посвящена коллективная монография, в которой авторами рассматривались вопросы социальной функции права собственности, социальной направленности жилищного и земельного законодательства, вопросы совершенствования процессуальной формы [4].

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 742.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30391383 (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30433237 (дата обращения: 20.02.2024).

⁵ Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Конституция Французской Республики от 04.10.1958 (с изм. и доп. от 23.07.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/france.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

⁷ Основной закон Федеративной Республики Германия (Принят 23.05.1949) (с изм. и доп. от 29.07.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 23.02.2024).

⁸ Конституция Итальянской Республики от 27.12.1947 (с изм. и доп. от 02.10.2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 23.02.2024).

А.Я. Рыженков и А.Н. Садков указывают, что сегодня важен и актуален вопрос о поиске решений, которые направлены на соответствие частнопроводимых постулатов с идеей социального государства, провозглашенной в ст. 7 Конституции Российской Федерации и в юридическом аспекте авторы обозначают данный процесс как социализация частного права [7, с. 22].

Е.В. Богданов отмечает, что социализация гражданского права проявляется в закреплении категории общественного интереса в гражданском законодательстве. Ученый выделяет закономерную зависимость социализации гражданского законодательства и меры его справедливости. Он утверждает, что достаточно справедливым может быть только социализированное гражданское законодательство [2, с. 11].

«Социальный», как было отмечено выше, связано и с производственными отношениями в обществе, а значит, также с гражданско-правовым регулированием отношений между индивидами, их социальными группами, присвоением материальных благ и их распределением. Мюррей Рафф в исследовании «Важность реформирования гражданского права в бывших социалистических правовых системах» отмечал, что жизненно важная роль гражданского права сегодня заключается именно в том, чтобы обеспечить основу для правовых институтов, доктрин и сделок, лежащих в основе гражданского общества и коммерческого права, одновременно обеспечивая баланс частных прав с юридическими обязательствами и ответственностью [15, с. 24]. Автор определил роль гражданского законодательства на этапе либерализации экономики, отметив всё возрастающее его значение в системе горизонтального соблюдения норм между отдельными лицами.

Не случайно сегодня многие страны мира провозгласили конституционным принцип социального государства. Р. Штобер в этой связи отметил, что важной этической основой и главной составляющей принципа социального государства является принцип солидарности, производный от идеи братства (один за всех и все за одного), которая зародилась до появления права; принцип солидарности нацелен главным образом на осуществление социального выравнивания и перераспределения, и народное хозяйство – это нечто большее, чем простая сумма отдельных хозяйственных единиц [10, с. 61]. Таким образом, экономика должна служить общему благу и быть нацеленной на обогащение всего общества.

Принцип «социальной солидарности» в настоящее время нашел закрепление в конституционном законодательстве многих стран. Не так давно, а именно в 2020 году, Конституция России была дополнена статьей 75.1, провозгласившей обеспечение в стране политической, экономической и социальной солидарности¹. Так, и законодатель Италии в ст.2 Конституции закрепил, что Республика признает и гарантирует неотъемлемые права человека – как отдельной личности, так и в социальных образованиях, в которых проявляется эта личность, и требует выполнения неотъемлемых обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности. При этом в ст. 41 закреплено, что Закон определяет программы мероприятий и контроль, с помощью которых публичная и частная экономическая деятельность может направляться и координироваться в социальных целях².

Следует отметить, что одним из проявлений социализации частного права на данном этапе является «подгонка» институтов частного права под задачи, решение которых законодателю (в самом широком смысле этого слова) видится необходимым в данный момент времени [8, с. 211]. По мнению Т.Н. Радько, социально-экономические условия становления общественных отношений обуславливают социальную функцию права, при помощи которого разрешаются социальные задачи по влиянию на развитие науки, культуры, здравоохранения, пенсионного обеспечения, социального страхования, осуществляются гарантии прав личности в части получения различных социальных услуг [5, с. 46]. Таким образом, изменения именно в экономической деятельности членов общества напрямую связано с социальным направлением воздействия частного права.

Экономическая деятельность играет ключевую роль в развитии общественной жизни. Данная позиция является общеизвестной как в отечественной хозяйственной деятельности граждан, так и за рубежом. Обратимся, например, к законодательству Республики Беларусь, в которой, в ст. 1 Конституции закреплено, что Республика Беларусь – социальное государство. В соответствии со ст.

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Федеральный конституционный закон от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Конституция Итальянской Республики от 27.12.1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

21 каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Одним из принципов гражданского законодательства, отражённым в Гражданском кодексе Белоруссии, является принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности (направление и координация государственной и частной экономической деятельности обеспечиваются государством в социальных целях)¹. В Российской Федерации данный принцип пока не закреплён в Гражданском кодексе, однако, как представляется, может войти в систему основных начал гражданского законодательства. Такая идея находит поддержку в гражданско-правовой литературе. Так, А.В. Барков отмечает, что социальная направленность гражданско-правового регулирования может рассматриваться сегодня, во-первых, как отрицание понимания прибыли в качестве главной цели экономической деятельности, а, во-вторых, как ориентированность правового инструментария на обеспечение социальной защищённости отдельной личности и объединений граждан [1, с. 107]. Таким образом, прослеживается важность роли фигуры предпринимателя в осуществлении экономической деятельности, и автор отмечает, что предприниматели должны действовать не только в целях получения прибыли, но и в социальных целях. Отсюда вытекает вывод о необходимости уточнения задач предпринимательской деятельности, а именно ее направленность на достижение экономических и социальных результатов развития общества. Л.В. Щенникова, изучая характерные черты социализации, одним из аспектов выделяет, что социализация права также предполагает достижение значимого для гражданского общества результата и одной из его составляющей будет реальная помощь и поддержка социально уязвимых слоев населения, которым должны создаваться комфортные условия жизни [14, с. 74]. Яркими проявлениями социальной ответственности бизнеса служит участие в благотворительных и спонсорских инициативах².

Одним из видов благотворительности за рубежом признается спонсорская деятельность, направленная на оказание помощи с условием популяризации имени спонсора³. В науке спонсорство также рассматривается как особый вид благотворительности⁴, как добровольное участие лиц в материальной поддержке, предусматривающее получение не прибыли, а полезного эффекта, при этом сущность спонсорства и благотворительности заключается в поддержке бизнесом нуждающихся в дополнительной помощи⁵.

В отечественном законодательстве отсутствует легальное понятие социальной ответственности бизнеса, однако имеются доктринальные исследования. Одни авторы указывают, что социальная ответственность бизнеса представляет собой определенное влияние бизнеса на общество и большую ответственность тех, кто принимает бизнес-решения [3, с. 23]. Также встречаются и иные определения вышеназванного понятия. Социальная ответственность бизнеса – это понимание того, что бизнес – не просто извлечение прибыли, а органически важная часть общества; это осознание, что от «самочувствия» общества «вокруг» зависит и успех бизнеса [9, с. 5]. Так, например, Н.В. Рубцова отмечает, что бизнес, преследуя экономические цели, и общество с интересами социальными, взаимосвязаны, то есть бизнес – это не только про получение прибыли, но и про решение различных социальных задач, например посредством осуществления филантропической деятельности [6, с. 76].

Таким образом, актуальным направлением социального регулирования является социализация экономической деятельности в условиях рыночной экономики, ее служение общему благу, становление и развитие концепции социальной ответственности бизнеса, выделение нравственно-этических качеств субъекта – предпринимателя, а также иных лиц, в том числе некоммерческих организаций.

---

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 № 218-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.11.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415161 (дата обращения: 01.03.2024).

² Федотова Е.Г. Спонсорство и благотворительность в современной России: состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007. С. 13.

³ О благотворительности: Закон Республики Казахстан от 16.11.2015 (с изм. и доп. по состоянию на 01.07.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32932361 (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Журавлев В.И. Конституционные вопросы благотворительности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 4.

⁵ Антропова Е.В. Формирование системы частной и корпоративной поддержки сферы науки и образования: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2012. С. 8.

Список использованной литературы:

1. Барков А.В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015;(4):104–110.
2. Богданов Е.В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации. *Lex russica (Русский закон)*. 2021;4(5):9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.009-018.
3. Глущенко А.В., Калужная Ю.А. К вопросу о социальной ответственности бизнеса. *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. 2020;(22):22–27.
4. Некрашевич К.М. Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: коллективная монография. М.: Издательство Статут; 2022.
5. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект; 2014.
6. Рубцова Н.В. Правовая природа предпринимательской деятельности: аксиологический подход. *Журнал российского права*. 2020;(12):66–77. DOI: 10.12737/jrl.2020.148.
7. Рыженков А.Я., Садков А.Н. Социализация частного права: природа и основные направления (на примере гражданского права). *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2020;(1):22–28. DOI: 10.25724/VAMVD.MEFG.
8. Сенчищев В.И. Социализация частного права: размышления о некоторых тенденциях развития законодательства. *Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов*. М.: Статут; 2020.
9. Слесарев С. Социальная ответственность бизнеса: как компании правильно написать локальные нормативные акты. *Трудовое право*. 2019;(5):5–15.
10. Штобер Р. Хозяйственно-административное право. Основы и проблемы. Мировая экономика и внутренний рынок: монография / пер. с нем. М.: Волтерс Клувер; 2008.
11. Щенникова Л.В. Социальная функция гражданско-правовой ответственности нотариусов. *Нотариус*. 2020;(6):20–25.
12. Щенникова Л.В. Социальность как тенденция и индикатор качества вещно-правового регулирования. *Третьи цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сборник материалов конференции / под ред. Н.Л. Бондаренко*. Минск; 2021.
13. Щенникова Л.В. Недействительные сделки: законодательство, правоприменение, социальный эффект. *Законодательство*. 2022;(8):27–35.

References:

1. Barkov A.V. [On the need to take into account the trend of socialization of private law in the improvement of Russian civil law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod*. 2015;(4):104–110. (In Russ.)
2. Bogdanov E.V. [Socialization of Russian civil law as the basis of its modernization]. *Lex russica (Russkij zakon) = Lex Russica*. 2021;4(5):9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.009-018 (In Russ.)
3. Glushchenko A.V., Kalyuzhnaya Yu. A. [On the issue of social responsibility of business]. *Buhgalterskij uchet v byudzhetyh i nekommercheskih organizacijah = Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2020;(22):22–27. (In Russ.)
4. Nekrashevich K.M. [Social civil law in its fundamental institutions]. М.: Statut; 2022. (In Russ.)
5. Radko T.N. [Theory of functions of law]. М.: Prospekt; 2014. (In Russ.)
6. Rubtsova N.V. [The legal nature of entrepreneurial activity: an axiological approach]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(12):66–77. DOI: 10.12737/jrl.2020.148 (In Russ.)
7. Ryzhenkov A.Ya., Sadkov A.N. [Socialization of private law: nature and main directions (on the example of civil law)]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2020;(1):22–28. DOI: 10.25724/VAMVD.MEFG (In Russ.)
8. Senchishchev V.I. [Socialization of private law: reflections on some trends in the development of legislation]. *Sbornik statej, posvyashchennyj 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930–2020) / otv. red. V.V. Vitryanskij i E.A. Suhanov = Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930-2020) / ed. by V.V. Vitryansky and E.A. Sukhanov*. М.: Statut; 2020. (In Russ.)
9. Slesarev S. [Social responsibility of business: how companies can correctly write local regulations]. *Trudovoe pravo = Labor law*. 2019;(5):5–15. (In Russ.)
10. Stober R. [Economic and administrative law. Basics and problems. The world economy and the domestic market / Trans. from it]. М.: Volters Kluwer; 2008. (In Russ.)
11. Schennikova L.V. [Social function of civil liability of notaries]. *Notarius = Notary*. 2020;(6):20–25. (In Russ.)
12. Schennikova L.V. [Sociality as a trend and an indicator of the quality of property law regulation]. *Tret'i civilisticheskie chteniya pamyati professora M.G. Proninoj: sbornik materialov konferencii. / Pod redakciej N.L. Bondarenko = The third civilistic readings in memory of Professor M.G. Pronina: a collection of conference materials / edited by N.L. Bondarenko*. Минск; 2021. (In Russ.)
13. Schennikova L.V. [Invalid transactions: legislation, law enforcement, social effect]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2022;(8):27–35. (In Russ.)

14. Щенникова Л.В. Социализация как тенденция развития права и ее отражение в современной судебно-арбитражной практике. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(3):68–76.

15. Murray Raff. The importance of reforming civil law in formerly socialist legal systems. *International Comparative Jurisprudence*. 2015;(1):24–32. DOI: 10.1016/j.icj.2015.10.007

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коломиец Наталья Николаевна*

преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Слесарев Владимир Львович

начальник отдела договорного права ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заместитель Председателя ВАС РФ в отставке

14. Schennikova L.V. [Socialization as a trend in the development of law and its reflection in modern judicial and arbitration practice]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(3):68–76. (In Russ.)]

15. Murray Raff. [The importance of reforming civil law in formerly socialist legal systems]. *International Comparative Jurisprudence*. 2015;(1):24–32. DOI:10.1016/j.icj.2015.10.007

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia N. Kolomiets*

Lecturer of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Vladimir L. Slesarev

Head of the Contract Law Department of the FGBNU "Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev", Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, retired

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-69-76>

ЭКСТРАОРДИНАРНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ ОШИБОЧНОГО ВЗЫСКАНИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ. НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Потапенко Н.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко Н.С. Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве. Новеллы законодательства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):69–76. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-69-76>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 428-40-96

E-mail: ns.potapenko@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

Статья принята к печати: 06.06.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целью* работы является анализ новелл законодательства в сфере экстраординарного обжалования ошибочного взыскания при банкротстве. *Задачи* исследования включают рассмотрение изменений в законодательстве о банкротстве, определение круга субъектов, наделенных правом на экстраординарное обжалование, изучение особенностей восстановления срока обжалования и оценку эффективности данного института как инструмента защиты прав кредиторов.

В настоящее время наблюдается возрастание значимости механизмов защиты прав участников процедуры банкротства, что обусловлено сложностью и многогранностью банкротных дел. Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ¹ были внесены существенные изменения в законодательство о банкротстве, законодательно закрепившие институт экстраординарного обжалования.

Принципиальный *вывод* статьи состоит в том, что экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве является эффективным инструментом защиты прав кредиторов и обеспечения стабильности гражданского оборота. Автором доказывается, что данный механизм позволяет исключить фиктивную задолженность из реестра требований кредиторов и предотвратить девальвацию их обязательственных требований.

Ключевые слова: банкротство, экстраординарное обжалование, судебный акт, кредитор, должник, арбитражный управляющий, реестр требований кредиторов, гражданский оборот.

EXTRAORDINARY APPEAL OF AN ERRONEOUS RECOVERY IN BANKRUPTCY. NOVELTIES OF LEGISLATION

Nikolay S. Potapenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 23 (часть I). Ст. 3045.

Link for citation: Potapenko N.S. Extraordinary Appeal of Erroneous recovery in bankruptcy. Novelties of legislation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):69–76. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-69-76>

CONTACT INFORMATION:

Nikolay S. Potapenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 428-40-96

E-mail: ns.potapenko@gmail.com

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 07.05.2024

The article has been accepted for publication: 06.06.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The *purpose* of the work is to analyze the novelties of legislation in the field of extraordinary appeal of erroneous recovery in bankruptcy. The *objectives* of the study include reviewing changes in bankruptcy legislation, determining the range of subjects entitled to extraordinary appeal, studying the specifics of restoring the appeal period and evaluating the effectiveness of this institution as a tool for protecting creditors' rights.

Currently, there is an increasing importance of mechanisms for protecting the rights of participants in bankruptcy proceedings, due to the complexity and versatility of bankruptcy cases. Federal Law No. 107-FZ of 29.05.2024 introduced significant changes to the bankruptcy legislation, which legislated the institution of extraordinary appeal.

The principal *conclusion* of the article is that an extraordinary appeal against an erroneous recovery in bankruptcy is an effective tool for protecting creditors' rights and ensuring the stability of civil turnover. The author proves that this mechanism makes it possible to exclude fictitious debts from the register of creditors' claims and prevent the devaluation of their mandatory claims.

Keywords: bankruptcy, extraordinary appeal, judicial act, creditor, debtor, arbitration administrator, register of creditors' claims, civil turnover.

Введение

В условиях сложного и многогранного характера банкротных дел ошибки при вынесении судебных решений о взыскании задолженности могут иметь серьезные последствия для всех участников процедуры банкротства. В связи с этим особое значение приобретает институт экстраординарного обжалования, представляющий собой исключительный механизм пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве является важным правовым инструментом, призванным обеспечить защиту прав и законных интересов участников данной процедуры. Целью данного исследования является анализ новелл законодательства, касающихся экстраординарного обжалования судебных актов, на которых основаны заявленные в деле о банкротстве требования кредиторов, а также определение характера и особенностей данного института.

Методы исследования

В ходе исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, логический) и специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования

1) Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ были внесены существенные изменения в законодательство о банкротстве, в том числе законодательно закреплён институт экстраординарного обжалования. Это стало позитивным дополнением к законодательству о банкротстве и важным шагом в обеспечении баланса прав кредиторов и должника.

2) Право на экстраординарное обжалование предоставлено арбитражному управляющему и кредиторам, которые могут обратиться с заявлением об отмене судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование кредитора, по правилам пересмотра по вновь

открывшимся обстоятельствам. Такое обжалование отличается от установленного статьей 42 АПК РФ механизма и обусловлено необходимостью защиты прав лиц, не привлеченных к участию в деле, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом затрагиваются опосредованно.

3) В новой редакции Закона о банкротстве урегулирован вопрос о восстановлении срока обжалования судебного акта, на котором основано заявленное требование кредитора. Срок исчисляется с момента, когда указанные лица узнали или должны были узнать о нарушении их прав и законных интересов данным судебным актом.

4) Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве является эффективным инструментом защиты прав кредиторов и обеспечения стабильности гражданского оборота. Оно позволяет исключить фиктивную задолженность из реестра требований кредиторов и предотвратить девальвацию их обязательственных требований.

Научная дискуссия

Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания при банкротстве является важным правовым инструментом, призванным обеспечить защиту прав и законных интересов участников процедуры банкротства. В условиях сложного и многогранного характера банкротных дел, ошибки при вынесении судебных актов о взыскании задолженности могут иметь серьезные последствия для должника, кредиторов и иных лиц, вовлеченных в процесс.

С теоретической точки зрения, экстраординарное обжалование представляет собой исключительный механизм пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, который применяется в случаях, когда исчерпаны все иные способы обжалования. Данный институт базируется на принципах законности, обоснованности и справедливости судебных решений, а также на необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

Экстраординарное обжалование как правовое средство имеет процессуальный характер, который, с одной стороны, связан с правом лиц, участвующих в деле о банкротстве (конкурсные кредиторы, арбитражный управляющий), на обжалование судебного акта, устанавливающего требования к должнику в деле о банкротстве. С другой стороны, экстраординарное обжалование связано с пределами законной силы судебного акта, что наиболее полным образом прослеживается в рамках обособленного спора о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве, когда такое лицо вправе оспаривать судебные акты, которыми устанавливается размер субсидиарной ответственности [4, с. 277].

Функциональное значение экстраординарного обжалования сводится к тому, что заинтересованное лицо, ранее не участвовавшее в деле и не подлежащее привлечению к участию в нем, способствует исключению фиктивной задолженности из реестра, поскольку в ином случае обязательственные требования конкурсных кредиторов, включенные в реестр, значительным образом девальвировались, что привело бы к прямому нарушению имущественных прав таких кредиторов.

Как уже отмечалось, Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ законодательно закреплён институт экстраординарного обжалования судебных актов, на которых основаны заявленные в деле о банкротстве требования кредиторов.

Статья 16 Закона о банкротстве дополнена пунктом 12, предоставившим арбитражному управляющему и кредиторам право обратиться в установленном процессуальным законодательством порядке с заявлением об отмене судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование кредитора, по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Напомним, что статья 16 Закона о банкротстве посвящена включению требований кредиторов в реестр требований кредиторов должника и предусматривает возможность заявления возражений против требований кредиторов. В предыдущей редакции п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве содержал императивную норму, согласно которой разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, а заявления о таких разногласиях подлежат возвращению без рассмотрения, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ¹, приведенное положение, рассматриваемое в том числе во взаимосвязи с частью 2 статьи 69 АПК Российской Федерации, закрепляющей преюдициальное значение обстоятельств, установленных вступившим в законную

¹ См. напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2467-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, при рассмотрении арбитражным судом другого дела с участием тех же лиц, конкретизирует общие положения арбитражного процессуального законодательства об обязательности вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов, служит гарантией обеспечения исполнения выносимых судом актов и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителя, указанные в жалобе.

Нередко так называемые «дружественные» кредиторы претендуют на включение их требований в реестр требований кредиторов на основании вступившего в законную силу судебного акта по спору, в котором должник занимал пассивную позицию либо вовсе признал иски требования. Как верно в этой связи отметили А.П. Кузнецов и В.Н. Хохлов, самым быстрым и распространенным способом создания фиктивной задолженности является получение судебного приказа в сговоре с недобросовестным должником, притом, что приказы не публикуются в открытом доступе, что позволяет скрыть информацию о наличии долга [3].

В связи с распространенностью таких ситуаций в принятое Пленумом ВАС РФ постановление от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»¹ был включен пункт 24 следующего содержания:

Если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт, при этом в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов. Копия такой жалобы направляется ее заявителем представителю собрания (комитета) кредиторов (при его наличии), который также извещается судом о рассмотрении жалобы. Все конкурсные кредиторы, требования которых заявлены в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы. Повторное обжалование названными лицами по тем же основаниям того же судебного акта не допускается.

Правовая природа такого обжалования, названного экстраординарным, обсуждалась учеными и практиками.

В частности, Д.А. Жестовская, рассматривая *«идею несуществования»* судебных актов для лиц, не участвовавших в рассмотрении дела, говорит в этой связи о закреплении модели общепроцессуального обжалования судебных актов, т.е. праве кредиторов подать жалобу на решение в порядке инстанционности [2, с. 133–165].

И. Приходько отмечал, что такой механизм защиты является аналогией с механизмом защиты третьих лиц, о чьих правах и обязанностях был принят судебный акт, который предусмотрен ст. 42 АПК РФ [6, с. 42–67].

Возражая против такой квалификации, И.М. Шевченко в качестве аргумента приводит такое последствие признания возражающего кредитора лицом, не привлеченным к участию в деле, о правах и обязанностях которого принят судебный акт, как автоматическая отмена судебного акта, являющегося фактически законным и обоснованным [7, с. 144–155].

Считаем такой подход справедливым, поскольку в рассматриваемом случае судебный акт затрагивает права и законные интересы других лиц не непосредственно, а косвенно, не указывая о них напрямую, поэтому его обжалование происходит не по правилам статьи 42 АПК РФ (указанная правовая позиция изложена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2016 г. по делу № 309-ЭС16-7158).

Такое экстраординарное обжалование ошибочного взыскания отличается от установленного статьей 42 АПК РФ механизма и обусловлено необходимостью обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом затрагиваются опосредованно (косвенно). Оно применимо только к случаю обжалования судебного акта о взыскании долга, объективно противопоставляемого заявителю жалобы в деле о банкротстве должника, снижающего долю удовлетворения его требований.

¹ Вестник ВАС РФ. № 8. 2012, авг.

Таким образом, право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора, является правовым механизмом, обеспечивающим право на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются. Данный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в целях наиболее полной его реализации и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору (пункт 37 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г.)¹.

Обратим внимание, что в пункте 12, включенном в новую редакцию статьи 16 Закона о банкротстве, законодатель прямо указал, что экстраординарное обжалование осуществляется по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам и предусмотренный процессуальным законодательством срок на подачу заявления об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам исчисляется с момента, когда указанные лица узнали или должны были узнать о нарушении их прав и законных интересов данным судебным актом.

Такое законодательное закрепление стало логичным продолжением подхода, выработанного судебной практикой и сформулированного в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-12643 по делу № А45-6961/2014. Судебной коллегией указано, что вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке пункта 24 Постановления № 35 и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции. Реализация права на обжалование судебного акта в порядке пункта 24 постановления № 35 с представлением новых доказательств должна осуществляться в специальном порядке, а именно, с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 36 (в настоящий момент абзац 5 пункта 25 постановления № 12)².

В п. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г., указано, что заявление конкурсного кредитора об обжаловании судебного акта в порядке, предусмотренном п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», не является тождественным заявлению о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке гл. 37 АПК РФ, а также отличается от порядка, закрепленного в ст. 42 АПК РФ.

В отличие от названных двух порядков экстраординарное обжалование ошибочного взыскания предполагает, что с заявлением обращается лицо (кредитор или арбитражный управляющий в интересах кредиторов), не участвовавшее в деле, которое и не подлежало привлечению к участию в нем, но которому судебный акт о взыскании долга объективно противопоставляется в деле о банкротстве ответчика (должника). При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии (часть 5 статьи 3 АПК РФ) применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не умаляют правовую природу экстраординарного порядка и не препятствуют представлению новых доказательств.

Фактически в данной ситуации можно говорить о появлении самостоятельной категории субъектов, обладающих правом на обжалование судебных актов в арбитражном процессе [1, с. 38-49].

При этом, как справедливо отмечает Р.Т. Мифтахутдинов, принцип недопустимости повторения процесса (*res judicata*) не нарушается, так как отсутствует идентичность стороны спора: должник не участвует повторно в процессе, на его место встает новый субъект - конкурсная масса и связанная с ней общность интересов кредиторов [5, с. 104-125].

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2018 (начало), янв.; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2018 (продолжение), фев.; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2018 (окончание), март.

² Российская газета. № 156. 2020, июль.

Отметим, что в судебной практике неоднократно уделялось внимание особому статусу арбитражного управляющего, действующего от имени должника.

Например, при оспаривании сделки в деле о банкротстве материально-правовые интересы группы кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам выгодоприобретателей по сделке. Действуя от имени должника (его конкурсной массы) в силу полномочия, основанного на законе (п. 1, 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве), инициатор обособленного спора, по существу, выступает в роли представителя должника, а косвенно - группы его кредиторов. Соответствующая правовая позиция содержится в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2021 г. № 305-ЭС16-19742(6) по делу № А40-150393/2014 (п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г.)¹.

Аналогичный подход применяется и к обособленным спорам о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве. Такое требование представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства. Соответствующий подход нашел свое подтверждение в пунктах 2, 6, 15, 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»². В основе этого подхода лежит генеральная идея о том, что конечная цель предъявления соответствующего требования заключается в необходимости возместить вред, причиненный кредиторам.

В развитие этого новая редакция рассматриваемых нами положений статьи 16 Закона о банкротстве позволяет сделать вывод о продолжающемся расширении полномочий кредиторов должника, в том числе потенциальных, чьи требования ещё даже не заявлены в деле о банкротстве.

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 г.³, статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений (в том числе право на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование), возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

В новой редакции пункта 10 статьи 16 Закона о банкротстве прямо указано, что кредиторы, предъявившие свои требования к должнику в порядке, установленном статьями 71 и 100 настоящего Федерального закона, приобретают статус лиц, участвующих в деле о банкротстве, в том числе право на заявление возражений относительно требований других кредиторов.

Наряду с этим в абзаце третьем пункта 10 статьи 16 Закона о банкротстве указано, что возражения относительно требований кредиторов также могут быть заявлены лицом, не имеющим объективной возможности предъявить требования к должнику (в том числе в силу процессуальных или процедурных особенностей возникновения (подтверждения) требований), но обосновавшим вероятность их предъявления в будущем.

Логика построения приведенных правовых норм с учетом приведенной выше правовой позиции, изложенной в пункте 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), позволяет допустить, что к субъектам, наделенным правом на экстраординарное обжалование, следует относить арбитражного управляющего, кредиторов, предъявивших в установленном порядке свои требования к должнику, а также лиц, указанных в абзаце третьем пункта 10 статьи 16 Закона о банкротстве.

Однако такие лица в абзаце первом пункта 12 названной статьи не указаны, несмотря на то, что абзац пятый наделяет всех лиц, указанных в пункте 10 этой статьи правом принять участие в рассмотрении заявления об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы, которые не представлялись и не заявлялись при первоначальном рассмотрении дела.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2021, окт.

² Российская газета. № 297. 2017, дек.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2020, окт.

Также к числу лиц, наделенных правом экстраординарного обжалования ошибочного взыскания, здесь не отнесены контролирующие должника лица, права которых при определенных условиях также затрагиваются судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование кредитора.

Одним из существенных вопросов экстраординарного обжалования ошибочного взыскания являлся вопрос о восстановлении срока обжалования судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование кредитора.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2020 г. № 305-ЭС18-5193(3) по делу № А41-35652/2017 была высказана следующая правовая позиция.

При решении вопроса о том, не пропущен ли кредитором процессуальный срок на подачу заявления об экстраординарном обжаловании ошибочного взыскания, необходимо принимать во внимание не только момент возникновения у него процессуальных прав на обращение с таким заявлением, но и момент, когда он узнал об обстоятельствах, ставящих под сомнение правомерность взыскания долга с банкрота, то есть указывающих на наличие судебной ошибки. Соответственно, подобный срок начинает исчисляться только тогда, когда имеют место оба названных условия одновременно: 1) появление процессуального права на подачу заявления по пункту 24 постановления № 35 и 2) наличие у кредитора сведений о судебной ошибке.

В новой редакции Закона о банкротстве этот вопрос урегулирован в абзаце втором пункта 12 статьи 16, где указано что предусмотренный процессуальным законодательством срок на подачу заявления об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам исчисляется с момента, когда указанные лица узнали или должны были узнать о нарушении их прав и законных интересов данным судебным актом.

Таким образом, разъяснения ВС РФ по данному вопросу сохраняют актуальность.

В заключение отметим, что законодательное закрепление возможности экстраординарного обжалования ошибочного взыскания при банкротстве должника, урегулировавшее ряд процессуальных особенностей такого обжалования, безусловно является позитивным дополнением законодательства о банкротстве и значимым вкладом в процесс обеспечения соблюдения баланса прав кредиторов и должника.

Список использованной литературы:

1. Брановицкий К.Л., Сердитова Е.Н. О появлении новой категории субъектов в арбитражном процессе, обладающих правом на обжалование судебных актов при наличии производства о несостоятельности (банкротстве) должника. *Вестник ФАС Уральского округа*. 2013;(2):38–49.
2. Жестовская Д.А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения». *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2022;(1):133–165.
3. Кузнецов А.П., Хохлов В.Н. Упрощенная процедура банкротства как механизм уклонения от возврата долгов. *Банковское право*. 2015;(6):32–38.
4. Макейчук А.К. Экстраординарное обжалование в деле о банкротстве как способ противодействия необоснованным требованиям кредиторов. *Право и государство: теория и практика*. 2023;8(224):277–281.
5. Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018;(4):104–125.
6. Приходько И. Оспаривание требований кредитора, подтвержденных судебным приказом, иными кредиторами должника, вставшего в банкротство, в

References:

1. Branovitsky K.L., Serditova E.N. [On the emergence of a new category of subjects in the arbitration process who have the right to appeal judicial acts in the presence of insolvency (bankruptcy) proceedings of the debtor]. *Bulletin of the Federal Antimonopoly Service of the Ural District*. 2013;(2):38–49. (In Russ.)]
2. Gestivovskaya D.A. [The opposability of judicial acts in bankruptcy: towards a unified model of «Paulian refutation»]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2022;(1):133–165. (In Russ.)]
3. Kuznetsov A.P., Khokhlov V.N. [Simplified bankruptcy procedure as a mechanism for avoiding debt repayment]. *Banking law*. 2015;(6):32–38. (In Russ.)]
4. Makeychuk A.K. [Extraordinary appeal in a bankruptcy case as a way to counter unreasonable claims of creditors]. *Law and the State: theory and practice*. 2023;8(224):277–281. (In Russ.)]
5. Miftakhutdinov R.T. [Limited relativity of a judicial act in bankruptcy: how can bona fide creditors protect themselves from an unreasonable claim confirmed by a judicial act]. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;(4):104–125. (In Russ.)]
6. Prikhodko I. [Challenging the creditor's claims, confirmed by a court order, by other creditors of the debtor who has fallen into bankruptcy, in the context of

контексте последних изменений АПК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62. *Хозяйство и право*. 2017;(3):42–67.

7. Шевченко И.М. О понятии «единообразия судебной практики» (на примере дел о банкротстве). *Российский юридический журнал*. 2022;(6):144–155.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Николай Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Author ID: 1231947

the latest amendments to the Agro-industrial Complex of the Russian Federation and clarifications given in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 № 62]. *Economy and law*. 2017;(3):42–67. (In Russ.)]

7. Shevchenko I.M. [On the concept of «uniformity of judicial practice» (on the example of bankruptcy cases)]. *Russian Law Journal*. 2022;(6):144–155. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Potapenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Author ID: 1231947

ГРУППА РАБОТНИКОВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тишкович К.С.

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
(пр. Мира, д. 55-А, г. Омск, Россия, 644077)

Ссылка для цитирования: Тишкович К.С. Группа работников как самостоятельный субъект трудовых отношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):77–84. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-77-84>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Тишкович Ксения Сергеевна, старший преподаватель кафедры трудового и социального права ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Адрес: пр. Мира, д. 55-А, г. Омск, Россия, 644077

Тел.: +7 (906) 992-35-26

E-mail: tishkovichks@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 13.05.2024

Статья принята к печати: 11.06.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: В действующем трудовом законодательстве практически отсутствуют нормы, регулирующие отношения с производственными групповыми объединениями работников. Однако объединение работников в группы, обусловленное общностью социально-трудовых интересов, широко распространенное в советский период, не утратило актуальности и сегодня, напротив, в современных условиях отмечается тенденция усиления коллективных начал в процессе производственной деятельности.

Цель исследования: определение места группы работников в системе современных субъектов трудового права.

Задачи: исследование групп работников как субъектов трудового права в России и за рубежом, исследование форм, которые принимают группы работников в традиционных и нетипичных трудовых отношениях, определение статуса современных производственных групп, внесение предложений по совершенствованию трудового законодательства в части правового регулирования трудовых отношений с группами работников.

В процессе работы были использованы такие *методы* исследования, как метод научного анализа, а также формально-логический, системно-структурный, технико-юридический методы и сравнительный методы.

Результаты: анализ отдельных нетипичных форм занятости (различных форм совместного труда и временного управления), а также анализ новых подходов к управлению несамостоятельным трудом приводит к выводу об актуализации вопроса регламентации правового статуса групповых производственных объединений работников. Автором отмечается сходство структуры и порядка организации таких субъектов с групповыми формами производственной деятельности, известными советскому законодательству.

Выводы. Делается вывод о необходимости легального определения групп работников как субъектов трудового законодательства, определения места таких субъектов в системе субъектов трудовых правоотношений, а также регламентации как внутригрупповых связей, так и внешних связей группы, в том числе с работодателем.

Ключевые слова: трудовой коллектив, группа работников, коллективные субъекты трудовых правоотношений, нетипичные формы занятости, совместная работа, временное управление, проектные группы.

GROUP OF EMPLOYEES AS AN INDEPENDENT SUBJECT OF LABOR RELATIONS

Kseniya S. Tishkovich

FGAOU VO "Dostoevsky Omsk State University"
(Mira pr., 55a, Omsk, Russia, 644077)

Link for citation: Tishkovich K.S. Group of employees as an independent subject of labor relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):77–84. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-77-84>

CONTACT INFORMATION:

Kseniya S. Tishkovich, Senior Lecturer of the Department of Labor and Social Law of the FGAOU VO "Dostoevsky Omsk State University"

Address: Mira pr., 55a, Omsk, Russia, 644077

Tel.: +7 (906) 992-35-26

E-mail: tishkovichks@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 13.05.2024

The article has been accepted for publication: 11.06.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: In the current labor legislation practically there are no rules governing relations with industrial groups of employees. However, the association of workers into groups, due to the common social and labor interests, widespread during the Soviet period, has not lost its relevance even today, on the contrary, in modern conditions there is a tendency to strengthen collective beginnings in the process of production activities.

The purpose of the study: determining the place of a group of workers in the system of modern subjects of labour law.

Tasks: to study groups of workers as subjects of labor law in Russia and abroad, to study forms that accept groups of workers in traditional and atypical labor relations, to determine the status of modern industrial groups, proposals to improve labour legislation with regard to the legal regulation of labour relations with groups of workers.

In the process of work such research *methods* as the method of scientific analysis, as well as formal-logical, system-structural, technical-legal methods and comparative methods were used.

Results: analysis of selected atypical forms of employment (various forms of joint work and temporary management) as well as the analysis of new approaches to the management of independent work leads to the conclusion that the issue of regulation of the legal status of groups of production associations of employees is being updated. The author notes the similarity of the structure and organization of such entities with the group forms of production activities known to Soviet legislation.

Conclusions. It is concluded that it is necessary to legally define groups of workers as subjects of labor legislation, to determine the place of such subjects in the system of subjects of labor relations, as well as to regulate both intra-group and external relations of the group, including the employer.

Keywords: labor collective, group of workers, collective subjects of labor legal relations, atypical forms of employment, joint work, temporary management, project groups.

Введение

Коллектив в словарном определении означает группу людей, объединенных общими делами, общей работой. Вместе с тем теория трудового права наделяет понятие «трудовой коллектив» значительно более глубоким содержанием. Будучи обстоятельно исследованным советскими

учеными трудовой коллектив как законодательное понятие фактически недобровольно прекратил свое существование в начале 90-х годов. В.Н. Скобелкин писал об этом: «С легкой руки законотворцев понятие трудовой коллектив стало заменяться неопределенным термином «работники» <...> Все эти новации и умолчания выглядят несколько странно: коллективы-то ведь существуют и порой заявляют о себе решительно и громко» [6, с. 180]. Действительно, как явление трудовой коллектив существования своего не прекратил и в доктрине трудового права в настоящее время упоминается по-прежнему. В отдельных законах и подзаконных актах также можно увидеть упоминания этого термина, как и в отраслевых соглашениях, постановлениях Конституционного Суда РФ, не говоря уже о судебной практике в целом.

Для трудового коллектива как субъекта характерно наличие ключевых признаков, в том числе следующих: трудовой коллектив – это всегда некая группа лиц, объединенных между собой по принципу совместного труда у одного работодателя; объединение обусловлено общностью социально-трудового интереса; объединение носит упорядоченный характер, ему свойственна структура или иначе – «организационно оформленное единство с общими органами управления и установленной дисциплиной труда»¹. Однако если о трудовом коллективе предприятия, учреждения, организации как субъекте коллективного трудового права и, вместе с тем, как о носителе коллективно-трудовых прав научные исследования ведутся и сегодня, то вопрос правового и субъектного состава коллективов производственных единиц более низкого уровня, а также иных групп лиц, объединенных в тех или иных трудовых правоотношениях обсуждается скорее в контексте управления персоналом как части экономической науки, чем в контексте организации труда и управления трудом как задачи трудового законодательства.

Методы исследования

Исследование проведено с использованием метода научного анализа, а также формально-логического, системно-структурного, технико-юридического и сравнительного методов.

Результаты исследования

Проведенное исследование в первую очередь обнаружило необходимость возвращения фокуса внимания к производственным группам разных уровней и определения их правового статуса, а также регламентации рамок внутрикомандных отношений. Видится возможным, как минимум, дать определение групповым субъектам. Так, например, под такими субъектами можно понимать первичное постоянное или временное объединение работников, численностью два и более человека, объединенных совместным трудом у одного работодателя, выполняющих совместно и согласованно общие однородные или разнородные трудовые задачи и, как правило, несущих совместную ответственность за количественные и качественные результаты коллективного труда. Следовало бы и разрешить вопрос о порядке образования таких субъектов, а также о включении в них новых работников. В первую очередь определить источник регулирования внутрикомандных отношений и отношений с работодателем (это может быть как локальный акт, принимаемый с разной степенью участия представительного органа работников, так и соглашение участников). Так, например, возможно, оставив этот вопрос на усмотрение членов коллектива, определить, что по общему правилу формирование группы происходит с учетом мнения других членов группы, однако локальным нормативным актом о групповых субъектах может быть предусмотрено зачисление в группу с согласия других членов. Немаловажным с точки зрения определения порядка осуществления работы в группах является решение вопроса об учреждении и полномочиях органов управления группой. Кроме того, необходимо определиться с порядком разграничения ответственности и разделения обязанностей, предусмотреть специфику организации рабочего времени и времени отдыха, в том числе нюансы простоя, сверхурочной работы и утверждения графика отпусков, учесть особенности охраны труда, если таковые ввиду специфики групповой задачи присутствуют. Широкое распространение групповой работы с немалой долей вероятности может оказать дальнейшее влияние и на осуществление коллективных трудовых прав. Представляется, что легальное признание и определение статуса таких субъектов способно повлиять и на большую вовлеченность трудового коллектива в реализацию форм социального партнерства.

Научная дискуссия

Группы работников как самостоятельные субъекты в советском трудовом праве.

---

¹ Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут, 2006. С. 203.

Вместе с тем советская теория трудового права также рассматривала в качестве самостоятельных субъектов и другие групповые образования. О групповых трудовых договорах писал и В.Н. Скобелкин, подчеркивая, что даже в случае подписания договора с каждым членом бригады «избежать признания бригады стороной трудового договора невозможно» [6, с. 172–174].

Отдельного внимания заслуживает и такой субъект как «трудовая артель». Е.Б. Хохлов в своем исследовании отмечает, что «самые старые нормы российского законодательства о трудовых артелях, действовавшие тем не менее вплоть до 1917 г., датируются второй половиной XVIII в.» [7, с. 231]. Возможность заключения артельных договоров прямо предусматривалась КЗоТ 1922 г. В соответствии со ст. 33 которого трудовые отношения возникали с каждым членом артели в отдельности. Однако статьей 35 КЗоТ было также предусмотрено, что артель сама распределяла работу между своими членами, допуская возможность замены одних членов другими.

Известны и гибридные формы объединений в процессе реализации права на труд, предполагавшие значительную степень экономической самостоятельности бригад, например, арендный подряд. Как вид организации внутрихозяйственной деятельности арендный подряд не вполне вписывался в гражданско-правовую структуру, в большей степени являясь специфической формой организации производственных и трудовых отношений. В соответствии с «Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде» (утв. ВС СССР 23 ноября 1989 г. № 810–1) арендным коллективам государственного предприятия было предоставлено право самостоятельного решения ключевых вопросов трудовых отношений, в том числе в части определения формы и системы оплаты труда, распорядка рабочего дня, графика работы, учета рабочего времени, порядка зачисления новых работников. Вместе с тем за предприятием оставались расчеты с бюджетом, банком и вышестоящим органом по результатам деятельности предприятия, планирование основной номенклатуры и объема производства продукции, осуществление единой технической политики, перевооружение и реконструкция. Впрочем, некоторые элементы организационной самостоятельности не позволили бы безусловно определить арендный коллектив как субъект трудового права. Так, абз. 5 ст. 30 Основ была предусмотрена возможность предоставления такому коллективу права заключать хозяйственные договоры от имени предприятия, открывать банковские счета. При этом арендный коллектив нес ответственность по договорам закрепленным за ним имуществом, а при его недостаточности ответственность по обязательствам возлагалась на предприятие.

Действующее трудовое законодательство хотя и не предполагает возможности заключения групповых трудовых договоров, вместе с тем все еще содержит понятие «бригада». В качестве оснований для наступления бригадной ответственности ТК РФ в ст. 245 предусматривает ряд условий: совместное выполнение отдельных видов работ, связь этих работ с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой, применением или иным использованием ценностей, невозможность разграничения ответственности каждого работника и заключения с ним договора о возмещении ущерба в полном размере. Бригада, исходя из этих условий, не любая группа лиц, а лишь такая группа, которая связана общими трудовыми обязанностями и обладает единством, не позволяющим работникам в определенных аспектах трудовых отношений индивидуализироваться. Однако и в случае коллективной (бригадной) ответственности целостность коллективного субъекта в значительной степени условна, поскольку при успешном доказывании отсутствия вины член бригады освобождается от материальной ответственности, а при взыскании в судебном порядке ущерба судом определяется степень вины также индивидуально для каждого члена бригады. Вместе с тем концепция наделения такого образования статусом субъекта трудового права, как минимум, носит дискуссионный характер¹. Фактически ни вертикальные, ни горизонтальные связи законом не определены, взаимодействие производственных групп с иными субъектами, как и внутреннее взаимодействие членов группы между собой также не регламентировано. Даже в части коллективной бригадной ответственности имеющихся в действующем законодательстве норм явно недостаточно для всестороннего правового регулирования деятельности такого коллективного образования. Конкретизация правового статуса бригады и порядка взаимодействия ее членов хотя и возможна посредством включения необходимых условий в договор о коллективной (бригадной) ответственности, все же оставляет открытым вопрос о том, чем должны руководствоваться стороны,

¹ Миронов В.И. Трудовое право России: учебник. М.: Журнал «Управление персоналом», 2005. С. 121; Лебедев В.М., Воронкова Е.Р., Мельникова В.Г. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма). Книга первая / под ред. В.М. Лебедева. М.: Статут, 2007. С. 184.

не прибегнувшие к таким подробным уточнениям. На практике это может привести и к отказу в удовлетворении требований работодателя о привлечении бригады работников к коллективной материальной ответственности. Так, Верховный Суд РФ отменяя нижестоящее судебное постановление указал на невозможность удовлетворения требований работодателя в частности и потому, что в договоре о коллективной (бригадной) ответственности не содержится уточнения о том, что из его текста невозможно точно установить, кто и когда из работников включался в состав бригады и исключался из него, отсутствует в нем и мнение коллектива относительно принятия решения о включении в состав бригады новых работников, не уточняется как принималось, хранилось и передавалось имущество, а также каким способом должен был быть выявлен материальный ущерб, особенности распределения ответственности между членами и порядок определения степени вины участников не конкретизирован, способы погашения возникших обязательств, а также срок действия договора не уточнен¹. Примечательно, что в типовой форме договора о полной коллективной (бригадной) ответственности, на необходимость соответствия которой ссылается в своем определении Верховный Суд РФ, большая часть указанных условий так же не упоминается². Для целей восполнения пробелов и установления правовой определенности следовало бы или внести соответствующие изменения в Трудовой кодекс РФ, или, во всяком случае, дополнить содержание типового договора.

В отличие от ранее действовавшего советского законодательства в действующем ТК РФ практически не осталось и следа от механизма правового регулирования внутригрупповых производственных отношений. Впрочем, значительное число подзаконных актов содержит упоминание о работе в бригадах в самых разных сферах применения труда: локомотивные бригады, бригады скорой помощи, ремонтные и строительные бригады, хлебобулочные бригады и т.п. Локально по видам субъектов и крайне избирательно по сфере такое правовое регулирование осуществляется как в нормативно-правовых, так и в корпоративных актах. Так, например, в Распоряжении ОАО «РЖД» «Об утверждении и введении в действие Правил эксплуатации специального железнодорожного подвижного состава на инфраструктуре ОАО «РЖД»» содержатся требования к порядку формирования бригад и указывается в том числе на то, что «персональный состав бригады СПС для совместной работы комплектуется с учетом деловых и моральных качеств работников бригады»³. Вместе с тем, статус бригады (равно как и иных первичных производственных коллективов) как субъекта формально остается неопределенным. Представляется и на сегодняшний день актуальным определение бригады как субъекта именно организационно-управленческих отношений, входящих в предмет трудового права [8, с. 26].

В.М. Лебедев, отмечая отсутствие определенности в регламентации правового статуса первичных производственных коллективов и в рамках действующего ТК РФ, тем не менее находит «основание для постановки вопроса о том, что при заключении срочного трудового договора для проведения работ, выходящих за рамки обычной деятельности организации (реконструкция, монтажные, пусконаладочные и другие работы), трудовой договор может быть заключен с соответствующим коллективом, который в переговорах с работодателем будет представлять его руководитель (бригадир, звеньевой и т.п.)» [5, с. 177]. Представляется верным, кроме того, рассмотреть такую возможность и для коллективов другого рода, например, творческих или научных. С учетом того, что и на сегодняшний день бригадный способ выполнения значительного количества работ широко распространен, необходимость достижения правовой определенности в этом вопросе сохраняется.

Группы работников как самостоятельные субъекты в контексте трансформации трудовых отношений.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.08.2018 по делу № 5-КГ18-161 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности: Постановление Минтруда РФ от 31.12.2002 № 85 // Российская газета. 2003. 08 фев.

³ Об утверждении и введении в действие Правил эксплуатации специального железнодорожного подвижного состава на инфраструктуре ОАО «РЖД»: Распоряжение ОАО «РЖД» от 26.12.2016 № 2676р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Однако в настоящее время вопрос наделения особым статусом, правами, обязанностями первичных производственных коллективов вновь актуализировался в связи с распространением нетипичных форм занятости и предстал в новом контексте.

Практике некоторых зарубежных стран известно понятие групповых контрактов как единого договора, заключаемого с командой или проектной группой, объединенной руководителем, от имени которого подписывается указанный контракт. Так, в Турции законодательство о труде позволяет заключить трудовой договор с командой работников при условии предварительного формирования такой команды под началом руководителя. Заключение такого договора не обязывает участников группы к совместной реализации всех трудовых прав. Закон о труде позволяет осуществление индивидуальной защиты трудовых прав каждым работником. Такая организационная форма напоминает уже известную концепцию групповых трудовых договоров, однако в контексте нетипичной занятости выделяются договоры и несколько иного рода.

Например, в законодательстве Венгрии предусмотрена специфическая форма трудового договора с несколькими работниками в рамках одной должностной позиции. В случае невозможности поручения работы одному работнику, обязанность ее выполнения переходит к другому члену группы. График работы гибкий, заработная плата, если иное не предусмотрено соглашением членов группы, распределяется в равных долях между членами группы. Прекращаются групповые отношения тогда, когда численность группы уменьшается до одного работника. В упомянутом случае речь не идет о некоей проектной группе (например, команде разработчиков с распределенными ролями, внутригрупповым руководством или элементами самоуправления – *scrum team*), а, скорее, о частичной занятости. Такая форма чаще всего в зарубежных исследованиях упоминается как *job share* или *work share*. При этом первое понятие предполагает трудовые отношения, в которых отношения складываются между работодателем и несколькими работниками, работающими совместно на одной должности, выполняющими одну трудовую функцию. Продолжительность же рабочего времени каждого работника такой группы является неполной, при сложении образующей полную продолжительность рабочего времени для одного работника. Такие соглашения носят не вынужденный, но добровольный характер и обусловлены самыми разными причинами. Так, в одном из зарубежных исследований упоминается о том, что такая форма занятости является предпочтительной для женщин, совмещающих семейные обязанности и работу. Сокращенная рабочая неделя в таком случае, по мнению исследователей, является определяющим фактором для удержания и продвижения на руководящие должности¹. По данным проведенных опросов наиболее предпочтительным вариантом является работа в течение трех дней.

Второе понятие упоминается как обусловленное необходимостью распределения общего объема работы среди большего числа работников во избежание сокращения (в действующем ТК РФ практически аналогичная концепция изложена в ч. 5 ст. 74)². При этом, как правило, сокращение продолжительности рабочего дня сопровождается пропорциональным (или непропорциональным) сокращением заработной платы. Причинами введения *work sharing* чаще всего является либо намерение работодателя распределить резко сокращающийся объем работы между имеющимися работниками во избежание сокращения численности, либо мера государственной политики в сфере занятости, направленная на корректировку средней продолжительности рабочего времени с целью оказания влияния на уровень занятости населения.

Несмотря на сходство с неполным рабочим временем в целом ряде европейских стран, в том числе в Венгрии, Италии, Великобритании, Словакии и Словении делается различие между частичной занятостью и совместной работой³. Кроме того, *job sharing* предполагает какое-то взаимодействие между субъектами разделенного труда, в том числе в части определения объема

¹ Daniels L. Job sharing at senior level: a guide for individuals. Based on the findings from The Job Share Study. – London The Job Share Project. Capability Jane. 2011:8 [сайт]. Cjtalent; 2018 [обновлено 22 апреля 2018; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://internationalwim.org/wp-content/uploads/2020/10/JOB-SHARING-A-GUIDE-FOR-INDIVIDUALS.pdf>.

² Messenger J.C., Ghosheh N. Work sharing during the great recession: New developments and beyond. Executive summary. – Geneva. International Labour Organization (ILO). 2013:2 [сайт]. International Labour Organization (ILO) [обновлено 29 апреля 2024; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: https://www.ilo.org/global/publications/ilo-bookstore/order-online/books/WCMS_187627/lang--en/index.htm.

³ Mandl I., Curtarelli M., Riso S. et al. New forms of employment. – Luxembourg. Eurofound. 2015:31 [сайт]. Eurofound; 2018 [обновлено 29 апреля 2024; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2015/new-forms-employment>.

разделяемого времени и разделяемой работы. В настоящее время российское законодательство возможности для такого регулирования не оставляет – именно работодателем по своему усмотрению и в пределах индивидуальных трудовых связей определяется и количество поручаемой работы, и порядок ее выполнения.

Еще одним нетипичным видом занятости, предполагающим объединение в группы, является временное управление (*interim management*)¹. Как правило, под временным управлением понимается антикризисное управление в период экономической неустойчивости организации, когда группа лиц, обладающих соответствующими компетенциями, в заранее оговоренный срок осуществляет меры, направленные на преодоление кризиса компании. Приведенное определение весьма близко к определению внешнего управления, приведенному в абз. 15 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Но вместе с тем не в полной мере исчерпывает функции такой группы. Так, некоторое время назад получило распространение понятие траблшутинга, определяемого как деятельность по экстренному разрешению проблем компании самого разного профиля. Практически же речь идет не о универсальном специалисте-менеджере, а о команде профессионалов, имеющих компетенции в самых разных областях: юриспруденции, маркетинге, в сфере информационных технологий, экономике, робототехнике, машиностроении и прочее. Поводов обращения к таким командам может быть много, например, введение новой производственной линии, решение частных технических задач, минимизация профессиональных рисков. С учетом специфики работы такой команды: временного их участия в производственной деятельности организации, специфических функций (реализация антикризисных мер), внутренней организации команды, интеграции такой команды в трудовой коллектив в той или иной мере, или во всяком случае – получении определенного места в иерархической структуре организации, логично возникает вопрос о правовом статусе «коллектива в коллективе».

И, наконец, изменения, происходящие в сфере управления самостоятельным трудом, кадрового менеджмента и менеджмента организации, вынуждают обратить внимание на возрастающий потенциал новых способов построения управленческих связей в организации. В экономической научной публицистике упомянутые подходы упоминаются как новая парадигма управления [1; 4]. Как правило, экономисты имеют в виду отказ от модели управления, в основе которой лежат принципы строгой иерархии, планирования, стандартизации и контроля. Новая концепция, напротив, исходит из приоритета стратегической гибкости, отказывается от жесткого контроля и на первый план выводит идею саморганизации и саморазвития. В период пандемии самостоятельная организация трудового процесса фактически была протестирована на подавляющем большинстве работников и, представляется, вполне успешно. М.А. Драчук справедливо отмечает, что «в динамике трудовых отношений произошел качественный рывок, который, в свою очередь, требует пересмотра традиционных признаков трудовых отношений» [3, с. 32]. Впрочем, не только индивидуальная самоорганизация, но даже в первую очередь, самоорганизация групповая показала себя как перспективное направление развития управления трудом. Будущее гибкого управленческого подхода чаще всего находят именно в командной работе, в том числе в рамках проектной работы в реальных или виртуальных командах. Развитие в области цифровых технологий и диджитализация бизнес-процессов также часто видится через использование «новых» приемов организации труда, в том числе посредством внедрения agile-принципов, воплощенных все в той же групповой работе. В итоге «прежняя конкретность, связанная с наличием одного начальника и четко разграниченной сферы, постепенно уходит в прошлое» [2, с. 20]. Несмотря на новые наименования – «творческая группа», «команда лучшей практики», «новаторская команда» – это суть те же виды производственных объединений – звенья, бригады специализированные и комплексные.

Список использованной литературы:

1. Гагарина М.В. Смена парадигмы управления. Подходы к новому пониманию менеджмента, основанные на теории 2С-систем. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2015;(2):71–79.
2. Годунова Л.А. Творческий персонал в современной

References:

1. Gagarina M.V. [Change of the management paradigm. Approaches to a new understanding of management based on the theory of 2C systems]. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*. 2015;(2):71–79. (In Russ.)
2. Godunova L.A. [Creative staff in a modern

¹ Bruns J. and Kabst R. Interim management: A paradox for leadership research? *Management Review*. 2005;16(4):512–524 [сайт]. Nomos-elibrary; 2024 [обновлено 19 апреля 2018; процитировано 29 апреля 2024]. Доступно: https://web.archive.org/web/20180719085556id_/https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/0935-9915-2005-4-512.pdf.

организации. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2015;2(9):18–22.

3. Драчук М.А. Усиление начал самоорганизации в исполнении работниками трудовых обязанностей в период пандемии 2020 года. *За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы Шестой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 09–10 декабря 2020 г. / под общ. ред. Ю.В. Иванчиной, Е.А. Истоминой. Екатеринбург; 2021.*

4. Комаров С.В. Смена парадигмы менеджмента: саморазвивающиеся, самоорганизующиеся системы. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2013;(20):82–97.

5. Лебедев В.М. К вопросу о понятии и содержании трудового договора. *Российский ежегодник трудового права. Ежегодник трудового права: сборник научных статей*. 2006;(2):174–181.

6. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения: монография. М.: Вердикт-1; 1999.

7. Хохлов Е.Б. Забытое прошлое: правовое положение трудовой артели по отечественному законодательству. *Ежегодник трудового права: Сборник научных статей*. 2021;(11):229–245.

8. Хохлов Е.Б. Производственная бригада как субъект внутривозрастных отношений. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1989;(3):21–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тишкович Ксения Сергеевна

старший преподаватель кафедры трудового и социального права ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

organization]. *Economics and management: problems, solutions*. 2015;2(9):18–22. (In Russ.)]

3. Drachuk M.A. [Strengthening the principles of self-organization in the performance of work duties by employees during the 2020 pandemic]. *For the rights of workers! Protection of social and labor rights of workers in a changing world: opportunities and limitations: materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, December 09-10, 2020 / under the general editorship of Yu.V. Ivanchina, E.A. Istomina*. Yekaterinburg; 2021. (In Russ.)]

4. Komarov S.V. [Management paradigm shift: self-developing, self-organizing systems]. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*. 2013;(20):82–97. (In Russ.)]

5. Lebedev V.M. [On the question of the concept and content of an employment contract]. *Russian Yearbook of Labor Law. The Yearbook of Labor Law: a collection of scientific articles*. 2006;(2):174–181. (In Russ.)]

6. Skobelkin V.N. [Labor relations]. М.: Verdict-1; 1999. (In Russ.)]

7. Khokhlov E.B. [The forgotten past: the legal status of the labor artel under domestic legislation]. *The Yearbook of Labor Law: A collection of scientific articles*. 2021;(11):229–245. (In Russ.)]

8. Khokhlov E.B. [Production team as a subject of intra-economic relations]. *News of higher educational institutions. Law studies*. 1989;(3):21–29. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya S. Tishkovich

senior Lecturer at the Department of Labor and Social Law of the FGAOU VO "Dostoevsky Omsk State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-85-92>

О ПОНЯТИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ

Чаркин С.А.

АНО ВО «Волгоградский гуманитарный институт»
(25 лет Октября ул., д. 1, стр. 2, г. Волгоград, Россия, 400119)

Ссылка для цитирования: Чаркин С.А. О понятии и юридической природе ограничений права собственности на земельную недвижимость. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):85–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-85-92>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Чаркин Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса АНО ВО «Волгоградский гуманитарный институт»

Адрес: 25 лет Октября ул., д. 1, стр. 2, г. Волгоград, Россия, 400119

E-mail: charkin.sergey@icloud.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Статья принята к печати: 29.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Целью работы является исследование вопроса об определении ограничений права собственности на земельную недвижимость и месте данной доктринальной категории в системе цивилистических понятий. Основное внимание было уделено рассмотрению соотношения категорий ограничения, обременения и пределы права частной и публичной собственности на земельную недвижимость.

Задачи работы включают формулировку определения и выявление юридической природы ограничений права собственности на объекты земельной недвижимости. Обосновывается, что ограничения права собственности на земельную недвижимость – это совокупность установленных в федеральных законах запретов и дополнительных обязанностей граждан и юридических лиц, сужающих объем их правомочий по пользованию и/или распоряжению земельными участками для обеспечения публичных целей и интересов. Приводятся доказательства отличий ограничений от смежных правовых понятий, включая обременения и пределы права собственности на земельную недвижимость. Доказывается, что установление ограничений не влечет исключения какого-то правомочия собственника, однако его возможности по осуществлению пользования или распоряжения земельной недвижимостью уменьшаются (сужаются). Это может проявляться в запрете продажи земельного участка иностранцам, запрете на улучшение участка посредством мелиорации и т.д.

Ключевые слова: ограничения; обременения; пределы; право собственности.

ON THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF RESTRICTIONS ON OWNERSHIP OF LAND REAL ESTATE

Sergey A. Charkin

ANO VO "Volgograd Humanitarian Institute"
(25 years old October str, 1, building 2, Volgograd, Russia, 400119)

Link for citation: Charkin S.A. On the concept and legal nature of restrictions on ownership of land real estate. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):85–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-85-92>

CONTACT INFORMATION

Sergey A. Charkin, Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the ANO VO "Volgograd Humanitarian Institute"

Address: 25 years old October str., 1, building 2, Volgograd, Russia, 400119

E-mail: charkin.sergey@icloud.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.04.2024

The article has been accepted for publication: 29.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of the work is to study the issue of the concept of restrictions on ownership of land real estate and the place of this doctrinal category in the system of civil concepts. The main attention was paid to the consideration of the relationship between the categories of restrictions, encumbrances and the limits of the right of private and public ownership of land real estate.

The objectives of the work include the formulation of the definition and identification of the legal nature of restrictions on ownership of land real estate. It is substantiated that restrictions on the ownership of land real estate are a set of prohibitions established in federal laws and additional obligations of citizens and legal entities, narrowing the scope of their rights to use and/or dispose of land plots to ensure public goals and interests. The evidence of the differences between restrictions and related legal concepts, including encumbrances and limits of ownership of immovable land, is presented. It is proved that the establishment of restrictions does not entail the exclusion of any authority of the owner, but his ability to use or dispose of land real estate is decreasing (narrowing). This may manifest itself in a ban on the sale of land to foreigners or a ban on improving the site by means of land reclamation, etc.

Keywords: restrictions; encumbrances; limits; ownership.

Введение

Исследования ограничений права собственности (частной и публичной) на объекты недвижимости являются важнейшим направлением в цивилистической теории права собственности. Возникающие при этом правоотношения являются относительными (известны обе стороны правоотношения и четкий перечень их прав и обязанностей), в отличие от абсолютных правоотношений частной и публичной собственности на недвижимость (когда определена только одна сторона правоотношения – собственник, а у неопределенного круга лиц возникает обязанность не нарушать его субъективные гражданские права).

Методы исследования

Исследование базируется на диалектическом методе научного познания, позволяющем выявить динамику действия норм различной отраслевой принадлежности в механизме установления ограничений права собственности на земельную недвижимость. Наряду с этим, в статье использовались логический, формально-юридический методы, метод системного анализа.

Результаты исследования

Результатом исследования стало выявление понятия и юридической природы ограничений права собственности на объекты недвижимости. Рассмотрены сходства и отличия ограничений и обременений права собственности, ограничений и пределов (в том числе применительно к целевому назначению и разрешенному использованию земельных участков), высказаны предложения о внесении изменений и дополнений в гражданское и земельное законодательство РФ.

Научная дискуссия

В настоящий момент общепризнанного определения ограничений права собственности на земельную недвижимость не сложилось. А.П. Анисимов полагает, что ограничение прав на земельный участок – это установленное Конституцией и федеральными законами «сужение объема прав их собственников (владельцев, пользователей) в связи с необходимостью обеспечения публично-правовых интересов (экологических, земельных, градостроительных и иных)»¹.

¹ Анисимов А.П. Теоретические основы правового режима земель поселений в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 13–14.

М.А. Иващенко под такими ограничениями понимает особые условия использования земельного участка, установленные актами органов публичной власти, на определенный срок или бессрочно, с учетом принадлежности земельного участка к конкретной категории, целевого назначения, разрешенного использования и зонирования территории [6, с. 110]. Между тем, это определение больше подходит для правового режима земельного участка, чем для ограничений права собственности на него. По мнению В.П. Камышанского, ограничения права собственности (в том числе на землю) не исключают отдельные правомочия из содержания права собственности, но сужают возможности собственника в части осуществления субъективного права. Ограничения – это имманентно внутренне присущая характеристика права собственности. Они не могут выходить за его пределы [7, с. 101]. По мнению А.П. Лиманской, «ограничение права – это мера государственного принуждения, выраженная в запретах и обязанностях, которые устанавливаются в порядке, предусмотренном законами, не связаны с реализацией собственного интереса правообладателя земельного участка и стесняют правообладателя в реализации принадлежащего ему права собственности в интересах общества в целом и удовлетворения законных интересов частных лиц» [11, с. 90]. Последняя позиция представляется наиболее обоснованной.

На мой взгляд, ограничения права собственности на земельную недвижимость – это совокупность установленных в федеральных законах запретов и дополнительных обязанностей граждан и юридических лиц, сужающих объем их правомочий по пользованию и/или распоряжению земельными участками для обеспечения публичных целей и интересов. В ряде случаев такие ограничения могут затрагивать государственную (и муниципальную) собственность.

Главная терминологическая проблема заключается в том, чтобы отграничить «ограничения» от «обременений» права собственности. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» различает «ограничения прав» и «обременения объектов недвижимости» (например, в ст.9), однако однозначного вывода о соотношении данных категорий из текста федерального закона сделать нельзя. Дело в том, что в рамках такого подхода остается открытым вопрос, например, о правовой природе аренды земельной недвижимости. Является аренда земельного участка ограничением права частной (государственной) собственности или же это обременение участка как объекта недвижимости? Или и то, и другое сразу?

А.Ю. Сидоренко полагает, что данные термины являются синонимами и различаются чисто лексически [16, с. 90]. По мнению А.Н. Лужиной, ограничение представляет собой меру должного поведения субъекта, устанавливаемую в целях защиты прав общества и государства в целом и отдельных личностей в случаях, прямо предусмотренных законом, а обременение – мера возможного поведения, определяемая по воле участников правоотношения, представляющая собой дополнительное бремя по содержанию недвижимого имущества и соблюдению прав третьих лиц [12, с. 37–39]. И.И. Василишин и Н.С. Буднецкий делают вывод, что на современном этапе развития государства понятие «ограничение» является родовым (общим) по отношению к видовому понятию «обременение» (специальному) [3, с. 72]. Несколько иной точки зрения придерживается А.П. Лиманская, отмечая, что ограничения права отличаются от обременений в зависимости от оснований их установления. Ограничением права являются запреты, которые существуют в момент возникновения права. Обременением признается запрещение, которое возникает из договора или иной сделки (тогда как ограничение – это запрет, установленный законом). В странах континентальной системы права ограничения могут устанавливаться как в интересах общества, так и в интересах отдельных категорий лиц. Однако во всех случаях основанием установления ограничений права является нормативный правовой акт [11, с. 88].

Отдельные дискуссионные вопросы касаются отнесения различных прав или сделок к юридическим фактам, влекущим возникновение правоотношений по ограничению или обременению прав на земельную недвижимость.

Так, Ю.Н. Слепенко полагает, что аренда будет являться ограничением прав собственника-арендодателя; к числу ограничений она относит и ограниченные вещные права [17, с. 73]. Е.В. Максимова также считает, что к числу ограничений права собственности следует относить ограниченные вещные права на земельный участок, поскольку «одновременно с возникновением у какого-либо лица ограниченного вещного права на земельный участок сокращаются полномочия у субъекта права собственности этого земельного участка» [13, с. 70].

С одной стороны, это действительно так, поскольку в случае предоставления государственного земельного участка (например, федеральному бюджетному образовательному учреждению) у Российской Федерации уже нет возможности предоставить такой земельный участок

иному публичному субъекту. С другой стороны, в этом случае право федеральной собственности ограничивается не в силу закона, а в результате совершения акта распоряжения публичным собственником принадлежащим ему участком, что едва ли можно рассматривать в качестве ограничения права собственности. Точно также, если частный собственник предоставил свой земельный участок в аренду другому гражданину или юридическому лицу, он совершил акт распоряжения им, и сам исключил свою возможность дальнейшего его использования в течении срока действия договора. В рамках нашей концепции это правильней называть обременением.

Отдельный вопрос состоит в том, являются ли сервитуты ограничением права собственности, либо же это еще одна разновидность обременений. А.В. Копылов полагает, что публичные сервитуты не имеют ничего общего с сервитутами, известными римскому частному праву. Они представляют собой «только ограничения права собственности в силу закона» [9, с. 62]. По мнению Т.В. Дерюгиной, сервитут «отличается от ограничения права собственности по целям установления; субъектному составу; объектам; содержанию; возмездности»; «публичный сервитут не относится к категории прав ограниченного пользования чужим имуществом, ни к ограничениям права собственности, а занимает самостоятельное положение в системе вещных прав»¹. Третья группа авторов пишет, что публичный сервитут – это пределы, а не обременения права собственности [10, с. 7–8]. Сформулирую свою позицию в рамках данной дискуссии.

Ограничения и обременения – разные характеристики сужения объема правомочий частного или публичного собственника земельной недвижимости, имеющие как ряд общих параметров, так и существенных отличий. Главной целью установления ограничений является защита публичных интересов в сфере обеспечения экологической безопасности, защиты исторического или культурного наследия, предотвращения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т.д. Ограничения устанавливаются напрямую федеральным законом либо подзаконными актами в порядке, определенном федеральным законом. В свою очередь, обременения устанавливаются по решению собственника (частного или публичного) земельной недвижимости посредством заключения договора (аренды, ипотеки и т.д.), и, в отличие от ограничений, не всегда подлежат государственной регистрации (например, договор аренды земельной недвижимости на срок до одного года, ст. 26 ЗК РФ). Обременения порождают новые субъективные права на земельный участок (право аренды, частного сервитута; право постоянного (бессрочного) пользования, если речь идет о государственных и муниципальных земельных участках); в случае ограничений права собственности этого не происходит. Установление ограничений влечет только возмещение убытков; в случае с обременениями собственник получает плату по договору. Отдельный вопрос заключается в том, в какую группу следует включить публичный сервитут. На мой взгляд, он занимает промежуточное положение, однако в большей степени это все же разновидность ограничений права собственности на земельную недвижимость, поскольку возникновение публичного сервитута происходит по волеизъявлению органа публичной власти, а не частного собственника земельной недвижимости. Наконец, в случае обременения права собственности посредством заключения договора собственник сам определяет его условия, а, следовательно, и объем (характер) данного обременения; в случае ограничения права собственности все решения принимает орган власти без консультаций с собственником. В целях окончательного нормативного разрешения данного вопроса, в ЗК РФ необходимо добавить статью 1.1 «термины и определения», что позволит сделать его более информативным в части используемой в кодексе терминологии (как это сделано, например, в ст. 1 Градостроительного кодекса РФ). В настоящий момент в ЗК РФ есть лишь ряд малоинформативных определений (ст.5), и эту ситуацию следует изменить. В перечень земельно-правовых определений, требующих разъяснения, я предлагаю включить нормативные дефиниции ограничение, обременение и пределы права собственности (частной и публичной) на земельный участок как объект недвижимости.

Не менее актуальная тема для дискуссий заключается в том, каковы отличия ограничений права собственности от категории пределы права собственности. Как писал В.П. Грибанов, «границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [4, с. 22]. Другие авторы полагают, что пределы гражданских прав – «это внутренние, субъективные границы действий для носителей права, которые управомоченное лицо определяет для себя в

¹ Дерюгина Т.В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 6.

границах дозволенного соответствующим правовым режимом через категории добросовестности и разумности. Разумность и добросовестность являются необходимыми, однако не общими, а специальными пределами для поведения правообладателя при реализации им своего субъективного гражданского права»¹. По мнению Д.М. Вагина, «пределы являются более широким понятием, включающим в себя ограничения» [2, с. 79].

Из этой теоретической дискуссии следует ряд практических вопросов, в частности, является ли обязанность собственников (частных и публичных) использовать земельный участок по целевому назначению (или в соответствии с видами его разрешенного использования) ограничением права собственности, либо же здесь идет речь о пределах права собственности конкретного лица. В.В. Чубаров считает, что «требование о целевом использовании земельного участка является одним из публично-правовых ограничений права собственности» [18, с. 199]. В качестве вида ограничений обязанность использовать земельный участок по целевому назначению рассматривают и иные авторы [8, с. 72]. В свою очередь, Д.В. Грунтов пишет, что «разрешенное использование является одним из видов ограничений права собственности на земельный участок» [5, с. 5–7].

Между тем, установление требований соблюдения целевого назначения или разрешенного использования земельного участка никак не стесняет собственника в реализации предусмотренных законом правомочий (в отличии, например, от случаев установления охранной зоны заповедника), поскольку данная конструкция как раз и определяет границы возможностей правообладателя земельной недвижимости по использованию и охране земли (запрещая, например, промышленную деятельность на землях сельскохозяйственного назначения, но не препятствуя собственнику произвести отчуждение земельного участка).

На мой взгляд, целевое назначение и разрешенное использование устанавливаются для всех земельных участков в границах России, тогда как конструкция ограничений носит исключительный характер, и нацелена на обеспечение государственного интереса, для которого необходим конкретный земельный участок. Рассматривать требования закона о необходимости использовать участок только в тех целях, для которых он предоставлен (или строить объект недвижимости только той высоты, которая указана в градостроительном регламенте) как ограничение будет означать принципиальное изменение цели данной нормативной и доктринальной категории, придание ей функций, которые первоначально не были предусмотрены при ее конструировании. Поэтому целевое назначение (разрешенное использование) – это не ограничения, а пределы (границы) прав собственников земельной недвижимости, которые определяются для них в момент предоставления земельного участка. Ряд ученых также считают возмездное предоставление земельного участка в частную собственность (из государственной и муниципальной) иностранцам за плату проявлением ограничений их прав (поскольку для граждан России это предоставление возможно как за плату, так и бесплатно) [15, с. 215]. Другие авторы полагают, что установление определенных запретов для соседей является разновидностью ограничений прав на недвижимость (земельные участки) [1, с. 94]. Есть мнение, что к ограничениям прав собственника земельного участка относится невозможность разрабатывать недра, находящиеся под земельным участком [14, с. 104]. На мой взгляд, во всех трех случаях такие требования и запреты не являются ограничениями, а имеют иную юридическую природу. В первом случае речь идет о праве публичного собственника самостоятельно определять основания и порядок распоряжения принадлежащим ему недвижимым имуществом. Размер платы по договору аренды частного земельного участка не будет ограничивать права арендодателя; в случае с арендой (или предоставлением в собственность) публичного земельного участка мы видим аналогичную ситуацию, только связанную с нормативным установлением пределов права распоряжения государственной собственностью у органов публичной власти. Во втором случае запрет соседям совершать действия, влекущие неудобства или причиняющие убытки смежным землепользователям (собственникам, арендаторам) можно рассматривать двояко: как запрет на злоупотребление правом (шикану) или как установление пределов права частной собственности с поправкой на специфику городского (соседского) землепользования. В третьем случае отсутствие права недропользования вытекает из Конституции России, земельного и горного законодательства, и распространяется на всех без исключения правообладателей земельных участков. Для недропользования требуется специальное разрешение (ст. 11 Закона РФ «О недрах»).

---

¹ Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 15.

Таким образом, пределы права частной и публичной собственности на земельную недвижимость могут определяться *управомочивающими нормами*, устанавливающими границы правомочий собственников либо иных участников гражданских правоотношений (например, градостроительные регламенты определяют максимальные и минимальные параметры разрешенного строительства – высоту, этажность и т.д.); *запрещающими нормами* о недопустимости тех или иных способов осуществления гражданских прав (запрещается осуществление прав на земельную недвижимость, которое может повлечь уничтожение объекта культурного наследия); *обязывающие нормы* предписывают лицу своевременную уплату налогов и исполнение предписаний органа земельного контроля.

Несмотря на удачное решение в последние годы многих аспектов правового регулирования ограничений права собственности на земельную недвижимость, отдельные вопросы требуют дальнейшего научного обсуждения и решения.

1) вопрос о круге субъектов гражданских правоотношений, на которые распространяется режим ограничений права собственности. В настоящий момент наиболее существенные ограничения в части субъекта права собственности на земельную недвижимость касаются иностранных граждан и юридических лиц применительно к сельскохозяйственным угодьям. Сам по себе такой запрет понятен и обоснован – любое государство мира стремится обеспечить свою продовольственную безопасность и оградить свои сельскохозяйственные предприятия от конкуренции с более финансово состоятельными сельскохозяйственными товаропроизводителями соседних стран. Между тем, Россия входит в состав ряда международных интеграционных объединений (ЕАЭС, БРИКС и др.), в рамках которых было бы уместно устанавливать не только льготные таможенные пошлины для дружественных стран, но и исключения из общего запрета на приобретение земельных участков иностранцами. Установление более гибкой системы запретов и ограничений позволило бы привлечь в Россию большое количество трудолюбивых граждан других стран, поскольку собственность (в отличие от аренды) означает лучшую защищенность и гарантированность инвестиций.

2) какие новые виды пределов и ограничений возможны в будущем для частных и публичных собственников земли? Отдельные предпосылки для таких ограничений права собственности на земельную недвижимость можно увидеть уже сейчас. К их числу относятся: установление новых запретов на использование отдельных видов пестицидов и агрохимикатов; запрет ГМО; дополнительные запреты и требования к земельному участку (ведению на нем сельскохозяйственной деятельности) при выращивании органической (экологически чистой) продукции; расширение зеленых парковых зон в городах повлечет исключение из хозяйственного использования новых земельных участков с ограничением прав органов местного самоуправления по распоряжению ими; противодействие изменениям климата повлечет развитие ветрогенераторов и иных объектов возобновляемой энергетики с созданием специальных зон или субкатегорий земель.

3) неравномерность нормативного регулирования отдельных групп ограничений права собственности на земельную недвижимость. Дело в том, что из трех групп нормативных ограничений в ст. 56 ЗК РФ, вторая группа ограничений (особые условия охраны окружающей среды) не конкретизирована ни в земельном, ни в экологическом или ином законодательстве. Нет четких правовых последствий таких ограничений, не всегда понятен механизм их закрепления и контроля за их соблюдением. Данные ограничения устанавливаются в силу закона, и больше напоминают пределы правомочий собственника, а не ограничения в их классическом понимании (в виде стеснения собственника осуществлять свои полномочия, возникающие в результате принятия органом власти специального решения). Однако законодатель отнес все рассмотренные требования к категории ограничений, а не пределов, что оставляет место для дискуссий. Наиболее оптимальным выходом из этой неопределенности является дополнение ЗК РФ специальной статьей 105.1, где были бы подробно перечислены все случаи, особенности и процедуры установления ограничений в интересах охраны животного и растительного мира, памятников природы, сохранения плодородного слоя почвы и т.д., как это было сделано в ст. 105 ЗК РФ в отношении другой группы нормативно закреплённых ограничений – в зонах с особыми условиями использования территорий. Это позволило бы устранить существующий пробел в праве.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Ограничения права собственности на земельную недвижимость – это совокупность установленных в федеральных законах запретов и дополнительных обязанностей граждан и юридических лиц, сужающих объем их правомочий по пользованию и/или распоряжению земельными участками для обеспечения публичных целей и интересов. Данную категорию

необходимо отличать от смежных правовых понятий, включая обременения и пределы права собственности на земельную недвижимость. Представляется, что большая часть устанавливаемых законом ограничений прав собственников обусловлена задачами обеспечения экологической, транспортной, продовольственной и иной безопасности, а из трех нормативно выделенных в ЗК РФ групп ограничений хуже всего проработана вторая группа, связанная с охраной исторического и культурного наследия, окружающей среды, обеспечения рационального использования земли для достижения целей продовольственной безопасности и т.д. Установление ограничений не влечет исключения какого-либо правомочия собственника, однако его возможности по осуществлению пользования или распоряжения земельной недвижимостью уменьшаются (сужаются). Это может проявляться в запрете продажи земельного участка иностранцам или запрете на улучшение участка посредством мелиорации или иным образом при его резервировании. Представляется, что многие обсуждаемые доктринальные концепции не могут опереться на гражданское и земельное законодательство, которые не содержат ни определения ограничений права собственности, ни соответствующих принципов, указывающих на основную идею этого субинститута. В целях установления общих требований к ограничениям права собственности (на все объекты гражданских прав, а не только земельную недвижимость) в ГК РФ целесообразно добавить специальную статью, определяющую виды ограничений права собственности, их последствия и порядок установления, органы публичной власти, наделенные такими полномочиями, а также иные вытекающие из этого обязанности и гарантии.

Список использованной литературы:

1. Абдулкарамов И.Р. Перспективы развития законодательства, устанавливающего ограничения имущественных прав на земельные участки. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право.* 2020;5(4):93–97.
2. Вагин Д.М. К вопросу об ограничениях и пределах осуществления права собственности на земельные участки. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2023;(9–2):79–82.
3. Василишин И.И., Буднецкий Н.С. Легальные и автономные ограничения права собственности на земельные участки. *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* 2015;(2):68–74.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут; 2001.
5. Грунтов Д.В. К вопросу о видах разрешенного использования земельного участка. *Молодой ученый.* 2016;(10.3):5–7.
6. Иващенко М.А. Эколого-правовой аспект института права собственности и ограничений прав на земельные участки. *Наука через призму времени.* 2018;(7):108–111.
7. Камышанский В.П. Ограничения права собственности. М.; 2000.
8. Карпова Н.В., Бондаренко Е.А. Политико-правовое обоснование введения ограничений права собственности на земельные участки в различных сферах деятельности. *Экономика и экология территориальных образований.* 2021;5(1):70–77.
9. Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном гражданском праве. М.: Статут; 2000.
10. Краснова Т.С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве. *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2017;(3):6–18.
11. Лиманская А.П. Основания ограничений прав на земельные участки. *Аграрное и земельное право.*

References:

1. Abdulkaramov I.R. [Prospects for the development of legislation establishing restrictions on property rights to land plots]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2020;5(4):93–97. (In Russ.)]
2. Vagin D.M. [On the issue of restrictions and limits of the exercise of ownership of land plots]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2023;(9–2):79–82. (In Russ.)]
3. Vasilishin I.I., Budnetskiy N.S. [Legal and autonomous restrictions of ownership of land plots]. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.* 2015;(2):68–74. (In Russ.)]
4. Gribanov V.P. [Implementation and protection of civil rights]. M.: Statute; 2001. (In Russ.)]
5. Gruntov D.V. [On the issue of the types of permitted use of land]. *A young scientist.* 2016;(10.3):5–7. (In Russ.)]
6. Ivashchenko M.A. [Ecological and legal aspect of the institute of property rights and restrictions on land rights]. *Science through the prism of time.* 2018;(7):108–111. (In Russ.)]
7. Kamyshansky V.P. [Restrictions on property rights]. M.; 2000. (In Russ.)]
8. Karpova N.V., Bondarenko E.A. [Political and legal justification for the introduction of restrictions on ownership of land in various fields of activity]. *Economics and ecology of territorial entities.* 2021;5(1):70–77. (In Russ.)]
9. Kopylov A.V. [Real rights to land in Roman, Russian pre-revolutionary and modern civil law]. M.: Statute; 2000. (In Russ.)]
10. Krasnova T.S. [Certain aspects of the doctrine of servitude in modern Russian law]. *Property relations in the Russian Federation.* 2017;(3):6–18. (In Russ.)]
11. Limanskaya A.P. [Grounds for restrictions of rights to land plots]. *Agrarian and land law.* 2022;(5):87–92. (In Russ.)]

2022;(5):87–92.

12. Лужина А.Н. Ограничения и обременения прав на недвижимое имущество. *Российский судья*. 2006;(8):37–40.

13. Максимова Е.В. Правовое регулирование ограничений прав на земельные участки. *Бизнес, менеджмент и право*. 2007;(1):69–74.

14. Мичурин Е.А. Пределы и ограничения права собственности. *Власть закона*. 2012;(2):91–109.

15. Пономарева Е.В., Шилова А.Д. К вопросу об ограничении прав на земельный участок иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. *Символ науки: международный научный журнал*. 2016;(10):214–216.

16. Сидоренко А.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования ограничений (обременений) в земельном праве. *Юрист*. 2000;(11):26–34.

17. Слепенко Ю.Н. Ограничения (обременения) прав на земельный участок как объект гражданских прав. *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2009;(1):73–74.

18. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут; 2006.

Russ.)]

12. Luzhina A.N. [Restrictions and encumbrances of rights to immovable property]. *A Russian judge*. 2006;(8):37–40. (In Russ.)]

13. Maksimova E.V. [Legal regulation of restrictions on land rights]. *Business, management and law*. 2007;(1):69–74. (In Russ.)]

14. Michurin E.A. [Limits and limitations of property rights]. *The rule of law*. 2012;(2):91–109. (In Russ.)]

15. Ponomareva E.V., Shilova A.D. [On the issue of restricting the rights to land of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation]. *Symbol of Science: an international scientific journal*. 2016;(10):214–216. (In Russ.)]

16. Sidorenko A.Y. [Actual problems of legal regulation of restrictions (encumbrances) in land law]. *Lawyer*. 2000;(11):26–34. (In Russ.)]

17. Slepencok Yu. N. [Restrictions (encumbrances) of rights to a land plot as an object of civil rights]. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;(1):73–74. (In Russ.)]

18. Chubarov V.V. [Problems of legal regulation of real estate]. М.: Statute; 2006. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чаркин Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса АНО ВО «Волгоградский гуманитарный институт»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Charkin

Cand. of Sci. (Law), Associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the ANO VO "Volgograd Humanitarian Institute"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-93-97>

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Завьялов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Завьялов В.А. Производство допроса с использованием видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования: новый вызов для криминалистической тактики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):93–97. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-93-97>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: + 7 (918) 454-64-61
E-mail: vladimirzavjalov@lenta.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.04.2024

Статья принята к печати: 24.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: *Целью* настоящей статьи является дача рекомендаций, направленных на установление психологического контакта при допросе, проводимом с использованием видео-конференц-связи, путем включения в качестве субъекта тактического воздействия следователя/дознателя, находящегося по месту нахождения свидетеля.

Указанная цель достигается через решения ряда *задач*, к которым относятся, анализ внесенных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, добавляющих дополнительного участника при осуществлении рассматриваемого вида допроса, прогнозирование его роли при решении текущей тактической задачи в виде установления психологического контакта.

На основе полученных данных формулируются конкретные тактические рекомендации по использованию тактических приемов установления психологического контакта, с учетом особенностей данного вида допроса.

Ключевые слова: тактический прием, установление психологического контакта, тактика допроса, допрос с использованием видео-конференц-связи.

CONDUCTING AN INTERROGATION USING VIDEO CONFERENCING AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: A NEW CHALLENGE FOR FORENSIC TACTICS

Vladimir A. Zavyalov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Zavyalov V.A. Conducting an interrogation using video conferencing at the preliminary investigation stage: a new challenge for forensic tactics. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):93–97. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-93-97>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Zavyalov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (918) 454-64-61

E-mail: vladimirzavjalov@lenta.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.04.2024

The article has been accepted for publication: 24.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The purpose of this article is to give recommendations aimed at establishing psychological contact during interrogation conducted using video-conferencing by including the investigator/interrogator located at the location of the witness as a subject of tactical influence.

This goal is achieved through solving a number of problems, which include analyzing the changes made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, adding an additional participant when carrying out the type of interrogation under consideration, predicting his role in solving the current problem in the form of establishing psychological contact.

Based on the data obtained, specific tactical recommendations are formulated for the use of tactical techniques for establishing psychological contact.

Keywords: tactical technique, establishing psychological contact, interrogation tactics, interrogation using video conferencing.

Введение

В действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ внесены изменения, согласно которым следователь и дознаватель, осуществляющие предварительное расследование, наделяются правом проводить допрос, очную ставку и опознание с использованием видео-конференц-связи.

Рассматриваемая новелла устанавливает, что указанные следственные действия с использованием видео-конференц-связи осуществляются в месте нахождения лиц, участие которых признано необходимым. При этом, следователь, дознаватель, в чьем производстве находится уголовное дело, направляет в орган предварительного расследования по месту нахождения таких лиц поручение. По окончании допроса, очной ставки и опознания следователем, дознавателем, являющимся инициатором производства следственных действий, оглашается протокол, после чего следователем или дознавателем, находящимся по месту нахождения участников следственного действия, берется соответствующая подписка. Более того, закон содержит обязательные требования о дополнительных способах фиксации хода и результата производства допроса, очной ставки и опознания в виде видеозаписи.

Следовательно, при классификации допросов, в настоящий момент, целесообразно выделить виды допросов, в зависимости от использования системы видео-конференц-связи: допрос с использованием таковой и допрос без ее использования.

Указанная классификация имеет большое значение для тактики производства рассматриваемого следственного действия, поскольку включает в субъектный состав дополнительного участника в виде следователя/дознавателя, который исполняет поручение о производстве допроса с использованием видео-конференц-связи.

Для целей повышения эффективности такого следственного действия необходимо рассмотреть вопрос о задействовании следователя/дознавателя, располагающегося по месту нахождения допрашиваемого, при реализации тактических приемов допроса, в частности, установления психологического контакта, поскольку, как нам представляется, его роли в решении

данной тактической задачи необоснованно уделяется мало внимания при подготовке тактических рекомендаций с учетом новых возможностей, установленных действующим процессуальным законодательством.

Методы исследования

В настоящей статье применяются всеобщий диалектический метод исследования. Помимо всеобщего метода познания в работе использовались общенаучные и частнонаучные методы. В частности, методы наблюдения, описания, сравнения, моделирования, формально-логические методы, в том числе анализ, синтез, дедукция, индукция, формализация, гипотеза, аналогия, абстрагирование.

Результаты исследования

На основании проведенного анализа разработанных тактических приемов установления психологического контакта с допрашиваемым, сопоставления с ними изменений, в соответствии с которыми законодатель допустил проведение допроса с использованием видео-конференц-связи, сделаны выводы о тактической функции следователя, создающего условия для производства рассматриваемого вида допроса, даны рекомендации по применению тактико-криминалистических средств, направленных на установление контакта с потерпевшими или свидетелями при их допросах с применением указанных технических средств с вовлечением следователя/дознателя, исполняющего поручение.

Наиболее эффективным вовлечение следователя/дознателя, исполняющего поручение, в тактический замысел следователя/дознателя, который осуществляет производство по уголовному делу, является при применении ряда тактических приемов, направленных на установление психологического контакта с допрашиваемым: снятие психологического напряжения, создание благоприятной обстановки, установление общности «Мы», обращение к положительным качествам личности, убеждение в объективности следствия, проявление интереса к личности допрашиваемого, подчеркивание значимости его показаний¹, отзеркаливание. Данный вывод обусловлен тем, что именно следователь/дознатель, оказывающий содействие, непосредственно первым вступает в коммуникацию с допрашиваемым, осуществляет ее при личном контакте, а не дистанционно, соответственно, может выполнять ряд активных действий, входящих в указанные тактические приемы.

Научная дискуссия

Необходимо акцентировать внимание на позиции Ю.А. Бондаренко, который справедливо отметил, что использование видео-конференц-связи при производстве допроса оправдано при наличии совокупности условий: «допросу подлежит потерпевший, свидетель, эксперт, специалист; низкая вероятность формирования психологической ситуации допроса со строгим соперничеством; процессуальные издержки на обеспечение личного присутствия допрашиваемого превышают разумные пределы; в предмет предстоящего допроса не входят сведения, составляющие государственную или иные виды охраняемой федеральными законами тайны, а также о лице, в отношении которого приняты меры безопасности» [4, с. 200–206].

Таким образом, рассматриваемые в настоящей статье проблемы относятся исключительно к допросу потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, в условиях отсутствия конфликтной ситуации².

Сама легальная конструкция нормы, устанавливающей порядок осуществления допроса с использованием видео-конференц-связи подразумевает наличие дополнительного участника рассматриваемого следственного действия, которым является следователь или дознаватель правоохранительного органа по месту нахождения допрашиваемого.

Соответственно, указанная процессуальная фигура может выполнять определенные тактические функции, входящие в тактический замысел следователя/дознателя, осуществляющего расследование преступления, поскольку следователь/дознатель, участвующий в допросе по месту нахождения допрашиваемого, имеет возможность непосредственного восприятия обстановки, в которой осуществляется рассматриваемое следственное действие, в том числе наблюдать за поведением участников допроса, и находится в непосредственной коммуникации с таковыми.

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Р.С. Белкин и др.; под ред. А.А. Хмырова, В.Д. Зеленского; Кубанский государственный университет. Краснодар: Советская Кубань, 1998. С. 289.

² Побережный С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2000. С. 87–112.

Нам представляется, что наиболее эффективно использовать сложившийся порядок возможно при решении такой тактической задачи, как установление психологического контакта с допрашиваемым.

Как известно, задачей установления психологического контакта является расположение следователем/дознавателем к себе допрашиваемого, создание доверительного фона допроса [3]¹. Исходя из содержания приведенной задачи, роль «живого» общения для ее реализации весьма велика [1].

В науке разработан ряд тактических приемов, направленных на установление психологического контакта с допрашиваемым, к ним относятся²: снятие психологического напряжения, создание благоприятной обстановки, установление общности «Мы», обращение к положительным качествам личности, убеждение в объективности следствия, проявление интереса к личности допрашиваемого, подчеркивание значимости его показаний³, отзеркаливание. В реализацию указанных приемов мы можем интегрировать следователя/дознавателя, участвующего в допросе в месте нахождения допрашиваемого, наделить его определенной тактической функцией.

К примеру, снятие психологического напряжения заключается в произнесении успокаивающих слов следователем, проявлении внимания к личности допрашиваемого⁴. Возникает вполне уместный вопрос, может ли следователь/дознаватель, обеспечивающий допрос по месту нахождения свидетеля или потерпевшего, использовать указанный прием. На наш взгляд, однозначно положительный ответ, если смоделировать такой допрос, то первые кто увидит и установит коммуникацию – это следователь/дознаватель, которые его обеспечивают, соответственно, данное должностное лицо может уже на данной стадии принять меры к снятию психологического напряжения указанными способами.

По этой же причине, поскольку следователь/дознаватель, обеспечивающий допрос в месте нахождения участника уголовного процесса, первый контактирует с допрашиваемым, то и создание благоприятной обстановки также ложится на его плечи, то есть он должен выдерживать спокойный и ровный тон в общении с допрашиваемым, иметь опрятный внешний вид, проявлять уважительное отношение к лицам, вовлечёнными в рассматриваемое следственное действие, выдерживать уважительный тон, проявлять внимание и понимание проблем свидетеля или потерпевшего⁵, а также именно данный следователь может объяснить порядок проведения изучаемого вида допроса.

Не исключается и вовлечение в беседу⁶ следователем/дознавателем, исполняющим поручение о проведении допроса с использованием видео-конференц-связи, с целью создания общности «Мы», он может выстроить разговор на интересующие допрашиваемого различные темы, такие как рыбалка, спорт и др., что не исключает в дальнейшем включение в такого рода беседу и следователя/дознавателя, направившего поручение, что способствует переходу инициативы уже непосредственно ему.

Следующие из приведенных ранее нами тактических приемов установления психологического контакта более эффективными будут все же при применении следователем/дознавателем, осуществляющим производство по делу, поскольку он является основным участником коммуникации, а его акценты на качестве личности допрашиваемого, объективность расследования, значимости показаний для расследования будут являться более аргументированными и объективными.

В современной криминалистической науке давно стоит вопрос о применении приемов, разработанных на базе достижений психологической науки⁷, в том числе и нейролингвистического программирования, в число которых входит и, так называемое «отзеркаливание», смысл которого заключается в копировании жестов, позы, слов [5, с. 136] допрашиваемого. Возникает вопрос: кто из

¹ Курс криминалистики. В 3-х. т. / под ред. О.Н. Коршунова. 2-е изд., перераб и доп. Т. 1: Общая теория криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. СПб.: Юридический центр, 2016. С. 600.

² Синенко С.А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений. Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. С. 124–141.

³ Криминалистика: учебник для вузов / Р.С. Белкин и др. С. 289.

⁴ Курс криминалистики. В 3-х. т. / под ред. О.Н. Коршунова. С. 600.

⁵ Криминалистика: учебник для вузов / Р.С. Белкин и др. С. 289.

⁶ Курс криминалистики. В 3-х. т. / под ред. О.Н. Коршунова. С. 600.

⁷ Полстовалов О.В. Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 72–88.

участвующих следователей/дознателей может применять данный прием? По нашему мнению, его в какой-то части могут применять и следователь/дознатель, находящийся по месту нахождения допрашиваемого, и следователь/дознатель – инициировавший такой допрос. К примеру, слова, мимику может использовать следователь/дознатель, удаленно производящий допрос, а позу и мимику может копировать и следователь, организующий его.

В заключении отметим, что рассматриваемые нововведения, в разрезе, в том числе, решаемых задач по установлению психологического контакта с допрашиваемым, требуют некоторых корректировок и в подготовительном этапе допроса, прежде всего включения в него организационно-подготовительного действия – в виде совещания, проводимого с целью совместного планирования¹, в ходе которого надлежит согласовать приемы, направленные на установление контакта, сообщить данные о личности допрашиваемого известные следователю/дознателю, в чьем производстве находится уголовное дело, другому следователю/дознателю, а также обсудить вопросы оперативной связи, для целей которой можно использовать мессенджеры, к примеру, для сообщения сведений об изменении в обстановке допроса.

С учетом изложенного, нам представляется, что вопросы тактики допроса с использованием видео-конференц-связи, являются весьма актуальными и подлежат всесторонней проработке учеными-криминалистами, с целью положительной и высокой оценки предварительного расследования, исходя из сформировавшихся в доктрине критериев [2, с. 300].

Список использованной литературы:

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания: монография. М.: РГ-Пресс; 2017.
2. Баев О.Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса (сборник). М.: Эксмо; 2011.
3. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). Научно-практическое издание. М.: Прометей; 2017.
4. Бондаренко Ю.А., Балугина Т.С. Эффективность тактических приемов эмоционального воздействия и установления психологического контакта при допросе с использованием систем видео-конференц-связи в Российской Федерации. *Теория и практика общественного развития*. 2023;(8):200–206.
5. Мурашов А.А. Безотказные риторические приемы. *Народное образование*. 2015;(6):132–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завьялов Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-0054-7087
AuthorID: 1011348
SPIN-код: 2268-2677

References:

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. [Psychology of crime and punishment]. M.: RG-Press; 2017. (In Russ.)]
2. Baev O.Ya. [Selected works on problems of criminalistics and criminal procedure (collection)]. M.: Eksmo; 2011. (In Russ.)]
3. Baev O.Ya. [Investigator (fundamentals of theory and practice activities). Scientific and practical edition]. M.: Prometheus; 2017. (In Russ.)]
4. Bondarenko Yu.A., Balugina T.S. [The effectiveness of tactical methods of emotional impact and establishing psychological contact during interrogation using video conferencing systems in the Russian Federation]. *Theory and practice of social development*. 2023;(8):200–206. (In Russ.)]
5. Murashov A.A. [Trouble-free rhetorical techniques]. *Public education*. 2015;(6):132–136. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Zavyalov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-0054-7087
AuthorID: 1011348
SPIN-код: 2268-2677

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Р.С. Белкин и др. С. 64.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ В КРИМИНАЛЬНУЮ СУБКУЛЬТУРУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Косаренко А.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет И.Т. Трубилина»
(Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044)

Ссылка для цитирования: Косаренко А.А. Историко-правовой анализ предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру несовершеннолетних. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):98–103. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-98-103>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Косаренко Артем Андреевич, аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет И.Т. Трубилина»

Адрес: Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044

Тел.: +7 (861) 221-58-93

E-mail: kosarenko_artem@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.04.2024

Статья принята к печати: 28.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: Целью работы выступает проведение историко-правового анализа предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру несовершеннолетних. Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит выявление теоретических и практических проблем в выделении периодов становления криминальной субкультуры несовершеннолетних, а также установление мер предупреждения вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру.

В статье задействован комплекс общенаучных и научно-научных *методов*. Среди них автор использует анализ, системный, исторический, формально-юридический и контент-анализ. Кроме того, методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания.

В заключении выделяются периоды становления криминальной субкультуры несовершеннолетних. Отмечается, что в историческом аспекте каких-либо комплексных мер предупреждения вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру не было, они были сопряжены с мерами предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних в целом.

Ключевые слова: историко-правовой анализ, периодизация, предупреждение, меры предупреждения, несовершеннолетние, субкультура, криминальная субкультура, вовлечение.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PREVENTION OF INVOLVEMENT IN THE CRIMINAL SUBCULTURE OF MINORS

Artem A. Kosarenko

FGBOU VO "Kuban State Agrarian University I.T. Trubilin"
(Kalinina str., 13, Krasnodar, Russia, 350044)

Link for citation: Kosarenko A.A. Historical and legal analysis of the prevention of involvement in the criminal subculture of minors. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):98–103. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-98-103>

CONTACT INFORMATION:

Artem A. Kosarenko, Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the FGBOU VO "Kuban State Agrarian University I.T. Trubilin"
Address: Kalinina str., 13, Krasnodar, Russia, 350044
Tel.: +7 (861) 221-58-93
E-mail: kosarenko_artem@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.04.2024

The article has been accepted for publication: 28.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The *purpose* of the work is to conduct a historical and legal analysis of the prevention of involvement in the criminal subculture of minors. Based on this goal, the objectives of the study include the identification of theoretical and practical problems in identifying the periods of formation of the criminal subculture of minors, as well as the establishment of measures to prevent the involvement of minors in the criminal subculture.

The article uses a set of general scientific and private *scientific methods*. Among them, the author uses analysis, systemic, historical, formal legal and content analysis. In addition, the methodological basis of the research is the dialectical method of cognition.

In conclusion, the periods of formation of the criminal subculture of minors are highlighted. It is noted that in the historical aspect, there were no comprehensive measures to prevent the involvement of minors in the criminal subculture, they were associated with measures to prevent and prevent juvenile delinquency in general.

Keywords: historical and legal analysis, periodization, prevention, preventive measures, minors, subculture, criminal subculture, involvement.

Введение

Анализ специальной литературы показывает, что целью исследования истории предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру несовершеннолетних на сегодняшний день не осуществлялось. Ряд научных работ посвящен либо истории и развитию криминальной субкультуры, либо содержит только упоминания о превентивных мерах. Зачастую исследования ограничиваются уголовно-правовым анализом, упуская при этом сами предпосылки появления норм, определяющих ответственность несовершеннолетних лиц.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. В нем также используются такие частнонаучные и общенаучные методы, как анализ, системный, исторический, формально-юридический и контент-анализ.

Результаты исследования

Обращаясь к истории развития криминальной субкультуры в России следует указать, что она включает в себя несколько этапов, как и любое другое явление.

Так, к примеру, О.В. Старков выделяет следующие этапы периодизации развития криминальной субкультуры: дореволюционный; послереволюционный, куда включены 20–30-е гг. XX в., период Великой Отечественной войны; современный период, куда входят 50–80-е гг. XX в., а также начало 90-х гг. по настоящее время¹.

Периодизация развития криминальной субкультуры несовершеннолетних имеет свои сложности. Одна из них заключается в том, что криминальная субкультура в окончательном виде сформировалась лишь в 80–90-х гг. XX в., более того само изучение социального феномена субкультуры началось с середины XX в. В этом заключается вторая сложность: о появлении в обществе криминальной субкультуры можно сделать вывод лишь на основе комплексного изучения эмпирического материала о состоянии преступности несовершеннолетних, поэтому меры

¹ Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М., 2010. С. 45.

предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру неразрывно связаны с мерами предупреждения преступности.

Другая проблематика анализа истории рассматриваемого феномена связана с изучением криминальной субкультуры несовершеннолетних в период СССР (в особенности 40–60 гг. XX в.), поскольку в это время отрицалась сама возможность существования криминальной субкультуры в социалистическом обществе, поэтому научных исследований в данной области не проводилось [5, с. 199–205]. Начиная с 40–х гг. XX в. исторические сведения о состоянии преступности несовершеннолетних широко не были представлены [6, с. 223–229]. Это так же объясняется идеологическими причинами.

Научная дискуссия

Как отмечает С.А. Белановский, первые сведения о появлении агрессивных молодежных субкультур в России относятся к концу XIX и началу XX века [1, с. 130] в связи с ростом совершения хулиганских действий подростками. Однако говорить о становлении полноценной субкультуры в данный период не приходится, поскольку преступность несовершеннолетних только зарождается как социальный феномен и появляются первые меры ее предупреждения.

В 1904 г. на VI съезде представителей воспитательно–исправительных заведений было сказано, что «главным кадром, пополняющим ряды преступных детей, служат дети ... порочные...», а специальным условием «порочности» является беспризорность, в числе прочих – влияние семьи¹. Однако уже на этом этапе Д.А. Дриль, излагая историю несовершеннолетнего преступника, отмечает, что он «сам нашел себе школу на «базарной площади», где он с успехом и проходил нравственную науку «широкой улицы» под руководством ее хорошо подготовленных учителей». Тут же автор указывает, что несовершеннолетний, попадая на улицу, встречает компанию «таких же заброшенных беспризорных товарищей, из которых многие уже успели стать достаточно взрослыми, профессиональными хулиганами, живущими за счет общества и во вред ему... встречает игры в орлянку, карты, пьянство, ранний удушающий разврат»².

Подобное описание, указанное выше, встречается и у О.О. Буксгевдена: «[несовершеннолетний] днем таскается по улицам, собирая милостыню и питаясь на счет даровых столовых, а ночь проводит в притонах»³.

Исходя из вышеуказанных позиций авторов, можно сделать вывод, что криминальная субкультура несовершеннолетних в дореволюционный период представлена главным образом субкультурой беспризорников, поскольку она имеет главные признаки – антиобщественную и антиправовую направленность, определенный склад и образ жизни, поведения.

Однако говорить об устойчивом характере пока не приходится, поскольку на данном этапе криминальная субкультура несовершеннолетних только зарождается. Субкультура беспризорников не была единственной, в то же время появляется тюремная субкультура несовершеннолетних: «...не малое участие принимает наша тюрьма...с ней и с различными арестными помещениями у нас продолжает знакомиться спозаранку очень значительное число несчастных детей, которые выносят отсюда много чисто тюремных понятий»⁴.

В рассматриваемое время меры предупреждения вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру включали в себя устройство яслей, дневных приютов и приютов–интернатов, организацию праздничных развлечений, лечебных колоний, ремесленно–учебных мастерских, патроната. Основные меры были направлены на то, чтобы не дать возможность несовершеннолетнему оказаться на улице. Впервые такое учреждение было создано в 1864 г. – Рукавишниковский ремесленный приют, целью которого было «нравственное исправление малолетних преступников мужского пола и приучение их к честному и полезному труду»⁵. Это учреждение имело подследственное отделение, в которое помещались несовершеннолетние «с целью

¹ Дриль Д.А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. СПб.: Сенат. тип., 1908. С. 5–6.

² Там же. С. 8–9.

³ Буксгевден О.О. Исправительные заведения для несовершеннолетних и законы об обязательном воспитании в Германии. СПб., 1902. С. 3.

⁴ Дриль Д.А. Указ. соч. С. 10–11.

⁵ Устав Московского Городского Рукавишниковского приюта для малолетних и подследственного отделения при нем (утв. в 1890 г.) [сайт]. Российская государственная библиотека; 2024 [обновлено 04 апреля 2024; процитировано 21 апреля 2024]. Доступно: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003627189>.

ограждения малолетних от вредного влияния ареста при полицейских домах и тюрьмах», которым и являлось вовлечение несовершеннолетних в тюремную субкультуру.

В последующий период происходит дальнейшее развитие системы исправительных и воспитательных учреждений, правовая регламентация их деятельности. Так, 5 декабря 1866 г. был издан Закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» [3, с. 216].

Таким образом, в течение XIX в. и начала XX в. государственная политика основывалась преимущественно на карательных мерах, а именно на регламентации наказаний в отношении несовершеннолетних преступников, вне зависимости от того, что послужило причиной совершения преступления – вовлечение в криминальную субкультуру или другие факторы.

Следует отметить, что до 20–х гг. XX в. криминальная субкультура несовершеннолетних была представлена субкультурой беспризорников. Вовлечение в криминальную субкультуру происходило «естественным» путем, то есть дети–сироты или дети из неблагополучных семей оказывались на улице, не имели постоянного места жительства, не были устроены в образовательные и иные учреждения, что порождало рост преступности несовершеннолетних. Предупредительные меры вовлечения уступали карательным, а именно основной уклон государства делался на наказание уже совершивших преступление несовершеннолетних, которые попадали в исправительные учреждения.

В 20–х гг. XX в. детская беспризорность на фоне внутренне– и внешнеполитических событий в нашей стране росла. Эта проблема и пути ее решения были поставлены на I Всероссийском съезде деятелей по борьбе с детской дефективностью в 1920 г. Были названы следующие причины детской беспризорности: потеря родителя на фронте, беженство, голод. Исходя из материалов Съезда можно заключить, что в этот период начинают складываться предпосылки для возникновения криминальной субкультуры наркоманов: «...среди обитателей воспитательно-исправительных приютов есть новый революционного периода тип испорченного ребенка – кокаинисты». Мерами предупреждения, как и в предыдущий период, оставалось главным образом социальная организация несовершеннолетних. Причем начинает складываться нацеленность государства не на карательные меры воздействия, а на предупредительно–воспитательные. Ввиду этого 4 марта 1920 г. был издан Декрет СНК РСФСР «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно–опасных действиях»¹, которым были упразднены суды и тюремные заключения для несовершеннолетних и введены специальные Комиссии о несовершеннолетних. Данные органы принимали решения по вопросам оказания несовершеннолетнему той или иной социальной помощи или о применении к нему меры медико–педагогического воздействия. Одной из таких мер было помещение «трудного» несовершеннолетнего в специальные лечебно–воспитательные учреждения.

Следует отметить, что в 30–е гг. был осуществлен переход к жестким мерам наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей, что обусловлено спецификой внутренней политики СССР: проведение раскулачивания, вызвавшего массовую миграцию населения в город и начало применения репрессий. Проводимая политика оказала заметное влияние, так как количество осужденных несовершеннолетних в 1940 г. по сравнению с 1931 г. сократилось примерно вдвое².

Вторая Мировая война определила новые тенденции в развитии криминальной субкультуры несовершеннолетних. Меры предупреждения вовлечения в криминальную субкультуру включали в себя, во-первых, социальное устройство несовершеннолетних, во-вторых, создание специальных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних; в-третьих, меры по предотвращению формирования крупных преступных группировок.

Приказом НКВД СССР от 1941 г. № 312 была введена инструкция «О работе детских комнат милиции», которые организовывались при городских, районных, линейных отделениях милиции для приема детей на время выяснения причин беспризорности и безнадзорности³. Постановлением СНК № 75 от 23 января 1942 г. были введены комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей⁴.

¹ О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно–опасных действиях: Декрет СНК РСФСР от 04.03.1920 (утратил силу) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Беженцев А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2017. С. 32.

³ Беженцев А.А. Указ. соч. С. 33.

⁴ Об устройстве детей, оставшихся без родителей: Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75 (утратил силу) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

О наличии в стране вооруженного бандитизма и в целом организованной преступности широко не говорилось, наличие организованной преступности в СССР было официально признано лишь в 1989 году на II Съезде народных депутатов СССР¹, до этого меры борьбы с ней включали организацию облав, окружений.

Развитие криминальной субкультуры в послевоенный период связано с промышленным производством, восстановлением хозяйства и миграцией населения.

Как отмечает Д.А. Краснов, город в 50–60 гг. XX в. был местом жительства немалого числа взрослых преступных элементов, стремившихся объединить вокруг себя подростков, «сами подростки тянулись к ним, считая их, если говорить современным языком, крутыми»².

Н.П. Грабовская в своем труде отметила, что «в отдельных случаях на деятельность подростка может оказать влияние поведение конкретного взрослого человека», и в целом влияние отдельных взрослых лиц, совершающих антиобщественные поступки и иногда вовлекающих несовершеннолетних на преступный путь является одной из причин преступности несовершеннолетних [2, с. 10, 12].

Таким образом, предупреждение вовлечения подростков в криминальную субкультуру в этот период стало включать в себя меры, направленные на недопущение возникновения условий, способствующих такому вовлечению.

Например, Постановлением Совета Министров РСФСР от 4 октября 1957 г. № 1099³ были предусмотрены создание при школах спортивных площадок, создание родительских комитетов для организации кружковой и экскурсионной работы с несовершеннолетними, организация внешкольных и культурных мероприятий, увеличение детских киносеансов и другое.

Новый этап в становлении криминальной субкультуры пришелся на 70–80-е гг. XX в. Если в предыдущий период криминальная субкультура была представлена лишь субкультурой беспризорников, в меньшем объеме – тюремной субкультурой несовершеннолетних, субкультурой наркоманов, то в это время впервые складывается устойчивая криминальная субкультура несовершеннолетних со всеми присущими для нее признаками. Одна из таких субкультур зародилась в Татарстане, когда несовершеннолетние начали объединяться в группировки и банды.

Л.В. Агеева, изучая «казанский феномен», отметила, что систему подобных молодежных группировок создал преступный мир, «видя в ней своеобразную школу для подрастающей смены... толкая малолеток на кражи, изнасилования, угоны автотранспорта»⁴. Правоохранительные органы столкнулись с проблемой в решении вопроса о предупреждении вовлечения несовершеннолетних в такие группировки.

Действительно, исходя из истории борьбы с преступностью несовершеннолетних, СССР на всех этапах делал акцент на совершенствовании деятельности различных организаций, работающих с молодежью, но не исследовалась ситуация, когда несовершеннолетние оказывались в сфере влияния тех или иных субкультур, не проводилось даже научных исследований, посвященных влиянию субкультур на молодых людей либо правоохранительные органы не использовали научные разработки в своей деятельности. Однако именно в данный период начинается переосмысление мер предупреждения, психологи и социологи начинают активно изучать феномен субкультур, личность несовершеннолетнего, однако радикальных изменений еще не происходит: «...произошли изменения в материальной базе культурно-спортивной работы ... по-новому строится учебная работа, меняют учебные планы профучилища»⁵. Вследствие внутрисполитических событий в нашей стране, в том числе распада СССР, социально-молодежная политика и меры предупреждения вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру были отодвинуты на второй план, а «казанский феномен» перестал существовать ввиду естественных причин.

¹ Костюковский Я. История российской организованной преступности [сайт]. Русский народный сервер против наркотиков; 2024 [обновлено 24 апреля 2024; процитировано 27 апреля 2024]. Доступно: <https://www.narcom.ru/publ/info/494>.

² Краснов Д.А. Детство в клетку. Преступность несовершеннолетних в Советской России. М.: ХХ ХХХХХ, 2014. С. 71.

³ О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности: Постановление Совета Министров РСФСР от 04.10.1957 № 1099 (утратило силу) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Агеева Л.В. Казанский феномен: миф и реальность. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. С. 174.

⁵ Там же. С. 270.

Вместе с тем, государственная, политическая и экономическая трансформация создала среду для возникновения другой криминальной субкультуры – «воры в законе» [4, с. 111], которая получила широкую известность и гласность именно в 90–е гг. XX в. и стала предпосылкой для возникновения другого явления – криминальной субкультуры «АУЕ», признаки которой существуют и в настоящее время.

Таким образом, криминальная субкультура в окончательном виде сформировалась лишь в 80–90–х гг. XX в., более того само изучение социального феномена субкультуры началось с середины XX в. История становления криминальной субкультуры несовершеннолетних включает в себя период до 70–х гг. XX в., для которого характерно отсутствие устойчивой криминальной субкультуры, и период после 70–х гг. XX в., который ознаменовался становлением первой полноценной криминальной субкультуры (казанская субкультура). Необходимо отметить, что каких-либо комплексных мер предупреждения вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру не было, они были сопряжены с мерами предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних в целом.

Список использованной литературы:

1. Белановский С.А. Публикации разных лет: сборник научных трудов. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»; 2019.
2. Грабовская Н.П. Уголовно–правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних в СССР: монография. Ленинград: издательство Ленинградского университета; 1961.
3. Кара С.В. Начало создания исправительно–воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России. *Вестник Брянского государственного университета*. 2015;(2):216–218.
4. Кузьмин А.В. «Воры в законе» в СССР и России. *Научный компонент*. 2019;(3):110–115.
5. Раковский Д.В. Криминальная субкультура через призму философской терминологии. *Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»*. М.: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова; 2019.
6. Рябова О.А., Кузнецова Н.А., Кузнецова Н.В. История становления и развития правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних в России. *Modern Science*. 2019;(10–3):223–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косаренко Артем Андреевич

аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет И.Т. Трубилина»

References:

1. Belanovsky S.A. [Publications of different years: a collection of scientific papers]. M.: ООО "Scientific Publishing Center INFRA-M"; 2019. (In Russ.)]
2. Grabovskaya N.P. [Criminal law fight against juvenile delinquency in the USSR]. Leningrad: Leningrad University Press; 1961.
3. Kara S.V. [The beginning of the creation of correctional and educational institutions for juvenile offenders in Russia]. *Bulletin of the Bryansk State University*. 2015;(2):216–218. (In Russ.)]
4. Kuzmin A.V. ["Thieves in law" in the USSR and Russia]. *Scientific component*. 2019;(3):110–115. (In Russ.)]
5. Rakovsky D.V. [Criminal subculture through the prism of philosophical terminology]. *The ideological foundations of the culture of modern Russia: collection of scientific papers of the X International Scientific and practical Conference. Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov*. M.: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov; 2019.
6. Ryabova O.A., Kuznetsova N.A., Kuznetsova N.V. [The history of the formation and development of legal regulation of criminal liability of minors in Russia]. *Modern Science*. 2019;(10–3):223–229. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem A. Kosarenko

Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the FGBOU VO "Kuban State Agrarian University I.T. Trubilin"

ПРИЗНАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ СВОЕЙ ВИНЫ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Мичурина О.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

(Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117997)

Ссылка для цитирования: Мичурина О.В. Признание подозреваемым своей вины как одно из условий для производства дознания в сокращенной форме. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):104–109. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-104-109>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Мичурина Оксана Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Адрес: Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117997

Тел.: +7 (495) 336-54-44

E-mail: okmich@inbox.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.05.2024

Статья принята к печати: 04.06.2024

Дата публикации: 28.06.2024

Аннотация: В статье подвергнуто анализу одно из условий для осуществления дознания в сокращенной форме – признание подозреваемым своей вины. Сделан вывод, что данное условие носит обязательный характер. Несмотря на неоднозначные его оценки в юридической литературе и неблагоприятные прогнозы относительно возможных способов получения, обосновано, что признание вины играет особую роль в разрешении вопроса о производстве дознания в сокращенной форме.

Цель исследования заключается в выработке теоретических положений и решение прикладных проблем относительно признания подозреваемым своей вины как одного из условий для производства дознания в сокращенной форме.

Постановка названной цели определила решение следующих *задач*: определить характер признания подозреваемым своей вины при осуществлении дознания в сокращенной форме; установить роль признания подозреваемым своей вины при осуществлении дознания в сокращенной форме; на основе изученных мнений в науке уголовного процесса, сформулировать авторское видение на признание подозреваемым своей вины как условия для осуществления дознания в сокращенной форме; выявить и критически осмыслить проблемные аспекты практики правоприменения признания подозреваемым своей вины при осуществлении дознания в сокращенной форме.

Сформулированные в статье *выводы* ориентированы на дальнейшую разработку предложений теоретического и прикладного характера, касающихся признания вины как одного из условий для осуществления дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: дознание, сокращенное дознание, сокращенная форма дознания, подозреваемый, допрос подозреваемого, признание вины.

RECOGNITION BY THE SUSPECTS OF HIS GUILTY AS ONE OF THE CONDITIONS FOR CONDUCTING AN INVESTIGATION IN A SHORT FORM

Oxana V. Michurina

FGKOU VO "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V. Ya. Kikot"
(Academician Volgin str., 12, Moscow, Russia, 117997)

Link for citation: Michurina O.V. Recognition by the suspects of his guilty as one of the conditions for conducting an investigation in a short form. *Legal Bulletin of Kuban State University*. 2024;16(2):104–109. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-104-109>

CONTACT INFORMATION:

Oxana V. Michurina, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure
FGKOU VO "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after
V. Ya. Kikot"

Address: Academician Volgin str., 12, Moscow, Russia, 117997

Tel.: +7 (495) 336-54-44

E-mail: okmich@inbox.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.05.2024

The article has been accepted for publication: 04.06.2024

Date of publication: 28.06.2024

Annotation: The article analyzes one of the conditions for carrying out an inquiry in an abbreviated form – the suspect's recognition of his guilt. It is concluded that this condition is mandatory. Despite its ambiguous assessments in the legal literature and unfavorable forecasts regarding possible methods of obtaining it, it is justified that an admission of guilt plays a special role in resolving the issue of conducting an inquiry in an abbreviated form.

The purpose of the study is to develop theoretical principles and solve applied problems regarding the suspect's recognition of his guilt as one of the conditions for conducting an inquiry in an abbreviated form.

The setting of this goal determined the solution of the following *tasks*: to determine the nature of the suspect's recognition of his guilt when conducting an inquiry in an abbreviated form; establish the role of the suspect admitting his guilt when conducting an inquiry in an abbreviated form; based on the studied opinions in the science of criminal proceedings, formulate the author's vision for the suspect's recognition of his guilt as a condition for carrying out an inquiry in an abbreviated form; identify and critically comprehend the problematic aspects of law enforcement practice when a suspect admits his guilt when conducting an inquiry in an abbreviated form.

The conclusions formulated in the article are focused on the further development of proposals of a theoretical and applied nature regarding the admission of guilt as one of the conditions for carrying out an inquiry in an abbreviated form.

Keywords: inquiry, shortened inquiry, shortened form of inquiry, suspect, interrogation of a suspect, admission of guilt.

Введение

В качестве основания для начала производства дознания в сокращенной форме уголовно-процессуальный закон устанавливает волеизъявление подозреваемого, оформленное соответствующим ходатайством. При этом данное волеизъявление не является определяющим и окончательным для дознавателя при смене формы дознания с обычного порядка на сокращенный. Дознаватель принимает решение о производстве дознания в сокращенной форме учитывая еще и условия, предусмотренные п. 1–3 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, а также руководствуясь собранными

достаточными данными. В силу объективных причин доказательств на момент принятия решения может еще и не быть.

Отдельный научный интерес, среди обозначенных условий, представляет признание подозреваемым своей вины. Данное условие задолго до его привязки с сокращенному дознанию, традиционно вызывало споры среди исследователей, становясь предметом многочисленных научных дискуссий. Научные воззрения на этот счет отличаются разнообразием. Актуальны для обсуждения они до сих пор в связи с необходимостью выработки единого научного подхода к решению проблемы.

Методы исследования

Для определения характера и установления роли признания вины как одного из условий производства дознания в сокращенной форме использовались универсальный диалектический метод научного познания, а также совокупность методов общенаучных (логический, анализ и синтез, дедукция и индукция) и частнонаучных (сравнительно-правовой, структурно-функциональный и др.), посредством которых осуществлялась теоретическая интерпретация законодательного, научного и практического материала. Все указанные методы обеспечили выполнение требований комплексного подхода к исследованию проблем признания подозреваемым своей вины как одного из условий для производства дознания в сокращенной форме.

Результаты исследования

Основываясь на традиционных воззрениях в теории уголовного процесса относительно оснований и условий начала осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений, которые принято рассматривать как различные элементы, установлено, что основания выступают юридической предпосылкой для условий, а сами условия набором обязательных требований, которые должны быть соблюдены. Тем самым основания необходимы для возникновения конкретного события, а условия для его реализации. В рассматриваемом автором аспекте условий, касающихся начала производства дознания в сокращенной форме, обнаружено, что их требуется определенная совокупность. Выявлено, что если хотя бы одно из условий отсутствует, то и проведение дознания в сокращенной форме невозможно.

Утверждается, что волеизъявление подозреваемого о применении сокращенного дознания является лишь иницирующим фактором для принятия соответствующего решения дознавателем, реализация его волеизъявления зависит от выполнения следующих условий: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также не оспаривание им правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела; отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (п. 1–3 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ).

Анализ правовой регламентации признания вины как одного из условий для производства дознания в сокращенной форме позволил аргументировать вывод, что данное условие носит обязательный характер.

Несмотря на неоднозначные оценки признания вины в юридической литературе и неблагоприятные прогнозы относительно возможных способов его получения, автором обосновано, что оно играет особую роль в разрешении вопроса о производстве дознания в сокращенной форме.

Научная дискуссия

Выполняя важную роль в отдельных производствах (сокращенное дознание, особый порядок судебного разбирательства, прекращение уголовного дела за примирением подозреваемого, обвиняемого с потерпевшим, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием и др.), признание вины не рассматривается как доказательство, превалирующее по своей юридической силе над другими. Такова позиция современного отечественного уголовного судопроизводства, устранившего неравенство доказательств и приоритетность одного над другим, основываясь на научных воззрениях М.С. Строговича, что признание вины – это обычное, рядовое доказательство [12, с. 120–121]. При этом признание вины обязательно для решения вопроса о начале указанных производств, без него как одного из обязательных условий, они не могут начаться. Поэтому и для сокращенного дознания признание вины превалирует над ее непризнанием.

Определяя значение признания подозреваемым своей вины, Б.Т. Безлепкин отмечает, что выполняя особую роль среди законных условий производства дознаний в сокращенной форме, оно

образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию¹.

Между тем Р. Куссмауль приводит доводы для исключения показаний подозреваемых и обвиняемых, признающих свою вину, из числа доказательств, поскольку «они всегда сомнительны» [8, с. 52–53]. Отчасти по этой причине высказываются в юридической литературе суждения, что признание вины вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности, а обязательный ее характер для начала сокращенного дознания имеет риск повлечь нарушения со стороны дознавателя, когда подозреваемый под давлением вынужден признавать себя виновным без должного рассмотрения доказательств и объективного расследования [1, с. 16; 2, с. 33–39; 6, с. 22–34; 5, с. 45]. В связи с чем дознание в сокращенной форме представляется исследователям в качестве имитации соблюдения уголовно-процессуальных требований из-за того, что во многих случаях процессуальные решения принимаются на основании признательных показаний подозреваемого [6, с. 39], как противовес основным положениям теории доказательств [7, с. 154], а за отсылку к доктрине развитого сталинизма с ее признанием в качестве царицы доказательств – «мертворожденное дитя реформаторов» [13, с. 5].

Следует признать, что мы не видим явных противоречий между признанием подозреваемым своей вины и презумпцией невиновности. На основании ч. 1 ст. 14 УПК РФ установление виновности не является обязанностью дознавателя, поскольку это исключительное правомочие суда. Виновность и вина не синонимы, это разные понятия, последнее является структурным элементом виновности. Поэтому установление дознавателем вины подозреваемого не конкурирует с презумпцией невиновности. Более того, по окончании сокращенного дознания в обвинительном постановлении дознаватель обязан отразить ее доказанность. Это обусловлено особой правовой природой обвинительного постановления, выполняющего роль не только итогового процессуального документа, но реализующего еще и обвинение путем смены процессуального статуса подозреваемого на обвиняемого. При этом для подозрения, как верно заметил В.А. Семенцов, нет обязательности основываться только на доказательствах, поскольку на этапе его возникновения объективно отсутствует предварительно накопленная доказательственная база, как это имеет место при обвинении [11, с. 102]. По этой причине в обвинительном постановлении признание вины базируется уже не на достаточных данных, а именно на собранных доказательствах.

Признавать вину или не признавать ее – это право подозреваемого. Захочет он его реализовать, будут в наличии все другие необходимые условия, сокращенное дознание осуществится, не захочет, значит продолжится дознание в обычном порядке. По этой причине согласимся в целом с теми учеными, кто поддерживает начало реализации дознания в сокращенной форме через выполнение условия в виде признания подозреваемым свое вины [2, с. 10–12].

Что же касается упреков в адрес дознавателя о соблазне применения им незаконных мер для получения такого признания, то они тоже сомнительны. Если подобные случаи имеют место быть в правоприменении, то они, как правило, единичны и уж никак не связаны с необходимостью начать дознание в сокращенной форме. Для самого дознавателя данный формат предварительного расследования никакой особой выгоды не несет, за исключением сокращения его процессуальных сроков. Относительно процедуры упрощенного доказывания, установленной в ст. 226.5 УПК РФ в виде «не проверять, не допрашивать, не назначать, не проводить», то дознаватели вынуждены на практике реализовывать доказывание часто и без учета данных особенностей по причине отказа подозреваемого от сокращенного дознания в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Последним уравниваются возможные риски ограничения прав и законных интересов подозреваемого, связанные с признанием им своей вины.

Кроме того, всегда имеются и другие факторы, которые могут способствовать недостоверности признания вины. К примеру, самооговор подозреваемого, когда он добровольно берет на себя чужую вину по разным личным мотивам: начиная от стремления скрыть свои другие преступления до освобождения от ответственности иного лица. Ситуацию усугубляет любой случай самооговора (путем незаконных методов дознавателя или по личным мотивам подозреваемого), так как его нельзя проверить в суде. Это связано с особым порядком судебного разбирательства, изложенным в ст. 316 и 317 УПК РФ, где отсутствует проверка доказательств. По этой причине судебное решение становится уязвимым с точки зрения требований его законности и

¹ Безлепкии Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 316.

обоснованности. Отсюда научный интерес представляет предложение о введении обязательного участия прокурора в формировании признательных показаний подозреваемого (обвиняемого), равно как и других его заявлений, которым законом придается юридическое значения основания для проведения упрощенной процедуры производства по уголовному делу¹.

Статьей 226.4 УПК РФ установлено, что ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме должно быть подано дознавателю в письменной форме и быть подписанным подозреваемым и его защитником. Это требование дополняется п. 8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, который обязывает участие защитника при подаче такого ходатайства. Все это обеспечивает надежную защиту прав и законных интересов подозреваемого.

При рассмотрении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель должен установить требуемые в законе условия и отсутствие обстоятельств, исключающих данный вид дознания. По результатам рассмотрения ходатайства оно либо удовлетворяется, что приводит к производству дознания в сокращенной форме, либо принимается решение об отказе в удовлетворении ходатайства и уголовное дело продолжает расследоваться в форме обычного дознания.

Кроме того, важно определиться с моментом появления признательных показаний. Совершенно очевидно, что они должны найти отражение в протоколе допроса подозреваемого. Но на каком этапе: до его ходатайства о проведении сокращенного дознания или после? Имеет место позиция, отчасти основанная на толковании норм УПК РФ, что допрос подозреваемого возможен после заявления им ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме [9, с. 14; 10, с. 210]. Нам же представляется, что было бы более правильным сначала допросить подозреваемого, закрепить его признательные показания в протоколе допроса, а лишь затем разъяснить ему право ходатайствовать о проведении сокращенного дознания.

Таким образом, признание подозреваемым своей вины, играя в уголовном судопроизводстве роль показателя его личной ответственности за совершенное преступление, является одним из обязательных условий производства дознания в сокращенной форме. Имеющийся в уголовно-процессуальном законе комплекс процедур, сопровождающих признание подозреваемым своей вины, адекватно уравнивает возможные риски ограничения его прав и законных интересов. Несмотря на это, необходимо понимать, что признание вины не всегда является объективным и достоверным, что делает несколько уязвимым в этом аспекте принятие решения о производстве дознания в сокращенной форме.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С., Лapatников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения. *Уголовный процесс*. 2013;4(100):12–19.
2. Безруков С.С. Производство дознания в сокращенной форме и принципы уголовного процесса. *Проблемы предварительного следствия и дознания. Сборник научных трудов по материалам межведомственного круглого стола*. М.: ВНИИ МВД России; 2013.
3. Григорьев Д.А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека. *Мировой судья*. 2011;(6):10–12.
4. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат. *Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы*

References:

1. Aleksandrov A.S., Lapatnikov M.V. [Abbreviated inquiry: novelties of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the difficulties of their application]. *Ugolovnyy protsess = Criminal process*. 2013;4(100):12–19. (In Russ.)
2. Bezrukov S.S. [Conducting an inquiry in an abbreviated form and the principles of the criminal process]. *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdovedomstvennogo kruglogo stola = Problems of preliminary investigation and inquiry. Collection of scientific papers based on materials from the interdepartmental round table*. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013. (In Russ.)
3. Grigoriev D.A. [Accelerated form of pre-trial proceedings in a criminal case and human rights]. *Mirovoy sud'ya = World judge*. 2011;(6):10–12. (In Russ.)
4. Dikarev I.S. [Inquiry in an abbreviated form: the legislator's intention and practical result]. *Doznaniye v sokrashchennoy forme: voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii i problemy pravoprimeniya. Sbornik*

¹ Левченко О.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023. С. 22.

правоприменения. Сборник статей под общ. ред. И.С. Дикарева. Волгоград: Изд-во ВолГУ; 2013.

5. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. *Российский судья*. 2013;(6):43–46.

6. Закотянский А.С. Анализ практики дознания в сокращенной форме (по материалам Самарской области). *Вестник Нижегородской правовой академии*. 2015;(5):38–41.

7. Исмагилов Р.А. Некоторые проблемы производства дознания в сокращенной форме. *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2019;(38):152–156.

8. Куссмауль Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств. *Российская юстиция*. 2001;(7):52–53.

9. Муравьев К.В. Дознание в сокращенной форме: комментарий главы 32.1 УПК РФ. *Законодательство и практика*. 2013;1(30):15–19.

10. Николаева Т.А., Летелкин Н.В., Царева Ю.В. Особенности уголовного преследования при осуществлении упрощенного производства. *Вопросы российского и международного права*. 2019;(12A):206–213. DOI: 10.34670/AR.2020.92.12.021.

11. Семенцов В.А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;(1):101–108. DOI: 10.31429/20785836-15-1-101-108.

12. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. М.: Наука; 1984.

13. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса. *Адвокат*. 2013;(10):5–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мичурин Оксана Валерьевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
ORCID: 0009-0004-0028-8953
AuthorID: 386247

statey pod obshch. red. I.S. Dikareva = *Inquiry in an abbreviated form: issues of legislative regulation and problems of law enforcement. Digest of articles under general ed. I.S. Dikarev*. Volgograd: VolSU Publishing House; 2013. (In Russ.)]

5. Dolya E.A. [Peculiarities of proof during an inquiry in an abbreviated form]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2013;(6):43–46. (In Russ.)]

6. Zakotyansky A.S. [Analysis of the practice of inquiry in an abbreviated form (based on materials from the Samara region)]. *Vestnik Nizhegorodskoy pravovoy akademii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy*. 2015;(5):38–41. (In Russ.)]

7. Ismagilov R.A. [Some problems of conducting an inquiry in an abbreviated form]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*. 2019;(38):152–156. (In Russ.)]

8. Kussmaul R. [Exclude the testimony of the accused from the evidence]. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justice*. 2001;(7):52–53. (In Russ.)]

9. Muravyov K.V. [Inquiry in an abbreviated form: commentary on Chapter 32.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and practice*. 2013;1(30):15–19. (In Russ.)]

10. Nikolaeva T.A., Letelkin N.V., Tsareva Yu.V. [Peculiarities of criminal prosecution in simplified proceedings]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2019;(12A):206–213. DOI: 10.34670/AR.2020.92.12.021. (In Russ.)]

11. Sementsov V.A. [Suspicion in domestic criminal proceedings: history and modernity]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University*. 2023;(1):101–108. DOI: 10.31429/20785836-15-1-101-108. (In Russ.)]

12. Strogovich M.S. [The right of the accused to defense and the presumption of innocence] / Ed. V.M. Savitsky. M.: Science; 1984. (In Russ.)]

13. Sumin A.A. [Abridged inquiry: the stillborn child of criminal process reformers]. *Advokat = Advocate*. 2013;(10):5–8. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oxana V. Michurina

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure FGKOU VO "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"
ORCID: 0009-0004-0028-8953
AuthorID: 386247

**КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ;
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ**

**CONFERENCES; SYMPOSIUMS;
SCIENTIFIC SEMINARS**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-110-115>

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Международная научно-практическая конференция кафедры уголовного процесса. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(2):110–115. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-110-115>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2024

Статья принята к печати: 17.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE CONFERENCE OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. International scientific and practical conference conference of the department of criminal procedure. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(2):110–115. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-2-110-115>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040
Tel.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.04.2024

The article has been accepted for publication: 17.05.2024

Date of publication: 28.06.2024

5 апреля 2024 г. на юридическом факультете имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности» в очном, заочном и дистанционном режиме (приказ Кубанского государственного университета от 25 декабря 2023 г. № 2940).

Фото 1. Участники конференции

В общей сложности в конференции участвовало 138 ученых и практиков, которые подготовили 124 доклада. Сборник материалов конференции опубликован в Кубанском государственном университете. Публикация сборника материалов к началу конференции стала хорошей традицией кафедры и позволила использовать сформулированные в нем научные позиции в качестве основы для дискуссии на конференции и в дальнейшем. Сборник состоит из 2 частей: соответственно 398 с. (24,9 п.л.) и 374 с. (23,4 п.л.).

Участие в работе конференции приняли зарубежные ученые из 9 стран: Азербайджанской Республики, Королевства Таиланд, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Бенин, Республики Казахстан, Республики Сербия, Республики Таджикистан, Социалистической Республики Вьетнам, а также представители отечественного судейского сообщества, работники прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокаты.

Проявили активность ученые из других вузов России: Академии управления Министерства внутренних дел, Байкальского государственного университета, Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Волгоградской академии МВД России, Волгоградский государственный университет, Волгоградского государственного аграрного университета, Воронежского государственного университета, Воронежского института МВД России, Донецкого государственного университета, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) Федерального университета, Краснодарского университета МВД России, Международного инновационного университета, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО), Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Московского университета МВД России имени

В.Я. Кикотя, Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, Нижегородской академии МВД России, Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российского государственного университета правосудия, Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Ростовского юридического института МВД России, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Саратовской государственной юридической академии, Тюменского государственного университета, Ульяновского государственного университета, Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Уральского юридического института МВД России, Херсонского государственного педагогического университета, Юго-Западного государственного университета.

С приветственным словом к участникам конференции обратились:

1) проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Кубанского государственного университета кандидат юридических наук, доцент Редькин Николай Васильевич;

2) декан юридического факультета имени А.А. Хмырова доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы Потапенко Сергей Викторович;

Фото 2. Выступление декана юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета С.В. Потапенко

3) заведующий кафедрой уголовного процесса доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани Гладышева Ольга Владимировна;

4) заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызская Республика), доктор юридических наук, профессор, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызстане Шамурзаев Таалайбек Турсунович (дистанционно).

Фото 3. Президиум конференции (Н.В. Редькин, В.А. Семенцов, С.В. Потапенко)

С докладами на конференции выступили 19 участников:

1. Гладышева Ольга Владимировна – заведующий кафедрой уголовного процесса, руководитель магистерской программы Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани на тему «Забвение публичных интересов (на примере производства по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности)».

2. Григорьев Виктор Николаевич – ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры НИИ Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор на тему «О концепции государственной комиссии по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности, совершённых в период специальной военной операции 2022–2024 гг.».

3. Ильютченко Наталия Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент на тему «Обеспечение единства судебной практики по уголовным делам».

4. Май Дак Бьен – заместитель начальника управления осуществления уголовного преследования и надзора за законностью в расследовании уголовных дел Верховной прокуратуры Социалистической Республики Вьетнам, доктор философии по праву, доцент на тему «Укрепление внутреннего контроля при осуществлении уголовного преследования и надзора за судебной деятельностью» (дистанционно).

5. Шитов Александр Николаевич – профессора юридического факультета Чиангмайского университета (Королевство Таиланд), доктор юридических наук, доцент на тему «Восстановительное правосудие: на пути к новому уголовному процессу».

Фото 4. Выступление профессора Чиангмайского университета (Королевство Таиланд) А.Н. Шитова

6. Милич Д. Иван – доцент кафедры уголовного права Новосадского ун-та Республики Сербия, доктор юридических наук на тему «Электронный контроль за лицами, осужденными к лишению свободы» (дистанционно).

7. Рудакова Светлана Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса, заместитель декана юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ на тему «Эффективность последующего судебного обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу».

8. Цыпина Алла Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат филологических наук, лингвист-эксперт на тему «Лингвистическая безопасность в Российской Федерации: правовое освещение вопроса».

9. Лукожев Хусен Манаевич – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент на тему «Основы теории координации в уголовном процессе».

10. Валов Сергей Владимирович – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета РФ имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент на тему «Получение следователем сведений из информационных систем операторов сотовой связи: правовые и организационно-технологические модели» (дистанционно).

11. Хмыров Ростислав Владимирович – член комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов РФ по защите прав адвокатов, вице-президент и председатель комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края, председатель коллегии адвокатов «Хмыров, Валяевский и Партнеры», соискатель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета на тему «Расширение процессуальной сферы участия представителя адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве».

12. Лагодина Елена Ивановна – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани, нотариус г. Краснодара на тему «Особенности проведения обыска и выемки в отношении нотариуса».

13. Костенко Роман Валерьевич – профессор кафедры уголовного процесса, руководитель магистерской программы Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор на тему «Искусственный интеллект как судья в уголовном процессе».

14. Лафирук Андрей Андреевич – преподаватель Херсонского государственного педагогического университета на тему «Актуальные проблемы начала расследования и доказывания уклонения от уплаты налогов и сборов».

15. Петрикин Владимир Юрьевич – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов на тему «Процессуальные особенности прекращения уголовного дела при особом порядке судебного разбирательства».

16. Яновский Антон Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов на тему «Досудебное соглашение о сотрудничестве, как проверка нравственных начал профессии адвоката».

17. Малышева Ольга Анатольевна – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент на тему «Прекращение следователем уголовного дела в связи с примирением сторон: проблемы и пути оптимизации практики» (дистанционно).

18. Попова Юлия Адамовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета на тему «Вердикт в системе уголовно-процессуальных решений».

19. Семенцов Владимир Александрович – профессор кафедры уголовного процесса, руководитель магистерской программы и научной школы Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани на тему «Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела».

Всем докладам был присущ высокий научный уровень и актуальность. Важной частью конференции стали дискуссии по обсуждаемым проблемам, в которых активное участие приняли как преподаватели, так и студенты.

В рамках программы визита состоялась встреча с деканом юридического факультета имени А.А. Хмырова С.В. Потапенко профессора юридического факультета Чиангмайского университета (Королевство Таиланд) доктора юридических наук, доцента А.Н. Шитова. Стороны обсудили перспективы дальнейшего творческого сотрудничества.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov
Dr. of Sci. (Law), Professor, honored lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"